

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

ISSN 2078-9025

№ 3 (72) • 2026

Серия «РЕГИОНАЛИСТИКА И ЭТНОПОЛИТИКА»

12+

DOI: 10.47598/2078-9025-2026-3-72

Учредитель:

Образовательное учреждение профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений»

Научный журнал

Издается с 2009 г. Выходит ежеквартально.

ПИ № ФС77-34653 от 02 декабря 2008 г.

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)» включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям:

5.2.3. Региональная и отраслевая экономика; 5.2.4. Финансы; 5.2.6. Менеджмент; 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии; 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

НИГМАТУЛЛИНА Танзиля Алтафовна — главный редактор, доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, директор, заведующий кафедрой политологии, истории, теории государства и права Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

ВЕЛЬЦ Рахиль Яковлевна — заместитель главного редактора, кандидат филологических наук, доцент, ученый секретарь Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

АЛИМАРДАНОВ Мухамади Ибрагимович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и туризма Университета «Oriental University» (Ташкент, Республика Узбекистан)

АМИРОВА Людмила Александровна — доктор педагогических наук, доцент, главный научный сотрудник Управления научной работы Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы (Уфа, Российская Федерация)

АНТОШКИН Виктор Николаевич — доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

АРЗАМАСКИН Николай Николаевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета (Ульяновск, Российская Федерация)

АРИСТАРХОВА Маргарита Константиновна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансовых, учетных и налоговых технологий Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

АСАДУЛЛИН Раиль Мирваевич — доктор педагогических наук, профессор, директор научно-исследовательского института стратегии развития образования (Уфа, Российская Федерация)

АСОНОВ Николай Васильевич — доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии Института истории и политики Московского педагогического государственного университета (Москва, Российская Федерация)

АХМЕДОВА Гузалхон Уткуровна — доктор юридических наук, доцент кафедры криминалистики и судебной экспертизы Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Республика Узбекистан)

БУРХАНОВА Флюра Булатовна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории региональных исследований качества жизни Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Уфа, Российская Федерация)

ГАЛИЕВ Фарит Хатипович — доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

ГАЛЛЯМОВ Рушан Рахимзянович — доктор социологических наук, кандидат философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Уфа, Российская Федерация)

ГАРЕЕВА Наиля Альфритовна — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и кредита Нижнекамского филиала Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязева (Нижнекамск, Российская Федерация)

ГАЯЗОВ Альфис Суфиянович — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

ГЫЯЗОВ Айдарбек Токторович — доктор экономических наук, профессор, ректор Баткенского государственного университета (Баткен, Киргизская Республика)

Адрес редакции и издателя: проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054

E-mail: vestnikBIST@ufabist.ru

Сайт: vestnik-bist.ru

ДАВЛАТОВ Кудрат Камбарович — доктор экономических наук, профессор, ректор Таджикского технического университета имени академика М. С. Осими (Душанбе, Республика Таджикистан)

ЗАЙНАШЕВА Зарима Гафаровна — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры региональной экономики и управления Института экосистем бизнеса и креативных индустрий Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

КОДИРОВ Фируз Абдулхафизович — кандидат экономических наук, доцент, проректор по международным отношениям Таджикского государственного финансово-экономического университета (Душанбе, Республика Таджикистан)

КРИВЦОВ Артем Игоревич — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и внешнеэкономической деятельности имени И. Н. Герчиковой Московского государственного института международных отношений МИД Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

ЛАТЫПОВ Вадим Сагитьянович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, процесса и цивилистики Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

ЛЯПУНЦОВА Елена Вячеславовна — доктор технических наук, профессор, профессор кафедры ИБМ-7 Московского государственного технического университета имени Н. Э. Баумана (Москва, Российская Федерация)

МАКАРОВА Гузель Ильясовна — доктор социологических наук, кандидат философских наук, доцент, главный научный сотрудник отдела этнологических исследований Института истории имени Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация)

МАКАРОВА Тамара Ивановна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь)

МАТВЕЕВА Любовь Дмитриевна — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма, гостиничного и ресторанного сервиса Института экосистем бизнеса и креативных индустрий Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

МЕДВЕДЕВ Николай Павлович — доктор политических наук, профессор, главный редактор издательства «Наука сегодня» (Москва, Российская Федерация)

МИРАЛИЁН Киёмиддин Абдусалимзода — доктор политических наук, доцент, председатель Исполнительного Комитета Народно-демократической партии Таджикистана в Хатлонской области, координатор Молодежной межпарламентской ассамблеи государств СНГ Парламента Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан)

МИХАЙЛОВА Наталья Вячеславовна — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры публичной политики, истории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов (Москва, Российская Федерация)

МОХОВ Виктор Павлович — доктор исторических наук, профессор, декан гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Российская Федерация)

МУДАРИСОВ Равиль Зуфарович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии, истории и права Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Уфа, Российская Федерация)

МУХАМЕТЗЯНОВА-ДУГГАЛ Регина Массаровна — доктор политических наук, главный научный сотрудник отдела религиоведения Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Российская Федерация)

НАЗАРОВА Ульяна Анатольевна — доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры проектного менеджмента и экономики предпринимательства Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и интеграционного права Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

ПАНАЧЕВ Валерий Дмитриевич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры физической культуры Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Российская Федерация)

ПОЛИЩУК Николай Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Российская Федерация)

РАХМАТУЛЛИНА Зугура Ягануровна — доктор философских наук, профессор, директор Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Российская Федерация)

РЫКОВА Инна Николаевна — доктор экономических наук, академик РАЕН, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

САФИН Фаиль Габдуллович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом этнополитологии Института этнологических исследований имени Р. Г. Кузеева Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Уфа, Российская Федерация)

СТЕГНИЙ Василий Николаевич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и политологии Пермского национального исследовательского политехнического университета (Пермь, Российская Федерация)

ТАГАРИЕВА Ирма Рашитовна — доктор педагогических наук, доцент, заместитель научного руководителя Научно-исследовательского института стратегии развития образования Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы (Уфа, Российская Федерация)

ТЕРНОВАЯ Людмила Олеговна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) (Москва, Российская Федерация)

ТЛЕПИНА Шолпан Валерьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева (Астана, Республика Казахстан)

УСМАНОВА Резида Минияровна — доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак, Российская Федерация)

ФЕЛЬДМАН Павел Яковлевич — кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры философии и социологии Академии труда и социальных отношений (Москва, Российская Федерация)

ФОМЕНКОВ Артем Александрович — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических коммуникаций Института международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Российская Федерация)

ХАБИБУЛЛИНА Айгуль Рафкатовна — доктор исторических наук, доцент, директор Уфимской санаторной школы-интерната № 2 (Уфа, Российская Федерация)

ЧЕПУС Алексей Викторович — доктор юридических наук, доцент кафедры конституционного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация)

ЭРГАШЕВА Шахло Тургуновна — кандидат экономических наук, профессор, директор Инновационного ресурсного центра повышения квалификации по международным стандартам финансовой отчетности и аудита при Ташкентском государственном экономическом университете (Ташкент, Республика Узбекистан)

ЮНУСОВА Дилфуза Исраиловна — доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, профессор кафедры математики и методики ее преподавания Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами (Ташкент, Республика Узбекистан)

ЯМАЛОВА Эльвира Наилевна — доктор политических наук, профессор, и. о. проректора по информационной политике Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БАРАНОВА Екатерина Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа, Российская Федерация)

БОЧАРОВА Татьяна Евгеньевна — ответственный секретарь журнала «Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий)», начальник отдела научной редакции (журнал «Вестник БИСТ») и издательской деятельности Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

БЫСТРОВ Александр Ильич — кандидат технических наук, доцент, доцент кафедры экономики и информационных технологий Башкирского института социальных технологий (филиала) Академии труда и социальных отношений (Уфа, Российская Федерация)

ГАЛИЕВА Гульназ Физратовна — доктор экономических наук, доцент, директор Центра карьеры Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

СУЛЕЙМАНОВ Артур Рамилевич — кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений, истории и востоковедения Уфимского государственного нефтяного технического университета (Уфа, Российская Федерация)

Vestnik BIST

(Bashkir Institute of Social Technologies)

ISSN 2078-9025

No. 3 (72) • 2026

12+

"REGION STUDIES AND ETHNOPOLITICS"

DOI: 10.47598/2078-9025-2026-3-72

Founder:

Educational Institution
of Trade Unions
of higher education
"Academy of Labour
and Social Relations"

Scientific journal

Published since 2009. Published every three months.

ПИ № ФС77-34653 dated 2nd December, 2008

Upon decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission (HAC) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the scientific journal "Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)" is included in the list of peer-reviewed scientific publications HAC, which should be published basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science, for the degree of Doctor of Science in scientific specialties: 5.2.3. Regional and Sectoral Economy; 5.2.4. Finance; 5.2.6. Management; 5.5.2. Political Institutions, Processes, Technologies; 5.1.2. Public Legal (State Legal) Sciences.

JOURNAL EDITORS:

NIGMATULLINA Tanzilya Altafovna — Editor-in-Chief, Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Director, Head of the Department of Political Science, History, Theory of State and Law, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

VELTS Rakhil Yakovlevna — Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Academic Secretary, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

ALIMARDANOV Mukhamadi Ibragimovich — Doctor of Economics Sciences, Professor, Professor of the Department of Economics and Tourism, Oriental University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

AMIROVA Lyudmila Aleksandrovna — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Scientific Research of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmula (Ufa, Russian Federation)

ANTOSHKIN Viktor Nikolaevich — Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

ARZAMASKIN Nikolay Nikolaevich — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russian Federation)

ARISTARHOVA Margarita Konstantinovna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Financial, Accounting and Tax Technologies, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

ASADULLIN Rail Mirvaeich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Strategic Development of Education (Ufa, Russian Federation)

ASONOV Nikolai Vasilyevich — Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science, Institute of History and Politics, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russian Federation)

AKHMEDOVA Guzalkhon Utkurovna — Doctor of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Forensic Expertise, Tashkent State Law University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

BURKHANOVA Flyura Bulatovna — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher, Laboratory of Regional Studies of Quality of Life, Institute of Sociology, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

GALIEV Farit Khatipovich — Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

GALLYAMOV Rushan Rakhimzyanovich — Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Philosophy, Professor, Leading Researcher of the Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Ufa, Russian Federation)

GAREEVA Nailya Alfritovna — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Finance and Credit, Nizhnekamsk branch of Kazan Innovation University named after V. G. Timiryasov (Nizhnekamsk, Russian Federation)

GAYAZOV Alfis Sufiyonovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of the Department of Pedagogy, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

GYAZOV Aidarbek Toktorovich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector, Batken State University (Batken, Kyrgyz Republic)

DAVLATOV Kudrat Kambarovich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector, Tajik Technical University named after academician M. S. Osimi (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

Editorial and publisher address: 74/2 Prospekt Oktyabrya, Ufa, the Republic of Bashkortostan, 450054

E-mail: vestnikBIST@ufabist.ru

Website: vestnik-bist.ru

ZAINASHEVA Zarima Gafarovna — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Regional Economics and Management, Institute of Business Ecosystems and Creative Industries, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

KODIROV Firuz Abdulkhafizovich — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Vice-Rector for International Relations, Tajik State Financial and Economic University (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

KRIVTSOV Artem Igorevich — Doctor of Economic Sciences, Professor, Professor of the Department of Management, Marketing and Foreign Economic Activity named after I. N. Gerchikova, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

LATPOV Vadim Sagityanovich — Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Civil Law, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

LYAPUNTSOVA Elena Vyacheslavovna — Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the IBM-7 Department, Moscow State Technical University named after N. E. Bauman (Moscow, Russian Federation)

MAKAROVA Guzel Ilyasovna — Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Department of Ethnological Research, Institute of History named after Sh. Marjani, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russian Federation)

MAKAROVA Tamara Ivanovna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Environmental and Agrarian Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

MATVEEVA Lyubov Dmitrievna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Tourism, Hotel and Restaurant Services, Institute of Business Ecosystems and Creative Industries, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

MEDVEDEV Nikolai Pavlovich — Doctor of Political Sciences, Professor, Editor-in-Chief of the Publishing house "Science Today" (Moscow, Russian Federation)

MIRALIYON Kiyomiddin Abdusalimzoda — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Chairman of the Executive Committee of the People's Democratic Party of Tajikistan in the Khatlon region, Coordinator of the Youth Inter-Parliamentary Assembly of the CIS States of the Parliament of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan)

MIKHAILOVA Natalya Vyacheslavovna — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Public Policy, History of State and Law of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)

MOKHOV Viktor Pavlovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Humanities, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation)

MUDARISOV Ravil Zufarovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, History and Law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Ufa Branch (Ufa, Russian Federation)

MUKHAMETZANOVA-DUGGAL Regina Massarovna — Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Department of Religious Studies, Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

NAZAROVA Uliana Anatolyevna — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Project Management and Economics of Entrepreneurship, Ufa State Petroleum Technical University (Ufa, Russian Federation)

NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich — Doctor of Law Sciences, Professor, Head of the Department of International and Integration Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

PANACHEV Valery Dmitrievich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Physical Culture, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation)

POLISCHUK Nikolay Ivanovich — Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service (Ryazan, Russian Federation)

RAKHMATULLINA Zugura Yaganurovna — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Director, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

RYKOVA Inna Nikolaevna — Doctor of Economic Sciences, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Center of Industry Sector Economics, Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation (Moscow, Russian Federation)

SAFIN Fail Gabdullovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Head of the Department of Ethnopolitical Science, Institute of Ethnological Research named after R. G. Kuzeev, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation)

STEGNIY Vasily Nikolaevich — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation)

TAGARIEVA Irma Rashitovna — Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Deputy Scientific Director of the Research Institute for Education Development Strategy, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

TERNOVAYA Lyudmila Olegovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Management, Moscow Automobile and Highway State Technical University (MARI) (Moscow, Russian Federation)

TLEPINA Sholpan Valerievna — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Law, Eurasian National University named after L. N. Gumilyov (Astana, Republic of Kazakhstan)

USMANOVA Rezida Miniyarovna — Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law, Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak branch (Sterlitamak, Russian Federation)

FELDMAN Pavel Yakovlevich — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Academy of Labor and Social Relations (Moscow, Russian Federation)

FOMENKOV Artem Aleksandrovich — Doctor of History Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Socio-Political Communications, Institute of International Relations and Pestilence History, National Research Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky (Nizhny Novgorod, Russian Federation)

KHABIBULLINA Aigul Rafkatovna — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Director of the Ufa Sanatorium-Boarding School No. 2 (Ufa, Russian Federation)

CHEPUS Alexey Viktorovich — Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Constitutional Law, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation)

ERGASHEVA Shahlo Turgunovna — Candidate of Economic Sciences, Professor, Director of the Innovative Resource Center for Advanced Studies in International Financial Reporting and Auditing Standards, Tashkent State Economic University (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

YUNUSOVA Dilfuza Israilovna — Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Professor of the Department of Mathematics and Methods of Teaching, Tashkent State Pedagogical University named after Nizami (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

YAMALOVA Elvira Nailevna — Doctor of Political Sciences, Professor, Acting Vice-Rector for Information Policy, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD:

BARANOVA Ekaterina Sergeevna — Candidate of Law Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology (Ufa, Russian Federation)

BOCHAROVA Tatyana Evgenievna — Executive Secretary of the journal "Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)", Head of the Scientific Editorial Department ("Vestnik BIST") and Publishing Department, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

BYSTROV Alexander Ilyich — Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Information Technologies, Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations (Ufa, Russian Federation)

GALIEVA Gulnaz Fizratovna — Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Career Center, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

SULEIMANOV Artur Ramilevich — Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations, History and Oriental Studies, Ufa State Petroleum Technological University (Ufa, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЯ	11
В. В. Викторов, Е. А. Мозгунова, А. А. Фоменков Партия «Новые люди»: здоровый либерализм или популизм?».....	11
М. А. Казаков, М. С. Лысцев Эволюция политических институтов в рамках союзного государства Белоруссии и России на современном этапе (2020–2025 гг.).....	16
Р. К. Курбонзода «Маснави и маънави» Мавланы Джалалиддина Балхи — руководство для совершенного человека.....	24
Т. А. Нигматуллина, Л. О. Терновая «Рецепт» единства: кулинария и организация питания в истории студенчества.....	30
ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ	42
Н. А. Гареева, А. А. Гареев Личная заинтересованность и прямая выгода в конфликте интересов на государственной службе: проблемы разграничения в свете новейшей судебной практики.....	42
Ф. Х. Галиев, Е. О. Тулупова Понятие «достоинство» как юридическая категория в призме представлений о национальной идентичности.....	50
ЭКОНОМИКА И МЕНЕДЖМЕНТ ПРЕДПРИЯТИЙ	59
Т. В. Гончаренко, Е. Г. Пономарева, Н. Ю. Канторов Управление качеством в сфере услуг в условиях цифровой трансформации экономики.....	59
И. И. Дерен, С. Г. Демьяненко Факторы устойчивости экономических систем стоматологических клиник Российской Федерации.....	67
Т. В. Матягина, Л. В. Ситникова Особенности применения франчайзинга при реализации стратегии развития автотранспортного предприятия.....	75
А. А. Стародубова, Д. Д. Исхакова Оценка результативности и эффективности методов генерации идей в системе управления инновационной активностью.....	81

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА	92
В. Н. Антошкин	
Социальная динамика и социальная мобильность в современном обществе: региональные исследования	92
Е. В. Жилина, И. М. Ханова	
Влияние состояния земельных ресурсов на эффективность сельскохозяйственного землепользования в Приволжском федеральном округе.	101
А. В. Шайхитдинов, О. С. Кодис	
Дальний Восток глазами молодежи: проблемы миграции	108
НАУЧНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО	118
Л. З. Буранбаева, А. А. Атажанова, Г. А. Мусина	
Система среднего профессионального образования в Республике Башкортостан: современное состояние и перспективы развития	118
З. Ж. Гумерова, А. К. Мухамадиярова	
Внедрение здоровьесберегающих технологий в вузах Российской Федерации для формирования культуры активного долголетия: стратегия и реализация.	128
И. Я. Рувенный	
Интегративная модель клиентоориентированности преподавателя вуза	136
ЦЕНТР UNEVOC В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА БАЗЕ БИСТ (ФИЛИАЛА) ОУП ВО «АТИСО	146
М. Б. Ребезов	
Проблематика использования международного рейтинга университетов как инструмента оценки качества высшего образования	146
Н. Г. Курамшина, Т. А. Нигматуллина	
Об организации проведения сертификации образовательных программ профессионально-технического обучения (ТПОО/TVET)	155
АВТОРАМ	158

CONTENTS

POLITICS AND IDEOLOGY	11
V. V. Viktorov, E. A. Mozgunova, A. A. Fomenkov New People party: healthy liberalism or populism?	11
M. A. Kazakov, M. S. Lystsev Evolution of political institutions within the union state of Belarus and Russia at the present stage (2020–2025).	16
R. Q. Qurbonzoda "Masnavii Ma'navi" by Mawlana Jalaluddin Balkhi: a guide for the perfect human.	24
T. A. Nigmatullina, L. O. Ternovaya A "recipe" for unity: culinary arts and catering in the history of student life	30
LEGAL ISSUES	42
N. A. Gareeva, A. A. Gareev Personal interest and direct benefit in conflicts of interest in public service: problems of differentiation in the light of the latest judicial practice.	42
F. Kh. Galiev, E. O. Tulupova The concept of "dignity" as a legal category through the prism of national identity	50
ECONOMY AND ENTERPRISE MANAGEMENT	59
T. V. Goncharenko, E. G. Ponomareva, N. Yu. Kantorov Quality management in the service sector under the digital transformation of the economy	59
I. I. Deren, S. G. Demyanenko Factors influencing the sustainability of economic systems of dental organizations in the Russian Federation	67
T. V. Matyagina, L. V. Sitnikova Features of applying franchising in the implementation of the development strategy of a motor transport enterprise	75
A. A. Starodubova, D. D. Iskhakova Evaluation of the productivity and efficiency of methods of generating ideas in the innovation activity management system	81

REGIONAL ECONOMY	92
V. N. Antoshkin	
Social dynamics and social mobility in modern society: regional studies	92
E. V. Zhilina, I. M. Khanova	
Impact of land resource conditions on the efficiency of agricultural land use in the Volga Federal District	101
A. V. Shaihitdinov, O. S. Kodis	
The Far East through the eyes of youth: causes of migration and retention factors	108
SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL SPACE	118
L. Z. Buranbaeva, A. A. Atazhanova, G. A. Musina	
The secondary vocational education system in the Republic of Bashkortostan: current state and development prospects	118
Z. Zh. Gumerova, A. K. Mukhamadiyarova	
Introduction of health-saving technologies in Russian universities to create a culture of active longevity: strategy and implementation	128
I. Ya. Ruvenny	
Integrative model of university teacher customer orientation	136
BASHKIR INSTITUTE OF SOCIAL TECHNOLOGIES (BRANCH) EDUCATIONAL INSTITUTION OF THE TRADE UNIONS OF HIGHER EDUCATION "ACADEMY OF LABOR AND SOCIAL RELATIONS" UNEVOC CENTER	
146	
M. B. Rebezov	
Problems of using international university rankings as a tool for assessing the quality of higher education	146
N. G. Kuramshina, T. A. Nigmatullina	
Organization of the certification process for technical and vocational education and training (TVET) programs	155
FOR AUTHORS	158

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 11–15
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):11–15

Научная статья
УДК 329(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-11-15

ПАРТИЯ «НОВЫЕ ЛЮДИ»: ЗДОРОВЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ ИЛИ ПОПУЛИЗМ?

**Владислав Вадимович Викторов¹, Елена Александровна Мозгунова²,
Артём Александрович Фоменков³**

¹Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, viktorovvlad@gmail.com

²Нижегородский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Нижний Новгород, Россия, el-mozg@mail.ru

³Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, artjom2310@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9277-637X>

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные значимые аспекты взаимодействия партии «Новые люди» с потенциальными избирателями. Материалами для исследования послужил телеграм-канал Нижегородского регионального отделения означенной партии. Анализировалось, насколько партия «Новые люди» следует принципам либерализма, или их предложения носят популистский характер.

Ключевые слова: партия «Новые люди», либерализм, популизм, ролики, телеграм-канал, агитация

Для цитирования: Викторов В. В., Мозгунова Е. А., Фоменков А. А. Партия «Новые люди»: здоровый либерализм или популизм? // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 11–15. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-11-15>.

Research article

NEW PEOPLE PARTY: HEALTHY LIBERALISM OR POPULISM?

Vladislav V. Viktorov¹, Elena A. Mozgunova², Artyom A. Fomenkov³

¹Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, viktorovvlad@gmail.com

²Nizhny Novgorod Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Nizhny Novgorod, Russia, el-mozg@mail.ru

³Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia, artjom2310@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9277-637X>

Abstract. The article examines some significant aspects of the interaction of the New People party with potential voters. The telegram channel of the Nizhny Novgorod regional branch of the aforementioned party served as materials for the study. It was analyzed to what extent the New People party is characterized by following the principles of liberalism, and to what extent the party's proposals are populist in nature.

Keywords: New People party, liberalism, populism, commercials, TG channel, agitation

For citation: Viktorov V. V., Mozgunova E. A., Fomenkov A. A. New People party: healthy liberalism or populism? *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;3(72):11–15. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-11-15>.

В последние годы мессенджеры стали крайне значимым каналом коммуникации в рамках отечественной политической системы. Важность такого рода деятельности неоднократно подчеркивалась исследователями [1, с. 19]. Особой популярностью среди политически активных россиян пользуются телеграм-каналы. Имеется телеграм-канал и у Нижегородского регионального отделения (НРО) партии «Новые люди».

Один из авторов настоящей статьи уже публиковал статью о деятельности указанной партии [2]. В целом, уместно признать, что прогнозы, изложенные в том тексте, вполне оправдались. Партия «Новые люди» не исчерпала своих ресурсов и даже имеет шансы на усиление позиций, в первую очередь, за счет популярности среди молодежи.

В настоящее время партия — в том числе и ее нижегородское отделение — ведет активную агитацию в преддверии общероссийских выборов. Телеграм-каналы, связанные с партией (этот инструмент применяется данной структурой уже 5 лет [3–5]), используются весьма активно, причем отдельные сложности с доступом к мессенджеру, созданному П. Дуровым, серьезно на эти аспекты функционирования не влияют.

Авторами был проанализирован ряд роликов, размещенных в телеграм-канале НРО партии «Новые люди» в период с 14 марта по 15 мая 2026 года. Была поставлена задача: определить, проявляются ли либеральные идеи в предвыборной агитации, а также можно ли охарактеризовать отдельные ее положения как популистские. Либерализм есть не что иное, как идеология, в которой центральное место занимает свобода (как политическая, так и экономическая). Популизм связан со стремлением быстро заручиться поддержкой населения, крайне распространен в условиях реальной политической конкуренции. Наоборот — полное его отсутствие можно признать характерным для политической системы, находящейся в состоянии застоя.

Итак, в телеграм-канале партии «Новые люди» 14 марта было опубликовано видео, служащее отчетом о проведенной встрече по проблематике жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) [6]. В нем чередуются кадры с выступле-

ниями двух спикеров и зала с сидящими зрителями. Текстовая графика отсутствует в видео, поэтому в посте оно сопровождается текстом, в котором авторы обозначили ключевые темы встречи: грамотная смена управляющей компании (УК), создание собственного товарищества собственников жилья (ТСЖ), нарушения со стороны УК и рассмотрение кейсов домов, где «жители навели порядок». Администраторы канала подчеркнули, что эксперты отвечали на вопросы из зала и давали рекомендации для разрешения конкретных сложных ситуаций, рассказанных жителями — гостями мероприятия. Тематика сама по себе совпадает с такими либеральными ценностями, как решение проблем собственными силами (инициатива снизу) и защита персональных прав. В видео есть моменты, когда спикеры общаются лично с гостями мероприятия, скорее всего, уже после выступления, чем политтехнологи «Новых людей» могли подчеркнуть горизонтальные связи между спикерами и зрителями.

15 марта был опубликован пост с участием председателя регионального отделения Иваном Моручковым, посвященный новости о введении ГОСТ для производителей энергетических напитков [7]. Выражается позиция поддержки активного государственного регулирования рынка соответствующих напитков и прикрепляется видео, которое партия «Новые люди» публиковала до этого еще 18 декабря 2025 года. На нем И. Моручков открывает банку энергетика и задается вопросом: «Заряд для движения, энергия для победы или медленная смерть?». Затем следует текстовая графика с описанием состава напитка и возможными отрицательными последствиями (тревожность, тахикардия), сопровождающаяся предложением председателя регионального отделения утвердить на государственном уровне специальный дизайн для банок энергетиков, предупреждающий об опасности их употребления. В видео используется графика, созданная при помощи искусственного интеллекта. Демонстрируется сгорающая банка энергетика, напоминающая напиток бренда «Burn», на месте которой затем появляется черная емкость с надписью «Сердечный приступ». Далее в ряде используется изображение еще нескольких банок — «пани-

ческая атака», «нулевой пульс» и «внутренняя пустота». Тематика здоровья населения сама по себе неидеологизированная, что затрудняет строго отнести данное видео к определенной направленности. Однако, если его рассматривать с точки зрения классического либерализма, то видео не совпадает с либеральной политикой *Laissez-faire*, согласно которой государство не должно вмешиваться в экономические рыночные отношения и оказывать существенное влияние на производителей. Идеологически посыл с предложением обязать производителей энергетиков использовать регламентированный дизайн скорее не коррелирует с ценностями либерализма, несмотря на потенциальную практическую пользу от данной инициативы.

Следующий анализируемый ролик: на видео уже упоминавшийся выше И. Моручков стоит в одном из нижегородских дворов и рассказывает о проблеме штрафов за оставление автомобиля на стихийной парковке [8]. Основной посыл видео – предложение легализации стихийных парковок, чтобы автовладельцы не платили штрафы, а местные жители могли заняться благоустройством этих мест. Посыл видео достаточно либеральный, так как речь идет о местном самоуправлении и снижении правового давления на водителей.

Далее сторонник партии перечисляет больницы и поликлиники, которые были закрыты в регионе [9]. Спикер возмущается, что на месте закрытых медучреждений планируют строить многоквартирные дома, хотя, по его мнению, можно было бы зарезервировать место и построить новую больницу при появлении бюджетных средств. Данный ролик может соответствовать ценностям социального либерализма, предполагающего справедливость и доступность здравоохранения для граждан.

Укажем также, что партия «Новые люди» в своих сюжетах использует тему летнего досуга. На видео И. Моручков отмечает, что безопасных пляжей в Нижегородской области всего 40 [10]. В связи с этим он предлагает создать карту, где отсутствуют инфраструктура, спасатели и очищенное дно. В другом ролике сотрудница партии «Новые люди» указывает на штрафы в 30 тыс. руб. за сжигание костров, при этом отмечает, что в Нижнем Новгоро-

де отсутствуют бесплатные шашлычные зоны, а за пользование платными нужно платить от 4 до 15 тыс. руб. в разных местах [11]. В связи с этим в ролике предлагается создать свободные шашлычные зоны в Нижегородском регионе. Заканчивается видео фразой «Заставим чиновников уважать наш отдых!».

Таким образом, партия «Новые люди» использует для своих роликов не только актуальные социально-экономические проблемы, но и сезонную тематику, связанную с летним отдыхом граждан. В данном случае, скорее идет попытка привлечь внимание за счет актуальной повестки (купальной сезон, шашлыки), чем действительного политического предложения. Ролики несут скорее популистский, чем либеральный характер.

Пост с заголовком «Свалки душат область» сопровождается видеороликом, снятым в формате «говорящая голова» [12]. Молодой спикер информирует, что в офисе партии «Новые люди» прошла встреча с общественниками, активистами и представителями власти для решения проблемы незаконных свалок. По итогам встречи написана резолюция, которую обещают направить в Законодательное собрание Нижегородской области. В видео продемонстрированы кадры с самой встречи. В другом сюжете [13] сторонница партии «Новые люди» поднимает тему большого количества мусора во дворах, в связи с чем предлагает зрителям пользоваться телеграм-ботом, с помощью которого можно будет подать заявку на установку городской видеокамеры и фиксировать нарушения, связанные с незаконным выбрасыванием мусора. Оба видео скорее коррелируют с либеральными ценностями, потому что вновь демонстрируется горизонтальный диалог между общественностью и институтами власти и открытость партии «Новые люди» как платформы для обсуждений.

Тот же самый телеграм-бот нижегородское отделение партии рекламирует в другом сюжете [14], где предлагает писать в него местным жителями о проблемах больших луж и подтоплений для того, чтобы потом проблема решалась совместно с городской администрацией.

В целом уместно признать: партия «Новые люди» и ее нижегородское региональное отделение активно используют то здоровое, что присуще либеральной идеологии [15, с. 226]. В небольших дозах популизм также не чужд партии. Партия «Новые люди» знает о реальных

запросах граждан и не пытается их игнорировать. Зашкаливающий популизм по принципу «мы за все хорошее и против всего плохого», а, равно как и «сделаем вас всех счастливыми сразу после победы на выборах» для партии «Новые люди» не характерен.

Список источников

1. Блишунув Д. А., Чирун С. Н. Актуальные технологии информационной войны и стратегических коммуникаций // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2024. № 3 (64). С. 17–23. DOI: 10.47598/2078-9025-2024-3-64-17-23.
2. Никитин А. В., Пахомова Е. А., Устинкин С. В., Фоменков А. А. Партия «Новые люди»: возможные варианты развития // Право и государство: теория и практика. 2022. № 1 (205). С. 75–77. DOI: 10.476431815-1337_2022_1_75.
3. Агурова А. А. Использование социальных сетей в качестве инструмента политического PR на примере партии «Новые люди» // Студенческий. 2021. № 18-3 (146). С. 83–87. EDN: FHPKMW.
4. Новиков С. Д. Продвижение политических партий в городской среде на примере партии «Новые люди» // PR и реклама: традиции и инновации. Связи с общественностью: смыслы и технологии : материалы Всероссийской научно-практической конференции с Международным участием, Красноярск, 2023. Красноярск, 2023. С. 156–157.
5. Чибичян Д. Р., Родионова М. Е. Коммуникативные особенности продвижения политической партии в сети интернет на примере политической партии «Новые люди» // Юридический факт. 2022. № 168. С. 40–46. EDN: HRCFJL.
6. Ролик по вопросам ЖКХ. URL: <https://t.me/newpeoplenn/1541> (дата обращения: 30.05.2026).
7. Ролик про энергетики. URL: <https://t.me/newpeoplenn/1542> (дата обращения: 30.05.2026).
8. Ролик про стихийные парковки. URL: <https://t.me/newpeoplenn/1572> (дата обращения: 30.05.2026).
9. Ролик про больницы. URL: <https://t.me/newpeoplenn/1579> (дата обращения: 30.05.2026).
10. Ролик про пляжи. URL: <https://t.me/newpeoplenn/1622> (дата обращения: 30.05.2026).
11. Ролик про шашлыки. URL: <https://t.me/newpeoplenn/1649> (дата обращения: 30.05.2026).
12. Ролик про свалки. URL: <https://t.me/newpeoplenn/1548> (дата обращения: 30.05.2026).
13. Ролик про мусор во дворах. URL: <https://t.me/newpeoplenn/1586> (дата обращения: 30.05.2026).
14. Ролик про подтопления. URL: <https://t.me/newpeoplenn/1583> (дата обращения: 17.01.2023).
15. Пахомова Е. А. К вопросу о многообразии либерализма в современном мире // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. 2013. № 36. С. 225–227. EDN: SOAWMD.

References

1. Bikmetova Z. M., Dautova T. A. Diagnostics of regional economic security. *E`konomika i upravlenie = Eco1*. Blishunov D. A., Chirun S. N. Current Technologies of Information Warfare and Strategic Communications. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2024;(3 (64)):17–23. (In Russ.). DOI: 10.47598/2078-9025-2024-3-64-17-23.
2. Nikitin A. V., Pakhomova E. A., Ustinkin S. V., Fomenkov A. A. The New People Party: Possible Development Options. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2022;(1(205)):75–77. (In Russ.). DOI: 10.476431815-1337_2022_1_75.
3. Agurova A. A. Using Social Media as a Political PR Tool: The Case of the New People Party. *Studencheskij = Student Journal*. 2021;(18-3(146)):83–87. (In Russ.). EDN: FHPKMW.
4. Novikov S. D. Promotion of Political Parties in the Urban Environment: The Case of the New People Party. *PR i reklama: tradicii i innovacii. Svyazi s obshhestvennost`yu: smy`sly` i texnologii` : materialy` Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s Mezhdunarodny`m uchastiem, Krasnoyarsk, 2023 = PR and Advertising: Traditions and Innovations. Public Relations: Meanings and Technologies: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Krasnoyarsk, 2023*. Krasnoyarsk; 2023. P. 156–157. (In Russ.).
5. Chibichyan D. R., Rodionova M. E. Communicative Features of Promoting a Political Party on the Internet: The Case of the New People Political Party. *Yuridicheskij fakt = Legal Fact*. 2022;168:40–46. (In Russ.). EDN: HRCFJL.

6. Video on housing and communal services. (In Russ.). Available from: <https://t.me/newpeoplenn/1541> (date of access: May 30, 2026).

7. Video about energy companies. (In Russ.). Available from: <https://t.me/newpeoplenn/1542> (date of access: May 30, 2026).

8. Video about unauthorized parking. (In Russ.). Available from: <https://t.me/newpeoplenn/1572> (date of access: May 30, 2026).

9. Video about hospitals. (In Russ.). Available from: <https://t.me/newpeoplenn/1579> (date of access: May 30, 2026).

10. Video about beaches. (In Russ.). Available from: <https://t.me/newpeoplenn/1622> (date of access: May 30, 2026).

11. Video about shashlik. (In Russ.). Available from: <https://t.me/newpeoplenn/1649> (date of access: 30.05.2026).

12. Video about landfills. (In Russ.). Available from: <https://t.me/newpeoplenn/1548> (date of access: 30.05.2026).

13. Video about garbage in yards. (In Russ.). Available from: <https://t.me/newpeoplenn/1586> (date of access: 30.05.2026).

14. Video about flooding. (In Russ.). Available from: <https://t.me/newpeoplenn/1583> (a date of access: 17.01.2023).

15. Pakhomova E. A. On the Diversity of Liberalism in the Modern World. *Vestnik Volzhskoj gosudarstvennoj akademii vodnogo transporta = Bulletin of the Volga State Academy of Water Transport*. 2013;36:225–227. (In Russ.). EDN: SOAWMD.

Информация об авторах

В. В. Викторов — магистрант;

Е. А. Мозгунова — кандидат политических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права;

Фоменков А. А. — доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-политических коммуникаций.

Information about the authors

V. V. Viktorov — a master student;

E. A. Mozgunova — Candidate of Science (Political), Associate Professor in the Department of History and Theory of State and Law;

A. A. Fomenkov — Doctor of Science (Historical), Associate Professor, Associate Professor in the Department of Socio-Political Communications.

Статья поступила в редакцию 26.06.2026; одобрена после рецензирования 23.07.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 26.06.2025; approved after reviewing 23.07.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 16–23
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72): 16–23

Научная статья

УДК 327.57

doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-16-23

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ В РАМКАХ СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛОРУССИИ И РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (2020–2025 ГГ.)

Михаил Анатольевич Казаков^{1✉}, Михаил Сергеевич Лысцев²

¹Институт международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, Kazakov_mihail@list.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-7001-4059>

²Институт экономики и управления Нижегородского государственного технического университета имени Р. Е. Алексеева, Нижний Новгород, Россия, MLystsev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9117-9063>

Аннотация. Белорусско-российские отношения после распада Советского Союза и начального периода выработки новых внутренних и внешнеполитических ориентиров обрели устойчивость созданием в 1999 году и успешным развитием в течение последующих 25 лет Союзного государства. В статье на проблемном и сравнительном методах системного анализа рассматривается динамика политических институтов в рамках Союзного государства с акцентом на современном этапе.

Ключевые слова: Союзное государство, суверенитет, национальная безопасность, политические лидеры и элиты, интеграция, экономическое развитие, военно-политическое сотрудничество, эволюционная трансформация

Для цитирования: Казаков М. А., Лысцев М. С. Эволюция политических институтов в рамках союзного государства Белоруссии и России на современном этапе (2020–2025 гг.) // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 16–23. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-16-23>.

Research article

EVOLUTION OF POLITICAL INSTITUTIONS WITHIN THE UNION STATE OF BELARUS AND RUSSIA AT THE PRESENT STAGE (2020-2025)

Mikhail A. Kazakov^{1✉}, Mikhail S. Lystsev²

¹Institute of International Relations and World History, Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia, Kazakov_mihail@list.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-7001-4059>

²Institute of Economics and Management, Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseeva, Nizhny Novgorod, Russia, MLystsev@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7001-4059>

Abstract. Following the collapse of the Soviet Union and the initial period of developing new domestic and foreign policy guidelines, Belarusian-Russian relations gained stability with the creation of the Union State in 1999 and its successful development over the subsequent 25 years. This article, using problematic and comparative systems analysis methods, examines the dynamics of political institutions within the Union State, focusing on the current stage.

Keywords: Union state, sovereignty, national security, political leaders and elites, integration, economic development, military-political cooperation, evolutionary transformation

For citation: Kazakov M. A., Lystsev M. S. Evolution of political institutions within the union state of Belarus and Russia at the present stage (2020–2025). *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)):16–23. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-16-23>.

Отношения между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, начиная с середины 1990-х гг. не обходят вниманием перепады в устойчивости, и из-за особенностей восприятия самостоятельности политики и суверенитета государства, носят особый характер. На него оказали влияние не только взятый тогда Минском курс на стратегический союз с Москвой, но и то, какие подходы, институты и инструменты были использованы администрацией А. Г. Лукашенко в ответ на региональные и глобальные вызовы. Тем не менее, именно встречное движение лидеров стран, продвижение идеи и практики двустороннего, но многогранного диалога, во многом обусловили создание в 1999 году каркаса Союзного государства (СГ) на общности политических культур и целей.

С учетом совместного исторического опыта выделяется как роль личности в определении политики, так и фактор структурных изменений политической системы в условиях модернизации. Кроме того, и на международной арене уже в связке Российская Федерация и Республика Беларусь выступили и признаются основателями и ведущими членами Евразийского экономического союза, Организации Договора о коллективной безопасности, других международных организаций на постсоветском пространстве.

В 2000 году после ратификации парламентами России и Белоруссии «Договор о создании Союзного государства» вступил в силу. В диалектике причинно-следственных связей по удовлетворению потребностей в соответствии с планами по модернизации сфер безопасности и политики авторы и рассматривают эволюционную трансформацию политических институтов в рамках СГ на шагах и примерах четверти века.

Последующее развитие отношений между странами подтвердило дальновидность решения лидеров государств, а также их окружения о создании СГ как дружественного надго-

сударственного (наднационального) образования, отвечающего интересам братских народов и обществ. Но на пути их углубления, особенно до 2014 года (государственного переворота в Киеве) были и политические разногласия, и спады в объемах торговли. Поэтому эволюцию самого СГ можно рассматривать как через призму трудностей интеграционного проекта, так и этапы политической трансформации, не разводя ответственность за вопросы экономики в их зависании на правительства, а успехи — за политическим руководством и элитой.

От понимания интеграции на постсоветском пространстве до ее практики процесс оказался достаточно длительным. Даже в России СГ официально было встроено в систему координат внешнеполитического курса страны только в 2016 году, когда в Концепции внешней политики предстало прописанным расширение стратегического взаимодействия «с Республикой Белоруссия в рамках Союзного государства в целях развития интеграционных процессов во всех сферах» [1]. Объяснение тому, парадокс, находим еще в советах Ивана IV, что «действовать и управлять следует сообразно времени и обстоятельствам» [2]. События тех лет показывают, что для Президента Российской Федерации, как и большинства рационально-мыслящих лидеров СНГ, в первоочередных тогда стояли задачи, связанные с «евразийской интеграцией», Евразийским экономическим союзом.

Чем, не умаляя значение СГ, процесс «российско-белорусской интеграции» уступал и по содержанию термина, и реалиям его наполнения. До 2020 года развитие СГ происходило в основном за счет социально-экономического сотрудничества, изменений в концептуальной базе внутренней и внешней политики. Ситуация стала меняться обстоятельствами того же года, когда события вокруг выборов президента Белоруссии и последующая попытка государственного переворота стали ката-

лизатором интенсификации темы интеграции в рамках СГ, с акцентом в сторону политической и, скорее, военно-политической сферы. Началом изменений можно считать корректировку внешнеполитического курса Минска.

Осенью 2020 г. председатель Постоянной комиссии по международным делам Палаты представителей Национального собрания Белоруссии А. Савиных высказался на этот счет так: «...многовекторная политика в условиях столкновения геополитических проектов на фоне процесса объединения государств в макрорегионы, разрушения глобальной торговой и финансовой систем больше не обеспечивает нужные нам внешние условия для благоприятного развития Белоруссии» и что приоритетом остается «укрепление политических, экономических и военных отношений с Российской Федерацией в рамках Союзного государства» [3]. Уже в начале 2021 г. в СМИ появляется информация о размещении на территории Белоруссии российских истребителей СУ-30 СМ, вертолетов МИ-35, систем ПВО С-400 «Триумф» и «Панцирь-С» и другого вооружения [4]. Таким образом, Минск сделал первый шаг в рамках формирования единой оборонной системы СГ.

Усиление оказываемого со стороны США и Европейского Союза (ЕС) давления на белорусское руководство подтолкнуло его летом 2021 г. к приостановке участия в программе ЕС «Восточное партнерство», что означало более тесное сотрудничество с Москвой, и одновременно — к началу нового этапа взаимодействия в социально-экономической сфере в рамках СГ. Осенью 2021 г., сначала на сентябрьских встречах лидеров стран В. Путина и А. Лукашенко, глав правительств М. Мишустина и Р. Головченко, а потом на ноябрьском заседании Высшего Государственного Совета (ВГС) произошел прорыв в этом направлении.

Его стартом стал сочинский саммит президентов России и Белоруссии 9 сентября 2021 года. На нем политические лидеры дали «итоговые» поручения председателям правительств М. Мишустину и Р. Головченко завершить 3–4-летний процесс составления нового рабочего плана интеграции. Как обозначил его Президент В. Путин, план состоит из 28 со-

юзных программ, нацеленных на унификацию законодательства России и Белоруссии в различных областях экономики, на выравнивание условий деятельности хозяйствующих субъектов двух стран [5].

На следующий день главы правительств на заседании Совета министров Союзного государства (СМСГ) в Минске одобрили «Основные направления реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы» и 28 союзных программ, направленных на укрепление российско-белорусской интеграции [6]. Долгий процесс согласования различных социальных и экономических программ, таким образом, подошел к логическому завершению. Его итогом стало заседание ВГС, состоявшееся в онлайн-режиме 4 ноября 2021 г., на котором был принят Декрет «Об основных направлениях реализации положений Договора о создании Союзного государства на 2021–2023 годы», включавший упомянутые выше союзные программы.

Однако руководство СГ пошло дальше и в тот же день были утверждены новые редакции Военной доктрины и Концепции миграционной политики [7]. Подписание этих документов показало, что у руководства двух стран единые подходы не только по социально-экономическим вопросам, но и в военной и политической сферах.

Начало Специальной военной операции (СВО) на Украине существенно повлияло на процесс развития СГ. С этого времени повестка была дополнена, а затем расширена вопросами безопасности объединения. Анализируя процесс эволюции системы безопасности СГ, отметим, что из-за внешних угроз со стороны стран коллективного Запада, на территории Белоруссии начался поэтапный процесс развертывания региональной группировки войск и сил СГ, о чем заявил в ноябре 2022 года министр обороны Белоруссии В. Хренин [8]. Ранее группировку использовали в основном в рамках военных учений.

Год спустя после начала СВО президент Белоруссии, выступая с Посланием белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, обозначил позицию страны в этом вопросе. Он сказал: «В середине второго десятилетия текущего века не Россия

и не Беларусь совершили государственный переворот в братской Украине. С этого времени начался отсчет того, что происходит до сих пор. Чехарда во власти, непомерная коррупция, нищета большей части — абсолютно большей! — населения, неприемлемый национализм с элементами фашизма, запрет русского языка, уничтожение всего, что связано с периодом Советского Союза, героического прошлого: снос памятников, переименование улиц и героизация убийц мирных граждан Беларуси, России, Украины. С последним мы никак не можем согласиться и позволить — потому что героизировать тех, кто сжигал Хатынь и сотни деревень на территории Беларуси, мы никогда не согласимся. В то время главным внешнеполитическим трендом после государственного переворота, как вы помните, в Украине стало вступление в НАТО и предложение Североатлантическому блоку разместить его военные базы на территории Украины». И как итог заявил, что «усилиями Соединенных штатов и их сателлитов в родной нам стране развязана полномасштабная война... На горизонте в результате замаячила третья мировая с ядерными пожарами» [9].

Новый прорыв в сфере военно-политического сотрудничества произошел на апрельском заседании ВГС в 2023 году. На нем В. Путин объявил, что было принято решение разработать новый концептуальный документ СГ — концепцию безопасности, в которой будут сформулированы и отражены ключевые задачи «взаимодействия в свете растущей напряженности на внешних границах наших государств и развязанной против нас санкционной и информационной войн» [10]. В документе, помимо основ системы безопасности, отражены также стратегические цели формирования единого оборонного пространства СГ. Его окончательное оформление произошло в 2024 году.

Сначала Минск опубликовал новую редакцию военной доктрины, где были прописаны причины размещения российского ядерного оружия на территории республики. Акт его размещения рассматривается руководством Белоруссии как важный элемент политики превентивного сдерживания потенциальных противников от развязывания вооруженной

агрессии. Следующий шаг сделала Москва в ноябре того же года, когда была опубликована новая редакция ядерной доктрины, прописан новый особый статус Белоруссии как страны участницы СГ. Теперь силы ядерного сдерживания России будут реагировать, как в случае использования ядерного оружия и других видов оружия массового поражения против Белоруссии (такое положение есть у всех стран участниц ОДКБ), так и в случае применения обычных видов оружия.

Итогом этого процесса стало заседание ВГС 6 декабря 2024 года, на котором была подписана Концепция безопасности СГ. Таким образом, дан четкий сигнал, направленный на сдерживание агрессивных устремлений стран НАТО в отношении Белоруссии и России. Руководство стран участниц СГ исходит из целостности оборонного пространства СГ и направляет все усилия для эффективного реагирования на современные вызовы и угрозы в целях укрепления безопасности сторон в рамках общего пространства СГ. Подписание и ратификация различных соглашений показывает совместное противостояние стран участниц СГ массовой атаке со стороны коллективного Запада [11]. Подчеркивается, что Россия и Белоруссия проводят единую политику по развертыванию, созданию новых и совершенствованию существующих систем вооружения, которое означает поддержание безопасности на западных рубежах СГ.

Активизация военно-политического взаимодействия в рамках СГ, не только не затормозила процесс интеграции в экономической сфере, но и придала ему новый импульс. Уже в 2022 году реализация принятых союзных программ велась на всех уровнях, и на 30 июня было выполнено 416 мероприятий из 989, то есть более 42 % за полгода [12]. 27 марта 2023 г. на заседании СМСГ М. Мишустин подвел итоги сотрудничества. Несмотря на продолжавшееся давление коллективного Запада на Россию и Беларусь с помощью санкций, товарооборот вырос на 12 % и составил 45 млрд долл. [13].

Важную роль в развитии экономик стран участниц СГ играют региональные связи. На протяжении последних 12 лет работает Форум регионов Беларуси и России, исполняю-

ший роль одной из главных площадок развития региональных контактов. Так, на прошедшем 25–27 июня 2025 г. в Нижнем Новгороде XII форуме было подписано более 100 соглашений на сумму порядка 20 млрд руб. [14]. Это является наглядным примером динамики не только торгово-экономических связей между регионами, но и совпадения векторов развития экономик Беларуси и России, а также поддержки интеграционных процессов в рамках СГ. Россия является основным инвестором экономики Белоруссии. Фактом успешного взаимодействия может служить строительство Госкорпорацией «Росатомом» Белорусской АЭС в Гродненской области с использованием новейших технологий, на постройку которой Россия предоставила кредит в размере 10 млрд долл. [15].

Ежегодный прирост товарооборота между странами за последние годы (2023 год — около 53 млрд долл. (6 %); 2024 год — 56,7 млрд долл. (7,4%)) стал результатом снятия многих ограничений в торговле. В рамках реализации союзных программ на период до 2026 года (принятых 29 января 2024 г. на заседании ВГС) в декабре 2024 г. был подписан договор о формировании объединенного рынка электроэнергии [16]. Годом ранее Москва и Минск перешли на национальные валюты в расчетах за энергоносители.

На заседании ВГС 29 января 2024 г. лидеры стран не только подвели итоги реализации основных направлений положения Договора о создании СГ на 2021–2023 годы, но и утвердили соответствующий документ на 2024–2026 годы. Были подписаны стратегия научно-технологического развития СГ до 2035 года, резолюция об учреждении союзной премии молодым ученым, принято решение о создании медиакомпания СГ и т. д. [17]. Практически сразу после принятия стратегии научно-технологического развития состоялась договоренность о начале совместного производства самолета «Освей» в городе Барановичи. Подготовку к серийному производству планируют завершить до конца 2027 г., а в 2028–2030 гг. выпустить 85–100 экземпляров.

Перечисленные шаги и примеры фактически являют собой специфические характеристики прочного институционального бази-

са в рамках СГ и в политике, и в экономике, так как в современных геополитических условиях конфронтации с Западом СГ — один из ключевых факторов обеспечения политического, технологического и экономического суверенитета стран. Институты фиксируют реальный статус-кво в отношениях между государствами и обществами. Важной задачей в этих условиях становится, по мнению экспертов, переход от «импортозамещения к импортоопережению», созданию высокотехнологичных брендов, выход их на мировой рынок.

Ключевым при переходе к «импортоопережению» опять-таки становятся институты как формальные соглашения между группами людей по дальнейшему развитию и последующему укреплению транспортных и логистических связей в СГ. В этой ситуации приоритетным направлением становится внедрение правил игры и поэтапное расширение высокоскоростного железнодорожного и авиационного сообщения между странами, а также строительство новых автомобильных дорог.

Перечисленные задачи могут быть успешно решены при правильной миграционной политике внутри СГ. Относительно нее лидеры стран-участниц сыграли на опережение, подписав в 2021 году Концепцию миграционной политики СГ. Ее принятие позволило унифицировать нормативные акты в области пограничного и визового контроля, создать предпосылки для формирования единой правовой системы. В ней, что не маловажно, были прописаны ключевые принципы осуществления миграционной политики в рамках СГ, создание единого рынка труда, правовой базы в рамках защиты работающих на нем граждан, предоставления им социальных и трудовых гарантий. Свободное перемещение и пребывание, отсутствие ограничений в экономической, научной, образовательной и бизнес сферах способствуют созданию предпосылок для появления и последующей реализации института союзного гражданства.

Таким образом, за последние пять лет отношения между странами в рамках эволюции СГ сформировали единую систему координат институтов и коммуникаций. Обеспечивающие ее процессы стали актуальными из-за влияния различных вызовов, угроз и импульсов, посту-

пающих как из внешней, так и внутренней среды, но в большей степени из-за содержания ответов на них, придерживающихся как поведенческих норм, так и закреплённых в виде договоров и законов, что является составной частью политических институтов, их эволюционной трансформации, определяемой временем и местом.

Так, к примеру, формировалась и модель военно-политического партнёрства СГ. Не случайно перед началом СВО на территории Бе-

лоруссии были проведены военные учения, после завершения которых российские войска остались на месте. Кроме того, спустя пару лет, по договорённости с Российской Федерацией, Минск разместил на своей территории российское ядерное оружие, а также установки «Орешник», что не только не позволяет Киеву и его западным хозяевам распространять военный конфликт, но и укрепляет характер устойчивых и стабильных отношений в рамках СГ.

Список источников

1. «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» : Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640 // Президент России : официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 20.01.2026).
2. Антология мировой политической мысли. Политическая мысль в России X – первой половине XIX вв. Т. 3. Политическая мысль в России: X – первая половина XIX в. Москва : Мысль, 1997. 799 с.
3. В парламенте Белоруссии призвали изменить политику многовекторности // Eurasia Daily : сайт. URL: <https://easaily.com/ru/news/2020/09/21/v-parlamente-belorussii-prizvali-izmenit-politiku-mnogovektornosti>. Дата публикации: 21.09.2020.
4. Маржецкий С. Белоруссия станет форпостом ПВО Союзного государства // Репортер : сайт. URL: <https://topcor.ru/18230-belorussija-stanet-forpostom-pvo-sojuznogo-gosudarstva.html?ysclid=mkqvoy6uur550808654>. Дата публикации: 17.01.2021.
5. Пресс-конференция по итогам российско-белорусских переговоров // Президент России : официальный сайт. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66648>. Дата публикации: 09.09.2021.
6. Совместное заявление Председателя Правительства Российской Федерации и Премьер-министра Республики Беларусь о текущем развитии и дальнейших шагах по углублению интеграционных процессов в рамках Союзного государства // Правительство России : официальный сайт. URL: <http://government.ru/news/43234/>. Дата публикации: 10.09.2021.
7. Заседание Высшего Госсовета Союзного государства // Кремль: официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67066>. Дата публикации: 04.11.2021.
8. Региональная группировка СГ разворачивается поэтапно МО Белоруссии // Парламентское собрание Союза Беларуси и России : официальный сайт. URL: <https://belrus.ru/info/regionalnaya-gruppirovka-sg-razvertyvaetsya-poetapno-mo-belorussii/>. Дата публикации: 30.11.2022.
9. Русский мир. Послание белорусскому народу и Национальному собранию // Общероссийское общественное движение «В поддержку политики Президента России» : официальный сайт. URL: <http://www.политикапрезидента.рф/russkiy-mir-poslanie-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu?ysclid=mkqutclihd366122406>. Дата публикации 03.04.2023.
10. У России и Белоруссии появится совместная концепция безопасности / Е. Мухаметшина, Г. Мишутин, Д. Мосолкина, Е. Дубровина // Ведомости : сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/07/969897-u-rossii-i-belorussii-poyavitsya-sovmestnaya-kontseptsiya-bezopasnosti>. Дата публикации: 07.04.2023.
11. Белоруссия ратифицировала соглашение с Россией в военно-технической сфере // РИА Новости : официальный сайт. URL: <https://ria.ru/20230512/vts-1871173460.html?ysclid=mkqt1udcs2866933307>. Дата публикации: 12.05.2023.
12. Алексей Оверчук принял участие в работе IX Форума регионов России и Белоруссии // Правительство РФ: официальный сайт. URL: <http://government.ru/news/45890/>. Дата публикации: 01.07.2022.
13. Заседание Совета Министров Союзного государства // Правительство России : официальный сайт. URL: <http://government.ru/news/48082/>. Дата публикации: 27.03.2023.
14. Более 100 контрактов на сумму 20 млрд руб. заключили на XII Форуме регионов России и Беларуси // Министерство экономического развития РФ: официальный сайт. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/bolee_100_kontraktov_na_summu_20_mlrd_rublej_zaklyuchili_na_xii_forume_regionov_rossii_i_belarusi.html?ysclid=mkwkbo1qnf74860269. Дата публикации: 27.06.2025.

15. РФ предоставит Белоруссии кредит до \$10 млрд для строительства АЭС // РИА Новости : официальный сайт. URL: <https://ria.ru/20111125/497822845.html?ysclid=mkxxr8ob6t530763863>. Дата публикации: 16.07.2025.

16. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о формировании объединенного рынка электрической энергии Союзного государства // Министерство иностранных дел Российской Федерации : официальный сайт. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62700/. Дата публикации: 06.12.2024.

17. Кириллова О. В Санкт-Петербурге прошел Высший Госсовет Союзного государства // RGRU : сайт. URL: https://rg.ru/2024/01/31/v-sankt-peterburge-proshel-vysshiy-gossovet-soiuznogo-gosudarstva-glavnoe.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F. Дата публикации: 31.01.2024.

References

1. "On Approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation": Decree of the President of the Russian Federation dated November 30, 2016, No. 640. President of Russia: official website. (In Russ.). Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (accessed on January 20, 2026).

2. Anthology of World Political Thought. Political Thought in Russia from the 10th to the First Half of the 19th Centuries. Vol. 3. Political Thought in Russia: 10th to the First Half of the 19th Century. Moscow: Mysl'; 1997. 799 p.

3. The Belarusian Parliament Called for Changes to the Multi-Vector Policy. Eurasia Daily: website. (In Russ.). Available from: <https://easaily.com/ru/news/2020/09/21/v-parlamente-belorussii-prizvali-izmenit-politiku-mnogovektornosti>. Publication date: September 21, 2020.

4. Marzhetsky S. Belarus to become Union State air defense outpost // Reporter: website. (In Russ.). Available from: <https://topcor.ru/18230-belorussija-stanet-forpostom-pvo-sojuznogo-gosudarstva.html?ysclid=mkqvoy6uur550808654>. Publication date: January 17, 2021.

5. Press conference following Russian-Belarusian talks. President of Russia: official website. (In Russ.). Available from: <http://kremlin.ru/events/president/news/66648>. Publication date: September 9, 2021.

6. Joint statement by the Chairman of the Government of the Russian Federation and the Prime Minister of the Republic of Belarus on current developments and further steps to deepen integration processes within the Union State. Government of Russia: official website. (In Russ.). Available from: <http://government.ru/news/43234/>. Publication date: 10.09.2021.

7. Meeting of the Supreme State Council of the Union State. Kremlin: official website. (In Russ.). Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67066>. Publication date: 04.11.2021.

8. The regional grouping of the Union State is being deployed in stages by the Ministry of Defense of Belarus. Parliamentary Assembly of the Union of Belarus and Russia: official website. (In Russ.). Available from: <https://belrus.ru/info/regionalnaya-gruppirovka-sg-razvertyvaetsya-poetapno-mo-belorussii/>. Publication date: November 11, 2022.

9. Russian World. Message to the Belarusian people and the National Assembly. All-Russian public movement "In Support of the Policy of the President of Russia": official website. (In Russ.). Available from: <http://www.politikapresidenta.rf/russkiy-mir-poslanie-belorusskomu-narodu-i-nacionalnomu-sobraniyu?ysclid=mkqutclihd366122406>. Publication date: 03.04.2023.

10. Russia and Belarus will have a joint security concept / E. Mukhametshina, G. Mishutin, D. Mosolkina, E. Dubrovina // Vedomosti: website. (In Russ.). Available from: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/04/07/969897-u-rossii-i-belorussii-poyavitsya-sovmestnaya-kontseptsiya-bezopasnosti>. Publication date: April 07, 2023.

11. Belarus ratified the agreement with Russia in the military-technical sphere. RIA Novosti: official website. (In Russ.). Available from: <https://ria.ru/20230512/vts-1871173460.html?ysclid=mkqt1udcs2866933307>. Publication date: 12.05.2023.

12. Alexey Overchuk took part in the IX Forum of Regions of Russia and Belarus. Government of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from : <http://government.ru/news/45890/>. Publication date: July 1, 2022.

13. Meeting of the Council of Ministers of the Union State. Government of Russia: official website. (In Russ.). Available from: <http://government.ru/news/48082/>. Publication date: March 27, 2023.

14. Over 100 contracts worth 20 billion rubles were signed at the XII Forum of Regions of Russia and Belarus. Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from: https://www.economy.gov.ru/material/news/bolee_100_kontraktov_na_summu_20_mlrdrubley_zaklyuchili_na_xii_forume_regionov_rossii_i_belarusi.html?ysclid=mkwkbo1qnf74860269. Publication date: June 27, 2025.

15. Russia will provide Belarus with a loan of up to \$10 billion for the construction of a nuclear power plant. RIA Novosti: official website. (In Russ.). Available from: <https://ria.ru/20111125/497822845.html?ysclid=mkxxr8ob6t530763863>. Publication date: July 16, 2025.

16. Treaty between the Russian Federation and the Republic of Belarus on the formation of a unified electricity market of the Union State. Russian Ministry of Foreign Affairs: official website. (In Russ.). Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/2_contract/62700/. Publication date: December 6, 2024.

17. Kirillova, O. The Supreme State Council of the Union State was held in St. Petersburg. RGRU: website. (In Russ.). Available from: https://rg.ru/2024/01/31/v-sankt-peterburge-proshel-vyshnij-gossovet-soiuznogo-gosudarstva-glavnoe.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F. Publication date: January 31, 2024.

Информация об авторах

М. А. Казаков — доктор политических наук, профессор кафедры политологии;

М. С. Лысцев — кандидат политических наук, доцент кафедры методологии, истории и философии науки.

Information about the authors

M. A. Kazakov — Doctor of Science (Political), Professor of the Department of Political Science;

M. S. Lyscev — Candidate of Science (Political), Associate Professor of the Department of Methodology, History, and Philosophy of Science.

Статья поступила в редакцию 27.08.2026; одобрена после рецензирования 18.09.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 27.08.2026; approved after reviewing 18.09.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 24–29
 Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):24–29

Научная статья

УДК 141.336

doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-24-29

«МАСНАВИИ МАЪНАВИ» МАВЛАНЫ ДЖАЛАЛАДДИНА БАЛХИ — РУКОВОДСТВО ДЛЯ СОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА

Рухшона Курбон Курбонзода

Таджикский государственный педагогический университет имени С. Айни,
 Душанбе, Республика Таджикистан, v.rukhshona@mail.ru

Аннотация. Мавлана Джалаладдин Балхи Руми считается одним из величайших и наиболее плодотворных поэтов и писателей своей эпохи. Он внес огромный вклад в развитие классической таджикско-персидской литературы благодаря своему неувядаемому наследию и бессмертным произведениям в стихах и прозе. В статье обосновывается, что «Маснави маънави» Мавланы Джалаладдина Балхи является практическим руководством для становления совершенного человека. Данный тезис подтверждается следующими ключевыми аспектами: общее мистико-философское учение Мавланы Руми сосредоточено на антропологии или человекопознании и этическое учение Мавланы, как теория морали, направлено на формирование совершенной личности, способной к познанию Истины.

Ключевые слова: Мавлана, Маснави Маънави, философия, человек, познание, руководство, ученый, мистик, Дивани Шамс, акбар, благородный человек

Для цитирования: Курбонзода Р. К. «Маснави маънави» Мавланы Джалаладдина Балхи — руководство для совершенного человека // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 24–29. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-24-29>.

Research article

"MASNAVII MA'NAVI" BY MAWLANA JALALADDIN BALKHI: A GUIDE FOR THE PERFECT HUMAN

Rukhshona Q. Qurbonzoda

S. Aini Tajik State Pedagogical University, Dushanbe, Republic of Tajikistan,
 v.rukhshona@mail.ru

Abstract. Mawlana Jalaladdin Balkhi Rumi is considered one of the greatest and most prolific poets and writers of his era. He made a tremendous contribution to the development of classical Persian-Tajik literature through his enduring legacy and immortal works in both verse and prose. In this article there are substantiated that Mawlana Jalaladdin Balkhi's "Masnavii Ma'navi" serves as a practical guide for the realization of the Perfect Human. This thesis is supported by the following key aspects: Mawlana's general mystical and philosophical teachings are centered on anthropology (the study of the human being) and his ethical teachings, as a theory of morality, are directed toward the formation of a perfected personality capable of attaining knowledge of the Divine Truth.

Keywords: Mawlana, Masnavii Ma'navi, philosophy, human being, cognition, guidebook, scholar, mystic, Diwanie Shams, akhbar, chivalrous man

For citation: Qurbonzoda R. Q. "Masnavii Ma'navi" by Mawlana Jalaladdin Balkhi: a guide for the perfect human. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;3(72):24–29. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-24-29>.

Великий таджикско-персидский поэт, мыслитель и мистик Джалаладдин Балхи Руми (1207–1273 года) относится к числу выдающихся представителей мировой литературы, чье творчество, начиная с XVIII века, приобрело широкое международное признание как на Востоке, так и на Западе. Его поэтическое наследие пользуется неизменным интересом среди читателей различных стран и культурных традиций, включая Таджикистан, Индию, Иран, Афганистан, Россию, Турцию, арабские государства, страны Европы и Северной Америки. Произведения Руми привлекают представителей разных поколений и социальных групп благодаря своей глубокой философской содержательности, художественной выразительности и универсальности поднимаемых тем.

Творческое наследие поэта охватывает широкий круг духовно-нравственных, этических, психологических и религиозно-философских проблем, что обуславливает его непреходящую актуальность и востребованность в различных культурных контекстах. Именно этим объясняется постоянный интерес к переводу и изучению произведений Руми на многих языках мира, включая английский, немецкий, русский, белорусский и многочисленные языки народов Востока и Запада.

Особое место в литературном наследии Руми занимает «Маснави маънави» («Духовные двестишья») — монументальное поэтическое произведение, считающееся вершиной его духовно-философского творчества и одним из наиболее значительных памятников суфийской литературы. Поэма состоит более чем из 25 тыс. двестиший (около 50 тыс. стихотворных строк) и представляет собой масштабное собрание мистических, этических и философских размышлений, изложенных в художественной форме.

«Маснави маънави» Джалаладдина Балхи Руми для таджикского и персидского народов считается Кораном на языке пехлеви. Это выдающееся произведение для всего человечества подобно океану по своим размерам и содержанию, не имеющему границ. Среди всех социальных, философских, художественных и культурных произведений народов мира, особенно таджикско-персидского, «Маснави маънави» признана наиболее избранной, наи-

более священной, наиболее интересной и наиболее значимой поэмой, а по мнению иранского ученого А. Зарринкуба, — знанием, строящим человека. Нет сомнения, что это величайший духовный эпос человечества. Так, «Маснави маънави» как вечное море культуры цивилизованных предков таджиков и персов, свободно и беспрепятственно течет в глубинах творческого ума и сознания Руми и остается для мира простых людей и чуткого и любознательного человечества как цивилизованный шедевр, созидаящий человека, и восхищает и сияет своими радужными, чистыми и гуманными оттенками.

Автор этого бессмертного произведения родился в древнейшей части региона, центром которого был город Балх, в 604 году хиджры (1207 год). Семья Джалаладдина Балхи была одной из крупнейших и наиболее влиятельных семей указанного региона. Отцом Джалаладдина Балхи был Мавлана Мухаммад бин Хусейни Хатиб, известный под именем Бахауддин Валад и прозвищем Султанулулама. Бахауддин Валад, согласно антологии «Манакиб аль-Арифин» («Пути благородных»), занял особое место в суфийской мистике и связал свою родословную с Ахмадом аль-Газали, братом имама Мухаммада аль-Газали (автора «Эликсир счастья»), который освободился от оков медре-се и передал свое знаменитое положение своему брату Ахмаду [1, с. 112].

Несмотря на всю свою славу и величие, Бахауддин Валад не смог смириться с упрямой и своевольной политикой Мухаммеда Хорезмшаха и покинул землю своих предков — свою любимую родину — Балх, и поселился в Малой Азии, где провел остаток жизни. Когда Джалаладдину было еще совсем мало лет, Бахауддин Валад вместе со своими учениками совершил путешествие, в ходе которого достиг Нишапура. Во время пребывания в этом городе состоялась его встреча с выдающимся суфийским поэтом и мыслителем Фаридуддином Аттаром. В знак уважения к своему соратнику Аттар преподнес его сыну Джалаладдину экземпляр своего знаменитого произведения «Асрорнома» («Книга тайн»), выражая надежду на то, что юный Джалаладдин проявит интерес к этому труду и продолжит развитие суфийской мысли. Предвидение великого шейха

оказалось пророческим: впоследствии Мавлана Джалаладдин Руми создал свое монументальное произведение «Маснави маънави». Согласно суфийской традиции, это сочинение было написано при содействии и по инициативе Хусамуддина Чалаби и рассматривается исследователями как творческое продолжение духовно-философских идей, изложенных Аттаром в «Асрорноме».

После посещения Каабы Султан Валад поселился в городе Кунии Малой Азии и провел остаток своей жизни среди цивилизованных жителей. Джалаладдин Руми девять лет учился у лучших учеников своего отца, включая Саида Бурхана ад-Дина Мухаккика ат-Тирмизи. Когда Руми было двадцать пять лет, скончался его почтенный отец.

После смерти своего великого отца Мавлана Руми прославился по всей византийской империи как избранная личность. В жизни этого светлого лица, исполненного знаний и мудрости, приближавшегося к совершеннолетию и имевшего множество учеников и почитателей, появился наставник по имени Шамс Табризи, который своим солнечным светом пленил ум и мысли сорокалетнего Мавланы Руми.

В трудах Мавланы личность Шамса иногда упоминается как абсолютное солнце бытия и божественная сущность, иногда это особое выражение в имени Шамсуддина Табризи, а чаще всего это относится к статусу совершенного человека и примеру целостного человека, что является внутренним «я» Мавланы Руми и истинной сущностью всех людей той божественной душой, которая вдохнула истину в человека и заставила небеса и ангелов склониться перед ней.

Когда Мавлана Руми говорит о Шамсе, все вышеперечисленные значения смешиваются воедино, поскольку неясно: к кому обращены послания и обращается ли он к Богу, Шамсу, любви, своему внутреннему «я» или к абсолютной человеческой сущности? Образ Шамса в интерпретации Мавланы Руми охватывает всю вселенную. Пророки и святые прошлого (Адам и Ной, Халил, Мансур, Адхам и Баязид), проявления природы (солнце, Венера и луна, горы, реки, небо, цветы, деревья и сады), все виды птиц и животных леса (такие как тутовый шелкопряд, павлин, лев и олень), музы-

кальные инструменты (такие как мутриб, саки, свеча, шахид, мускус, анбар и уд), легендарные имена (такие как Симург, гора Каф и дочь Хакана из Китая), проявления потустороннего мира (такие как трубы Исафила, восходящая звезда до неба, Кавсар, ангелы и сотни других имен) — все это символы возлюбленного и Бога Мавланы Руми, с которым Шамс был средством встречи.

Шамс на некоторое время отделился от Мавланы из-за сплетников и завистников, что сделало Мавлану Руми неуравновешенным. Султан Валад по приказу своего отца вернул Шамса в Кунию, это разожгло зависть псевдопоклонников и учеников Мавланы Руми, что в конечном итоге сделало Шамса невидимым.

Тяжело переживая разлуку, Мавлана Джалаладдин Руми обратился к суфийским духовным практикам, уделяя особое внимание «Сама» — ритуалу мистического слушания, сопровождаемому музыкой, поэзией и вращательными танцами дервишей. Эти практики стали важной составляющей его духовного пути и способом выражения глубоких мистических переживаний.

Спустя некоторое время значительное место в духовной жизни Руми занял Салахутдин Заркуб, чье влияние сохранялось на протяжении около десяти лет. Их взаимоотношения сыграли существенную роль в формировании мировоззрения и духовного опыта Руми в тот период. Несмотря на высокую образованность, мудрость и авторитет своего старшего сына Султана Валада, Руми оказывал особое уважение Салахутдину Заркубу. Это проявилось, в частности, в его настойчивом желании укрепить связи между двумя семьями посредством брачного союза, предложив выдать дочь Султана Валада замуж за Заркуба.

Другим истинным учеником Мавланы Руми является Хисамуддин Чалаби, известный как Ахи Турк, о котором Афлаки говорит в «Манакиб аль-Арифин»: «Если Шамсиддин — солнце, а шейх Салахутдин — луна, то Ахи Турк сияет среди них, как звезда» [1, с. 152].

Как мы видим, Хисамуддин — третий человек после Шамси Табризи и Салахутдина Заркуба, кто протянул руку Мавлане Руми, и оставался с ним до конца своей жизни на собраниях общины мавлавийцев. Благодаря его пред-

ложениям и поддержке Мавлана создал свое произведение — «Маснави маънави». Хисамуддин Чалаби — видный ученый из византийской империи, чьи предки посвятили себя ритуалу рыцарства — футуват, и распространили это социально-нравственное и философское направление в Центральной Азии под названием «ахи или ахия» [2, с. 51–58].

Напомним, что составитель «Маснави маънави» писал о Хисамуддине Чалаби так: «Старший предводитель мудрецов, наставник, достигший высочайшего уровня, голос народа, доверенное лицо сердец и умов, доверенный Богом среди творений и избранный Им из числа людей, Баязид этой жизни, Джунайид этого времени и истинный человек в звании Абу Бакра» [3, с. 114–116].

Известный мусульманский путешественник и купец Ибн Баттута посещал уголки и дома рыцарей и их лидеров, куда бы он ни шел, и стало очевидно, как в те дни повсюду распространялась репутация их гостеприимства. Он говорит: «Я не видел во всем мире более добродетельных людей, чем этих рыцарей (ахи византийской империи — *примечание автора*), хотя жители Шираза и Исфахана также стремятся подражать подходу рыцарей, но они все больше и больше преуспевают в гостеприимстве и радушии» [4, с. 53].

В этом рассказе Ибн Баттуты скрыты два очень важных момента. Во-первых, во время монгольского нашествия Центральная Азия была одним из относительно свободных, процветающих и мирных регионов, и многие путешественники были вынуждены покинуть свою родину и поселиться в этой стране, и семья Мавланы Руми не избежала этого общего несчастья. Затем и в византийской империи распространилось рыцарское движение как хорошо оснащенная гуманитарная организация, главной сущностью которого была помощь нуждающимся. Оно существовало во всех малых и больших городах этой страны и держало ворота своего «Астаны» открытыми для путешественников и паломников без благодарности и без оговорок. В этом отношении не исключением была и семья несравненно добродетельного Хисамуддина Хасана ибн Мухаммада ибн Хасана аль-Чалаби, известного как Ибн Ахи

Турк, а скорее известный как молодой человек, присоединившийся к кругу собрания Мавлана Руми. Хисамуддин привел в мавлавию не только себя, но и всех своих сторонников и почитателей [2, с. 51–58]. Мухаммад Дайхим пишет об этом: «Когда отец Хисамуддина рано покинул этот мир, был приглашен шейхами и знатными людьми ордена футуват-ахийя в качестве главы общины, потому что старейшины среди молодых людей были все теми, кого воспитали его предки» [2, с. 103].

Иранский ученый Б. Фурузанфар в своем исследовании о взаимоотношениях Хисамуддина и Мавланы Руми пишет: «Дружба и доброта Мавланы по отношению к Чалаби достигли такой степени, что память о нем не расцветала бы без его присутствия, и на собрании, где не было Чалаби, Мавлана не проявлял бы инициативы, не говорил и не делился знаниями. Его сподвижники понимали это и считали присутствие Хисамуддина более необходимым, чем что-либо еще на таких собраниях» [5, с. 15].

В другом месте Б. Фурузанфар подчеркивает: «В связи с потребностью в повествованиях Чалаби увидел, что сподвижники Мавланы в основном занимались чтением произведений шейха Аттора и Санаи, и, хотя газелей Мавланы много, Маснави — вот произведение, содержащее истины суфизма и тонкости этикета их сулука или пути — не было во вкусе Мавланы. В связи с этим он ждал подходящего случая, пока однажды ночью не застал Мавлану в уединении, рассказал о богатстве газелей и попросил его написать книгу в стихах в стиле «Хадика» или «Мантук-тайр». Мавлана тут же достал из своего дневника листок бумаги, содержащий 18 стихов из начала «Маснави», и отдал его Хисамуддину Чалаби» [5, с. 15]. Он добавляет: «Притяжение и тяга к Хисамуддину, которые были не меньше, чем мощный магнетизм Шамса, вновь разбудило реку вдохновения Мавланы, которая обрела относительное спокойствие, и дало еще одну волну беспокойства, о которой Мавлана сказал:

*«Ах, Чалаби, из твоих рук и из твоих пьяных уст и глаз,
Сто раз ты разбил мое сердце, ах, Чалаби, из твоих рук.
Я перестану плакать, я стану бунтовать в этом мире.
Я исполню желание своего сердца, ах, Чалаби,
из твоих рук!»* [5, с. 342].

Как видим, именно по просьбе Чалаби Мавлана Руми начал писать «Маснави маънави» — свои духовные двестишты, которые в короткие сроки были увековечены в виде картины.

Сам Мавлана Руми считает надежным источником Маснави безупречное существование Хисамуддина. «Я предпринял эту попытку по просьбе того, кто является моим лидером, опорой и доверенным лицом, и кто является частью моего тела, в котором есть место моей душе и который является хранилищем моего настоящего и будущего» [3, с. 114].

Среди произведений Мавланы Джалаладдина Балхи «Маснави маънави» играет очень важную роль. Это философско-мистическое произведение является поучительной книгой, которая охватывает путь и методы суфизма и нравственности. Конечно, до времен Мавланы существовали «Мантикуттайр» Фариддина Аттара, «Хадика» Санаи и «Гульшани Раз» Шабистари, но они не обладали той же широтой внешнего и внутреннего объема, что и «Маснави маънави», которая довела очарование в разгадке этого очарования до царства безумия. С этой точки зрения Мавлана Руми, как пьяный путник, нисходит внутрь себя и начинает «Маснави маънави» следующим образом:

*«Слушай флейту, когда она рассказывает,
Он жалуется на разлуку»* [5, с. 32].

Следует отметить, что все комментаторы «Маснави маънави», включая Абдурахмана Джами, Якуби Чархи, Никольсона, Фурузанфара и других, считают, что флейта является духовным образом совершенного человека.

Термин «совершенный человек» охватывает сущность духовности «Маснави маънави», которая остается наиболее распространенным термином среди суфиев со времен появления мистицизма и суфизма Ибн Араби. По мнению суфиев, Вселенная — это мир бытия, воплощением или избранныком которого является человек, душа мира, а мир — его тело. Более того, Ибн Араби подчеркивает, что «мир без человека — это мертвое тело».

Азизуддин Насафй говорит: «Знайте, что все, что доказано в большом мире, должно иметь свое воплощение в малом мире. Для того чтобы это утверждение было истинным. Потому что малый мир — это копия и вопло-

щение большого мира, и все, что есть в большом мире, является его воплощением в малом мире» [6, с. 312].

Шейх Махмуд Шабистари в «Гульшани Раз» описывает статус и предназначение совершенного человека следующим образом:

*«Стань путем, превосходящим время и место,
Оставь мир и стань миром в себе»* [7, с. 53].

Как видим, совершенный человек — это избраннык духовного и физического миров, и он охватывает весь великий мир внутри себя. Следовательно, совершенный человек, который является миром Вселенной, находится внутри великого мира и проявляет все его тайны внутри себя.

По словам самого Мавланы Руми, «Маснави маънави» в основном состоит из комментария к первым 18 стихам первой книги произведения, о которой мы упоминали ранее и которая известна под названием «Найнома». В этом разделе данного шедевра изображена печальная, скорбная флейта, которая, упав далеко и отделившись от своего истинного источника — тростниковой рощи, издает душераздирающие вздохи из своего наполненного сердцем, и ее единственная цель и мечта в жизни — вернуться на свое первоначальное место и в свое первоначальное состояние [8, с. 53].

Как видим, большинство исследователей, изучавших биографию и труды Мавланы, признали его величайшей фигурой суфизма. Немецкий исследователь А. Шимель об этом пишет: «Но Мавлану привлекает не только мир материи, растений, животных и людей, и нет ни одного аспекта человеческой жизни, которым бы он не занимался. Мавлана также сравнивает Пророка Мухаммеда с луной, которая также освещает путь людей. Именно поэтому свет Мухаммада обильно виден во всех страницах «Маснави маънави» как воплощение совершенного человека» [9, с. 29].

Таким образом, «Маснави маънави» Мавланы Джалаладдина Балхи представляет собой не только выдающийся памятник суфийской литературы, но и своеобразное руководство по духовному и нравственному совершенствованию личности. Данное положение подтверждается рядом ключевых аспектов его

учения. Во-первых, мистико-философская система Мавланы имеет ярко выраженную антропологическую направленность, сосредоточенную на осмыслении природы, сущности и предназначения человека. Во-вторых, этическое учение Руми, выступающее в качестве теории нравственного поведения, ориентировано на формирование совершенной личности, способной к постижению Истины и до-

стижению духовного совершенства. В-третьих, центральное место в его мировоззрении занимает идея самопознания: вопрос о сущности собственного «я» рассматривается как одна из важнейших экзистенциальных проблем человека, требующая непрерывного поиска ответа посредством приобретения знаний, духовного опыта и внутреннего самосовершенствования на протяжении всей жизни.

Список источников

1. Афлой Аҳмад. Манокиб-ул-орифин. Теҳрон, 1896. 396 с.
2. Восеъ Ё. Адабиёти ҷавонмардии тоҷику форс. Китоби 2. Душанбе : Дониш, 2007. 493 с.
3. Бадёуззамон Фурӯзонфар. Рисола дар таъкики аъвол ва зиндагонии Мавлоно Ёалолуддин Муъаммад машъур ба Мавлавӣ. Теҳрон, 1315. С. 114–116.
4. Восеъ Ё. Номаи ҷавонмардӣ. Душанбе : Ирфон, 1986. 144 с.
5. Мавлоно Ёалолуддини Румӣ. Маснавӣ. Теҳрон : Нашри Замон, 2001. 728 с.
6. Насафӣ, Азизуддин. Инсонӣ комил / бо муқаддимаи Ҳенри Корбен ; бо тасҳеҳ ва муқаддимаи Мориҷли Мавла ; тарҷума, муҳаддима аз доктор Саид Зиевуддини Ваҳшерӣ. Теҳрон, 1993. 613 с.
7. Шабистарӣ. Шайх Маҳмуд. Гулшани роз / муқаддима, тасҳеҳ ва шарҳу тавзеҳот аз Ш. Суфизода. Душанбе : Дониш, 2015. 284 с.
8. Шарҳи ӯмеи Маснави Маънавӣ. Дафтари аввал. Теҳрон, 1384. 1142 с.
9. Шиммель Аннемари. Мир исламского мистицизма / пер. с англ. Н. И. Пригариной, А. С. Рапопорт. 4-е изд., стереотип. Москва : Садра, 2026. 536 с. (In Russ.). ISBN: 978-5-908072-10-6.

References

1. Afloqi Ahmad. Lives of Saints. Tehran; 1896. 396 p. (In Tajik).
2. Vose K., Vosieva R. Tajik-Persian Chivalric Literature. Book 2. Dushanbe: Donish; 2007. 493 p. (In Tajik).
3. Badeuzzaman Furuzanfar. Treatise on the Study of the State and Life of Mawlana Jalaluddin Muhammad, Known as Mawlawi. Tehran; 1315. P. 114–116. (In Tajik).
4. Vose K. Book of Chivalry. Dushanbe: Irfon; 1986. 144 p. (In Tajik).
5. Mevlana Jalaluddin Rumi. Masnavi. Tehran: Zamon, 2001. 728 p. (In Tajik).
6. Nasafi Azizuddin. The Perfect Man / with a foreword by Henry Corbin; with corrections and foreword by Morijlin Mawla; translation and foreword by Dr. Said Ziyovuddin Vakhseri. Tehran; 1993. 613 p. (In Tajik).
7. Shabistari. Sheikh Mahmud. The Rose Garden / foreword, corrections, and commentary by Sh. Sufizoda. Dushanbe: Donish; 2015. 284 p. (In Tajik).
8. Complete commentary on Masnavi Manavi. First Notebook. Tehran; 1384. 1142 p. (In Tajik).
9. Annemarie Schimmel. The World of Islamic Mysticism / translated from English by N. I. Prigarina, A. S. Rapoport. 4th ed., stereotype. Moscow: Sadra; 2026. 536 p. (In Tajik) ISBN: 978-5-908072-10-6.

Информация об авторе

Р. К. Курбонзода — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы, проректор по международным связям.

Information about the author

R. Q. Qurbonzoda — Doctor of Science (Philology), Professor of the Department of the Theory and History of Literature, vice-rector.

Статья поступила в редакцию 18.06.2026; одобрена после рецензирования 23.07.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 18.06.2026; approved after reviewing 23.07.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 30–41
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):30–41

Научная статья

УДК 323.26

doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-30-41

«РЕЦЕПТ» ЕДИНСТВА: КУЛИНАРИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПИТАНИЯ В ИСТОРИИ СТУДЕНЧЕСТВА

Танзиля Алтафова Нигматуллина¹, Людмила Олеговна Терновая²

¹Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия, ufabist@ufabist.ru

²Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия, 89166272569@mail.ru

Аннотация. В работе исследуется феномен студенческого питания как многогранного социального и культурного явления. На широком историческом материале — от средневековых европейских университетов до современности — прослеживается эволюция коллективных трапез и их роль в консолидации студенчества. Анализируются три ключевых аспекта: еда как инструмент политического протеста (голодовки, продовольственные бунты, символические акции), организация питания как зеркало эпохи и социальной политики (от «пенсииерской системы» и благотворительности до советских фабрик-кухонь) и современные альтернативные формы самоорганизации (студенческие кооперативы, фудшеринг, фриганство). Особое внимание уделяется трансформации студенческого самоуправления в сфере питания, где учащиеся переходят от роли пассивных потребителей к активным управленцам. Отдельный раздел посвящен истории высшего пищевого образования и современным студенческим стартапам в ресторанном деле. Делается вывод о том, что борьба за качественную и доступную еду исторически служила школой гражданской активности и солидарности, а сегодня этот сегмент открывает новые возможности для развития управленческих компетенций и реализации коллаборативных практик.

Ключевые слова: студенчество, история университетов, организация питания, студенческая столовая, социальный протест, голодовка, студенческое самоуправление, кооператив, фудшеринг, фриганство, история повседневности, гастрономия

Для цитирования: Нигматуллина Т. А., Терновая Л. О. «Рецепт» единства: кулинария и организация питания в истории студенчества // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 30–41. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-30-41>.

Research article

A "RECIPE" FOR UNITY: CULINARY ARTS AND CATERING IN THE HISTORY OF STUDENT LIFE

Tanzilya A. Nigmatullina¹, Lyudmila O. Ternovaya²

¹Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia, ufabist@ufabist.ru

²Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia, 89166272569@mail.ru

Abstract. This paper examines student catering as a multifaceted social and cultural phenomenon. Using a broad historical framework—from medieval European universities to the present — the paper traces the evolution of communal meals and their role in student cohesion. Three key aspects are analyzed: food as an instrument of political protest (hunger strikes, food riots, symbolic protests); catering

as a mirror of the era and social policy (from the "pension system" and charity to Soviet factory kitchens); and contemporary alternative forms of self-organization (student cooperatives, foodsharing, and freeganism). Particular attention is paid to the transformation of student self-governance in the field of catering, where students are moving from the role of passive consumers to active managers. A separate section is devoted to the history of higher education in food science and contemporary student restaurant startups. The study concludes that the struggle for high-quality and affordable food has historically served as a school of civic engagement and solidarity, and today this segment opens up new opportunities for developing management competencies and implementing collaborative practices.

Keywords: student life, university history, food service, student cafeteria, social protest, hunger strike, student government, cooperative, foodsharing, freeganism, history of everyday life, gastronomy

For citation: Nigmatullina T. A., Ternovaya L. O. A "recipe" for unity: culinary arts and catering in the history of student life. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)):30–41. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-30-41>.

Ни к чему теперь, гражданка,
Ваша «Скатерть-самобранка»
Никого не удивите
Этой штукою в нарпите.

Николай Агнивцев
«Октябренек-постреленок», 1925 г.

Введение

Студенческая жизнь составлена не только из лекций и семинаров. Особая общность формируется в свободное от учебы время, в том числе за обеденным столом, на кухне общения или во время голодовки-протеста. Совместные приемы пищи — трапезы — исторически всегда были мощным инструментом консолидации студенческого движения, способом самоорганизации и даже оружием в борьбе за права. Любопытно проследить, как от первых европейских университетов до наших дней кулинария и организация питания спланивали студентов, становясь основой для братств, протестов и систем самоуправления.

С самого зарождения университетов в средневековой Европе питание было не просто бытовой необходимостью, а важным социальным институтом [1, с. 72–76]. Многие колледжи, такие как колледж Сорбонны в Париже или колледжи Оксфорда, изначально создавались как сообщества, где студенты и преподаватели жили и питались вместе. Эти общие трапезы (англ. *commons*) выполняли несколько функций:

– социальную, обнаруживаемую в формировании корпоративной идентичности и чув-

стве принадлежности к университетскому сообществу;

– учебную, проявляемую в обсуждении за едой вопросов, связанных с изучаемыми предметами;

– регулятивную, заключающуюся не только в связи трапезы с соблюдением дисциплины и религиозных норм, но и поддержания особого ритма жизни, позволяющего во время еды переходить в иное временное измерение, помогая устанавливать границы университетских темпов [2, с. 20–28; 3, с. 48–54].

Пространство реализации этих функций всегда было очень широким: от трапезы студенческих праздников, например, традиционной медовухи на день святой Татьяны у российских студентов, сухофруктов и орехов в день святого Николая у европейских студентов, до пищевых символов протеста [4]. Во многом именно эта широта определяет интерес исследователей к различным аспектам проблематики студенческого питания, поскольку, во-первых, позволяет находить связи между отдельными проявлениями студенческой жизни, а, во-вторых, благодаря наличию ярких фактов, по-новому оценивать эти проявления.

Еда как оружие: голодовки и политический протест

Если совместная трапеза символизировала единство, то сознательный отказ от пищи стал крайней, но мощной формой выражения коллективной воли. Потребность учащих в самостоятельности принятия решений о своем существовании, а еще более неудовлетворенность казенным питанием выступали одной из причин появления студенческих братств (корпораций). Эти сообщества зародились в Европе, распространились в США и России, выстраивались вокруг создаваемых их участниками ритуалов, среди которых были совместные обеды и ужины. За общим столом укреплялись связи, обсуждались не только учебные, но и политические вопросы, формировалась солидарность, которая выходила далеко за стены университетов. Некоторые из этих традиций складывались еще в Средневековье, а какие-то возникали в наше время.

Можно привести примеры организации студентами, соседями по общежитию некоторых немецких университетов за месяц до Рождества «глинтвейн-клуба». Они по очереди готовят напиток и закуски и приглашают к себе однокурсников. На такие встречи с собой принято приносить кружки, которые уносят обратно, чтобы не обременять хозяина мытьем посуды. На чешском обряде XVIII века, прообразом которого, в свою очередь, служила Тайная вечеря, благодаря студентке из Чехии в 1965 году в американском Университете Уэйк-Форест (англ. *Wake Forest University, WFU*) была впервые устроена «Трапеза любви». С того времени студенты, преподаватели и выпускники ежегодно собираются в церкви, зажигают свечи и поют праздничные гимны, передавая друг другу по рядам традиционные моравские булочки и кофе со сливками. Угощение символизирует единение присутствующих, их желание бороться с религиозными разногласиями и делиться хлебом насущным. Хотя сама трапеза отличается краткосрочностью, память о таких событиях хранится в самых разных застольных песнях [5, с. 18–32].

Не меньше, чем праздники, студентов сближали продовольственные бунты. Они

превращали еду из инструмента сплочения в инструмент политического давления. В 1766 году вспыхнул «Масляный бунт» (англ. *Butter Rebellion*) в Гарвардском университете. Эта протестная акция была вызвана тем, что зимой в Тринадцати колониях не хватало масла, и его приходилось импортировать из Ирландии. Масло часто портилось во время транспортировки и становилось несъедобным весной. Студенты собрались в университетской часовне, бойкотировали столовую и обратились с протестом к губернатору колонии Массачусетс. Однако администрация университета расценила поведение студентов как предательство короны, и 155 из них были вынуждены подписать заявление о покаянии [6].

Периодически протестные акции были вызваны схожими проблемами. В 1965 году студенты канадского университета Калгари (*UCalgary*) организовали кампанию *I. M. Hungry* (Я голоден), инсценировав похороны студентки по имени Стефани Бейкер. Таким образом, они символизировали свой протест против высоких цен и плохого качества еды в университетской столовой. До официального открытия студенческого кооператива в Университете Мэриленда (англ. *The University of Maryland, College Park, University of Maryland, UMD*) в 1975 году, студенты, недовольные качеством питания, начали делать сэндвичи дома и продавать их на кампусе. Это получило название «партизанская линия сэндвичей» (англ. *Guerilla sandwich line*). С 1980 по 1986 год студенты Университета Нотр-Дам (англ. *University of Notre Dame*) бойкотировали продукцию *Campbell's Soup* в поддержку бастующих сельскохозяйственных рабочих. Символом этого бойкота была листовка, пародирующая известную картину Энди Уорхола с банкой супа «*Cream of Exploitation Soup*» (Крем-суп эксплуатации).

Протестом можно было считать и непрерывную трапезу. В 2005 году в Москве группа студентов организовала акцию «Едим за отставку правительства». Они непрерывно ели в кафе, а на специальной доске отмечали, сколько блюд уже «съедено за отставку»,

пытаясь привлечь внимание к своим политическим требованиям. Простой и понятный лозунг «Мы хотим есть!» стал отправной точкой для студенческого движения в Московском государственном университете в 2007 году. Его поводом стал протест против дороговизны еды в студенческом кафе, но позже перерос в более широкие требования к администрации вуза, за что и получил название «пищевая революция».

Еда — это не только физиологическая потребность, но и мощный символ, который студенты разных стран и эпох использовали для выражения своего протеста. Визуальные символы и образы органично вписываются в общую символику студенческого протеста. В первую очередь это касается одной из самых заметных знаков «цветных революций» — кулака. На плакате *Food for People Not for Profit*, созданном студентом Роджером Хектом в 1986 году для Мэрилендского продовольственного кооператива (англ. *Maryland Food Collective*) в США [7, с. 492–499] был изображен кулак, пробивающий сэндвич, символизирующий борьбу за качественную и доступную еду для людей, а не для извлечения прибыли. Еще на том же плакате были изображены герои латиноамериканского социального протеста Че Гевара и Аугусто Сандино. Их присутствие подчеркивало связь между студенческими продовольственными инициативами и более широкими левыми политическими движениями того времени.

В 2003 году студенты Нижегородского государственного агротехнологического университета имени Л. Я. Флорентьева (НГАТУ) пронесли по улицам гигантский трехметровый мюльж колбасы, которая стала символом недоступности качественной еды. Студенты говорили, что стипендии хватает только на самую дешевую колбасу, которую делают «из настоящих отходов».

Вероятно, наиболее известным международным символом, хотя он не является сугубо студенческим, стал символ бомбы. Это движение зародилось в 1980-х годах в США среди антивоенных активистов «Еда, а не бомбы» (англ. *Food Not Bombs*), который был подхвачен студентами во многих странах мира. Раздача бесплатной веганской еды стала фор-

мой протеста против милитаризма, бедности и системы, которая тратит огромные средства на вооружение, вместо того, чтобы бороться с голодом. Акции протеста были проявлением художественной провокации. Так, например, в 2020 году студент Голдсмитс-колледжа (англ. *Goldsmiths, University of London*) высыпал 31 т моркови и картофеля во дворе учебного заведения как художественный проект, вдохновленный протестами фермеров. Другие учащиеся восприняли это действие как оскорбительную акцию на фоне бедности в районе и организовали раздачу этих же овощей всем нуждающимся, превратив художественный акт протеста в акт взаимопомощи.

Новейший пример — «Революция на границе» (укр. *Револуція на граніті*) в Киеве в октябре 1990 г., организованная Украинским студенческим союзом и Студенческим братством, когда более ста студентов начали голодовку на площади Октябрьской революции, требуя политических изменений. Эта акция ненасильственного протеста, где еда стала предметом жертвы, оказалась невероятно эффективной. Власти были вынуждены пойти на переговоры и удовлетворить часть требований, что показало силу организованного студенческого движения. Голодовка продемонстрировала, что контроль над собственным телом и питанием может быть актом гражданского неповиновения, способным поколебать социальные устои. Именно поэтому сначала студенты, а потом власти постарались сохранить о ней память. Так, к 10-летию голодовки в 2000 году был создан документальный фильм, а 20-летие революции отметили фестивалем патриотической и повстанческой песни «Гайдамака.ua», который организовал украин-

Плакат движения «Еда, а не бомбы»

ский журналист и телеведущей Олесь Доний. Еще через пять лет, в октябре 2015 года, Президент Украины Петр Порошенко издал Указ «О праздновании 25-й годовщины Студенческой революции на граните».

Эти примеры показывают, что еда в руках студентов — не просто предмет потребления, а язык, на котором они говорят о социальной справедливости, экономических проблемах и выдвигают политические требования.

Организация студенческого питания — портрет эпохи

Естественно, организация питания в разные времена была разной. В ранние периоды университетской истории она была заботой самих студентов и часто за нее отвечали многочисленные землячества. Позже к этой деятельности подключилось государство. В России подобная практика — «пензионерская система» — появилась в XVIII веке. Первые студенческие столовые в Санкт-Петербурге, например, при Кадетском корпусе или Медико-хирургической академии, были неотъемлемой частью учебного заведения, наравне с библиотекой и конференц-залом. Однако качество питания часто оставляло желать лучшего. Об этом прямо рассказывали в своих воспоминаниях воспитанницы Смольного института, когда писали о «малопитательной» пище и «крошечных порциях». О том, как это дело было устроено в первые десятилетия существования Московского университета, можно судить по воспоминаниям одного из первых московских студентов, юриста, профессора и декана нравственного факультета Харьковского университета И. Ф. Тимковского (1773–1853), который сообщает множество любопытных деталей. Он писал, что под помещение столовой поначалу приспособили здание аустерии, примыкавшей к первому университетскому дому на Красной площади. Также с его слов можно заключить, что «столовые деньги» выплачивались каждому студенту наличными, и учащиеся, как правило, вскладчину закупали посуду, припасы и нанимали кухарку. На это уходило 3–4 рубля в месяц — деньги по тем временам довольно большие [8].

Первая студенческая столовая Императорского университета в Санкт-Петербурге на Биржевой линии, дом 6 может служить образцом нового направления организации питания учащихся, когда к нему подключились благотворители. Развитие этого вектора благотворительности будет способствовать появ-

лению в 1950-х годах концепции общественного блага (англ. *public good*), предполагающей, что благо потребляется всеми гражданами коллективно и не зависит от того, платят они за него или нет. В сфере услуг, особенно в благотворительных студенческих столовых, проявление этой концепции было исключительно наглядным [9, с. 46–54]. Здание построено по проекту архитектора Ивана Николаевича Коковцева в 1902 году на земле, пожертвованной княгиней Юсуповой. Столовая названа именем профессора истории русской литературы Санкт-Петербургского университета Ореста Федоровича Миллера (1833–1889). В конце XIX в. он основал «Общество вспомоществования недостаточным студентам Санкт-Петербургского университета» и стал инициатором учреждения студенческой столовой. Столовая действует и сейчас, студенты называют ее «восьмеркой», пирожки вкусные, а на входе можно посмотреть старые фотографии из истории столовой. На втором этаже располагались залы для проведения мероприятий и вручения дипломов. В молодой Советской России концепция университетских столовых вписывалась в представления о фабриках-кухнях, отличающихся индустриальным подхо-

Новая столовая студентов С.-Петербургского Императорского университета. Обеденный зал и буфет. По фот. Полонского авт. «Нивы»

дом к организации общественного питания. В 1920-х — середине 1930-х гг. такой подход отвечал смыслам новой ритмике жизни, нового пространства повседневности, которые оказывали влияние на формирование советского «красного» студента [10, с. 37–44]. О том, насколько важным для студентов была организация студенческого питания, можно судить по периодическим изданиям Ленинградского, Казанского, Саратовского, Свердловского, Московского и других университетов. В них освещались такие проблемы, как несоблюдение элементарных норм гигиены, очереди, низкое качество еды, пыль, грязь и проч. Также вопросы улучшения студенческого питания зависели от тяжелейшего материального положения учащихся, многим из которых не хватало денег на удовлетворение минимальных жизненных потребностей. Власти пытались направить недовольство студентов на руководство и сотрудников столовой, представителей органов, ответственных за организацию питания, и даже профессуру, что, по сути, вписывалось в логику активной пролетаризации высшей школы. Вследствие таких усилий студенческая молодежь теряла самостоятельный статус и ту роль в обществе, какая была в дореволюционный период. Несмотря на внешнюю свободу, которую выражали просторные залы фабрик-кухонь, они вписывались в практику жесткой регламентации жизнедеятельности,

для которой необходимы были такие управленческие механизмы, которые, с одной стороны, обеспечивали пропаганду нового образа жизни, а, с другой стороны, поддерживали систему поощрений и привилегий, к которым и относился доступ к качественному питанию [11, с. 154–163].

Если студенческую пору справедливо называть самой яркой и насыщенной частью жизни молодого человека, то вряд ли это относилось к ее гастрономической части. Практически везде у студентов выбор места общественного питания был крайне ограничен. В СССР у них он состоял либо в питании в вузовской столовой, либо в покупке недорогих продуктов и самостоятельной готовке. Естественно, питание в столовой обходилось дороже. В 1970-е годы комплексный обед, состоящий из супа, пюре, мясной или овощной подливки и кусочка хлеба, стоил примерно 30–40 коп., а более дорогой выбор доходил до одного рубля. Обед дороже включал все то же, что и более дешевый, но сюда добавлялся компот, сладкая булочка и котлета со сметаной. Если не было желания есть в столовой, то выход находился в пельменных или вареничных. Еще студенты любили покупать мороженое и газировку из автоматов. Сцена со студентом Шуриком, стоящим около автомата с газировкой, запечатлена в новелле «Наваждение» из кинофильма Леонида Гайдая «Операция „Ы“».

Система студенческого питания достаточно быстро институционализировалась. В настоящее время в большинстве университетов мира функционируют столовые, кафе и буфеты, помогающие обеспечить студентов доступной и здоровой пищей. Однако эта система часто сталкивается с проблемами: однообразное меню, низкое качество продуктов, высокие цены.

Гицевич Вера. «Развернем массовое строительство столовых», 1932 г.

Сцена из кинофильма «Операция „Ы“»

Альтернативные формы организации студенческого питания

Система организации студенческого питания ярко демонстрирует все изменения, происходящие не только в самом студенческом движении, но и в экономике. Они отразили процесс создания новых форм экономической деятельности или поддержания уже имеющихся, например, кооперативов [12, с. 24–37; 13, с. 88–97]. В студенческие пищевые кооперативы студенты объединяются для совместных закупок или даже производства продуктов. Также известны сыроварни, создаваемые в аграрных вузах, например, «Школа сыровара» в Башкирском государственном аграрном университете (БГАУ), в Технологическом институте РГАУ-МСХА имени К. А. Тимирязева, Красноярском государственном аграрном университете и др. Еще одна форма — клубы здорового питания и кулинарные мастер-классы. Они стали площадкой не только для обучения, но и для общения обучающихся. В крупных университетах мира образуются центры студенческого питания как органы студенческого самоуправления, управляющие точками питания в кампусе.

Такие форматы способствовали изменению сути студенческого самоуправления, которое, начиная с самого своего происхождения в основном отражало потребность в организации жизни студентов, обеспечения им комфортного быта. Новые экономические возможности в сфере организации питания позволяют перейти от роли пассивного организатора потребителей услуг к активному управленческому процессу. Эти возможности подтверждают успехи комиссий студенческого контроля за питанием, которые создаются профсоюзными организациями. В задачи комиссий входят: регулярные, устраиваемые примерно раз в неделю, проверки столовых и буфетов на соответствие санитарным нормам и качеству блюд; опросы учащихся и организация потребительских конференций для выявления мнения и проблем; разработка меню, включая льготное и диетическое питание; взаимодействие с администрацией вуза для решения системных вопросов и улучшения услуг питания. Именно такие задачи ставит перед собой студенческая комиссия в казахстанском Арка-

лыкском педагогическом институте имени И. Алтынсарина, следящая за качеством услуг студенческой столовой. Благодаря подобным структурам обучающиеся могут более активно влиять не только на процесс организации питания, но получать некоторую управленческую практику в одной из важнейших сфер сервиса, что серьезно расширяет диапазон их профессиональных компетенций.

Сейчас формируется социально-экономическая система, связанная с совместным потреблением и участием, получившая наименование шеринг-экономики (англ. *sharing economy*). Известно множество примеров участия студентов в ее направлениях, в частности, в фудшеринге. Наиболее ценным здесь выступает фактор коллаборации, который раздвигает представления о традиционных формах университетского корпоративизма. Студенты выступают не только как волонтеры, но и как организаторы собственных проектов и исследователи этой сферы. Вот несколько ярких примеров, разделенных по направлениям деятельности.

В России активно развивается системное обучение студентов для работы в сфере фудшеринга. В Великом Новгороде развернута программа «Специалист фудшеринга 2.0» «Фудшеринг Университета» (Банк еды «Русь») [14]. Этот образовательный курс прошли более 4 тыс. чел. из 63 регионов. В рамках программы студенты не только слушают лекции, но и разрабатывают курсовые проекты по развитию фудшеринга в своих регионах, а после защиты становятся менторами для новых волонтеров.

Многие студенты с энтузиазмом участвуют в волонтерских акциях или запускают собственные инициативы. В частности, в Свердловской области реализуется проект «Студенты за добрые дела», поддержанный Фондом президентских грантов. В его рамках создается волонтерская сеть, состоящая из трехсот студентов, которые сначала проходят обучение на лекциях и семинарах, после чего участвуют в благотворительных акциях. Они собирают продукты в магазинах и помогают формировать и раздавать продуктовые наборы нуж-

дающимся. В Павлово-Посадском техникуме развернута инициатива студентов «Движения Первых» по организации мероприятия «Фудшеринг волонтерство», связанной с созданием в техникуме студенческой группы для занятий фудшерингом на постоянной основе. В Финляндии есть пример Университета Аалто *Aalto Foodsharing*. Весной 2024 года три студента основали сообщество по спасению еды, за короткое время наладили сотрудничество с кафе и магазинами, установили в кампусе два «общественных холодильника». Им удалось спасти тысячи килограммов продуктов от утилизации. Этот проект стал важной частью университетской жизни по борьбе с пищевыми отходами и поддержке обучающихся.

Фудшеринг становится предметом не только практической, но и научной деятельности студентов. Так студентка Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» Вероника Ниценко посвятила свою выпускную квалификационную работу изучению мотивации молодежи к участию в фудшеринге. На примере Банка еды «Русь» она провела опрос двух сотен молодых волонтеров и разработала контент-стратегию для привлечения новых добровольцев. Это подтверждает подлинный аналитический интерес студентов к этой теме. Участие студентов

в фудшеринге многогранно: от разовой волонтерской помощи до управления собственными проектами и научного осмысления этого социального явления.

Новым понятием является фриганство (англ. *freeganism* от *free* — свободный, бесплатный и *vegan* — веганизм). Мотивы вовлечения в него могут быть разными: во-первых, экономия и выживание, когда многие студенты переходят к фриганству из-за нехватки средств; во-вторых, идеологические и экологические, объясняющиеся антикапиталистическими убеждениями, протестом против общества потребления или заботой об экологии; в-третьих, корпоративистскими устремлениями, поскольку вместо отдельных точек питания учащиеся создают неформальные сообщества.

Известны следующие основные способы совместного фриганства: создание стихийных компаний и «коммун»; поиск в «прибыльных» местах, например, мусорных контейнерах около супермаркетов, в частности, сети «Магнит», ресторанов и овощных складов; образование сообществ по интересам (например, сообщество фриганов в Санкт-Петербурге, насчитывающее около тысячи человек, основу которого составляют студенты и выпускники вузов); налаженная передача участникам движения информации о «хлебных» местах.

Высшее образование: пищевой профиль

История высшего пищевого образования насчитывает около полутора веков и развивается от первых отраслевых училищ до современных мощных научно-образовательных центров. Изначально подготовка кадров велась в рамках общих технических, политехнических или сельскохозяйственных институтов. Но специализированные учебные заведения, полностью посвященные пищевой индустрии, появились на рубеже XIX–XX веков. Одним из первых таких высших учебных заведений в Европе считается Пражский университет пищевых технологий, основанный в 1952 году. Хотя его предшественники существовали и раньше, в частности, многие ведущие мировые программы по пищевой науке исторически развивались в составе крупных университетов, например, в американском *Cornell University*.

Сегодня лучшие мировые университеты в этой области задают тон в исследованиях и инновациях, в то время как российские вузы, сохраняя сильные традиционные школы, адаптируют программы к современным вызовам пищевой индустрии, биотехнологии и устойчивого развития. Выбор учебного заведения зависит от конкретных интересов: фундаментальная наука, прикладные технологии, управление или организация питания. Престиж и популярность этого направления обучения определяются авторитетными международными рейтингами (*QS*, *ShanghaiRanking*, *U. S. News*).

Лидерами в области пищевых технологий, аграрных и экологических наук традиционно являются вузы, сочетающие мощную исследовательскую базу, широкий спектр программ

и тесные связи с индустрией. К таким относится *Wageningen University & Research* (Нидерланды), обладающий сильной междисциплинарной исследовательской базой. Один из лучших в мире в области пищевой науки, виноградарства и энологии, сельского хозяйства — это *University of California, Davis* (США). Уже упоминаемый *Cornell*, имеющий признанный в мире колледж сельского хозяйства и жизненных наук предлагает ведущие программы по пищевой науке, пищевой химии и технологии. В Канаде лидером по пищевой науке и технологиям, известным сильными прикладными исследованиями, является Гуэлфский университет (англ. *University of Guelph*). Ведущий китайский вуз в области пищевой науки и технологии, легкой промышленности — *Jiangnan University*. *University of Reading* из Великобритании отмечен программами в области пищевой науки, питания и сельского хозяйства.

В Российской империи и СССР системная подготовка инженеров пищевого профиля началась с отраслевых технических училищ. В 1884 году при Смелянском рафинадном заводе были открыты технические классы для подготовки техников-химиков сахарного производства, которые стали первым в истории России специализированным техническим учебным заведением пищевого профиля, а позже — основой Национального университета пищевых технологий (НУПТ). В Одессе в 1902 году официально начала работать Школа мукомолов, созданная для подготовки инженеров для быстрорастущей мукомольной промышленности, которая стала предшественницей Одесской национальной академии пищевых технологий. В 1920–1930-е годы в Москве, Ленинграде, Краснодаре, Вороне-

же и других городах СССР началось планомерное создание сети отраслевых пищевых вузов (мясной, рыбной, молочной, хлебопекарной промышленности).

В России подготовка специалистов для пищевой и перерабатывающей промышленности сосредоточена как в узкопрофильных технологических университетах, так и в крупных федеральных или аграрных вузах. Московский государственный университет пищевых производств (МГУПП) — ведущий профильный вуз страны, готовящий технологов, инженеров и управленцев для всех отраслей пищевой промышленности. Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (МГУТУ) также является крупным учебно-научным комплексом, готовящим специалистов для пищевой и легкой промышленности, сферы сервиса. В Российской государственном аграрном университете — МСХА имени К. А. Тимирязева — на технологическом факультете реализуются программы по технологиям пищевых производств, сочетающие аграрную и технологическую подготовку. Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики (СПбГУСЭ) можно назвать ведущим вузом в регионе по подготовке технологов и организаторов общественного питания и ресторанного дела. В составе Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ) ведутся программы по пищевой инженерии и биотехнологиям. Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ) предлагает уникальные для России программы, такие как «пищевые биотехнологии». Все это позволяет говорить о наличии в России разветвленной системы подготовки специалистов для пищевой сферы.

Студенческие ресторанные стартапы

Отдельным направлением экономической активности студентов — будущих пищевиков стало открытие собственных ресторанов. Одно из таких заведений открылось в конце 2025 г. в московском Дворце пионеров на Воробьевых горах. Ресторан «Встреча друзей» на 90 посадочных мест стал первым подобного рода заведением. Его концепция ориенти-

рована не на выручку, а на апробацию полученных студентами пищевых колледжей Москвы навыков. Поэтому такой ресторан превратился в новую учебно-производственную площадку. Некоторое профессиональное оборудование было взято из «Московского образовательного комплекса ЗАПАД». В заведение можно устроиться уже со второго курса, чтобы

получить не только зачет за практику, но и первую зарплату [15].

Если московский ресторан стал первым российским опытом подобной активности, то в международном плане интересны наработки Международного университета гостеприимства SWISSAM, в котором каждому студенту третьего курса предоставлялась возможность открытия собственного ресторана.

В программу обучения в рамках курса *F&B Facilities Management* («Управление помещениями и оборудованием в общественном питании») включено открытие *pop-up* (англ. *pop-up* — всплывать) заведения, то есть формата, функционирующего либо один, либо несколько дней. Начинается обучение с того, что обучающиеся самостоятельно разрабатывают свою концепцию будущего ресторана, а завершается проект с воплощения этой идеи в реальность, что становится итоговым экзаменом. Между этими позициями студенты изу-

Логотип Международного университета гостеприимства SWISSAM

чают конкурентов, предлагают маркетинговую стратегию, распределяют роли, создают меню, оформляют интерьер, учатся готовить и обслуживать гостей, включающих преподавателей, других учащихся и близких друзей. Как правило, такие заведения открываются непосредственно на территории кампуса университета. Особый момент состоит в открытии и презентации *pop-up* ресторана. Наличие практического опыта дает студентам основания закрепить теоретические знания, усовершенствовать практические навыки, что позволит им запустить собственный бизнес в будущем [16].

Заключение

История показывает, что борьба за право на достойную еду часто была первым шагом к более широкой гражданской и политической самоорганизации студентов. Кухня и столовая превращались не просто в место утоления голода, а в важнейшую лабораторию студенческой солидарности, в которой формируется коллективная университетская идентичность и способность к совместным действиям. Участие самих студентов в организации собственного питания в большей степени служило показателем состояния сферы услуг, чем выступало непосредственно характеристикой вузовской жизни. Когда-то коллективные трапезы учащихся средневековых колледжей были значимой частью формирования их корпоративной идентичности. А позже в сложные времена и в разных странах забота органов самоуправления об обеспечении студентов, особенно малоимущих и иногородних регулярным питанием, спланировала эту общность. Но со временем ситуация менялась. Обучающиеся начинали

более ценить трапезу как проявление неформального общения, гастрономическую скрепу студенческого корпоративизма.

Несмотря на то, что и сейчас как сама еда, так и пищевая символика сохраняют свой потенциал инструмента политического протеста, как в случае голодовок-протестов, эта ее функция отходит на второй план. Ценнее для современных студентов оказываются возможности, предоставляемые этим сегментом сервиса, развить собственные навыки управления. Преимущество такой формы работы студенческих организаций проявляется в том, что результаты принятой ими ответственности за качество и организацию питания видны мгновенно. С одной стороны, это полностью отвечает скоротечности студенческой жизни. С другой стороны, внимание исследователей к «гастрономической» стороне студенческого движения позволяет лучше понять более широкий набор механизмов его консолидации и эволюции на протяжении веков.

Список источников

1. Антонова Н. Л., Пименова О. И. Гастрономические практики как предмет социологического анализа: направления исследований // *Дискуссия*. 2016. № 2 (65). С. 72–76. EDN: VPILER.
2. Вознесенский И. С. Темпоральная компонента организационной культуры // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2020. № 1(139). С. 20–28. EDN: DSMMLLO.
3. Вознесенский И. С., Терновая Л. О. Университетские темпомиры: особенности социального времени студента // *Миссия конфессий*. 2024. Том 13, Часть 4, № 77. С. 48–54.
4. Терновая Л. О. Гастрономическая геополитика : монография. Москва : ИНФРА-М, 2023. 243 с.
5. Петри Э. К. Русские студенческие застольные песни: к проблеме контакта культур // *Актуальные проблемы высшего музыкального образования*. 2020. № 3(57). С. 18–32. EDN: NITLET.
6. Bethell J. T., Hunt R.M. & Shenton R. *Harvard from A to Z*. Harvard University Press : Cambridge, MA : Harvard University Press, 2004. vii, 396 p.
7. Терновая Л. О. Студенчество в «цветных революциях» // *Капитал революций : монография*. Москва : КноРус, 2018. С. 492–499.
8. Тимковский И. Ф. Записки Ильи Федоровича Тимковского. Мое определение в службу : Сказание в 3 частях // *Русский архив*, издаваемый Петром Бартевым. Тетрадь пятая. Санкт-Петербург, 1874. 160 с.
9. Жидков А. С. Концепция общественного блага и развитие сферы услуг // *Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте*. 2017. № 4 (23). С. 46–54. EDN: NQUONX.
10. Вознесенский И. С. Лига «Время»: из прошлого в будущее // *Этносоциум и межнациональная культура*. 2017. № 2 (104). С. 37–44. EDN: YUODLN.
11. Сидорчук И. В. Чахлый «росток коммунизма»: университетская столовая 1920-х – середины 1930-х годов как место формирования советского студента // *Вестник Пермского университета. Серия: История*. 2025. № 1(68). С. 154–163. DOI: 10/17072/2219-3111-2025-1-154-163.
12. Терновая Л. О. Культура потребления в ракурсе истории потребительской кооперации // *Культура Мира*. 2021. Том 9, Вып. 4. С. 24–37.
13. Терновая Л. О. Студенчество и кооперация в СССР и странах Восточной Европы // *Кооперация и молодежь : сборник научных трудов*. Москва : Институт молодежи, 1990. С. 88–97.
14. Кейс: волонтеры в фудшеринге // *Агентство социальной информации : сайт*. URL: <https://asi.org.ru/2024/03/29/keys-volontery-v-fudsheringe>. Дата публикации: 29.03.2024.
15. Зеленькова А. На Воробьевых горах открылся первый ресторан столичных колледжей: Что предлагают гостям молодые повара? // *RGRU : сайт*. URL: https://rg.ru/2025/12/15/reg-cfo/pervye-bliuda.html?ysclid=mtibg41857277944295&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F. Дата публикации: 15.12.2025.
16. Что такое поп-ап рестораны и как студенты открывают их на третьем курсе // *РБК Компании : сайт*. URL: <https://companies.rbc.ru/news/hVy94mQf8o/chto-takoe-pop-up-restoranyi-i-kak-studentyi-otkryivayut-ih-na-tretem-kurse>. Дата публикации: 29.12.2025.

References

1. Antonova N. L., Pimenova O. I. Gastronomic practices as a subject of sociological analysis: research directions. *Diskussiia = Discussion*. 2016.;(2(65)):72–76. (In Russ.). EDN: VPILER.
2. Voznesensky I. S. Temporal component of organizational culture. *E`tnosocium i mezhnacional`naya kul`tura = Ethnosociety and interethnic culture*. 2020;(1(139)):20–28. (In Russ.). EDN: DSMMLLO.
3. Voznesensky I. S., Ternovaya L. O. University tempoworlds: features of student social time. *Missiya konfessij = Mission of confessions*. 2024;13-4(77):48–54. (In Russ.).
4. Ternovaya L. O. Gastronomic geopolitics: monograph. Moscow: INFRA-M; 2023. 243 p. (In Russ.).
5. Petri, E. K. Russian Student Drinking Songs: On the Problem of Cultural Contact. *Aktual`ny`e problemy` vy`sshego muzy`kal`nogo obrazovaniya = Actual Problems of Higher Music Education*. 2020;(3(57)):18–32. (In Russ.). EDN: NITLET.
6. Bethell, J. T., Hunt, R. M., & Shenton, R. *Harvard from A to Z*. Harvard University Press: Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. vii, 396 p.
7. Ternovaya, L. O. Students in “Color Revolutions”. *Capital of Revolutions: monograph*. Moscow: KnoRus; 2018. P. 492–499. (In Russ.).
8. Timkovsky, I. F. Notes of Ilya Fedorovich Timkovsky. My Determination to the service: a tale in three parts. *Russkij arxiv, izdavaemy`j Petrom Bartenevy`m. Tetrad` pyataya = Russian Archive, published by Pyotr Bartenev. Notebook Five*. St. Petersburg; 1874. 160 p. (In Russ.).

9. Zhidkov A. S. The Concept of Public Good and the Development of the Service Sphere. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte* = *Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte*. 2017;(4(23)):46–54. (In Russ.). EDN: NQUONX.

10. Voznesensky I. S. The "Time" League: From the Past to the Future. *E`tnosocium i mezhnacional`naya kul`tura* = *Ethnosociety and Interethnic Culture*. 2017;(2(104)):37–44. (In Russ.). EDN: YUODLH.

11. Sidorchuk I. V. The withered "sprout of communism": the university canteen of the 1920^s – mid-1930^s as a place for the formation of the Soviet student. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriya* = *Perm University Herald. Series: History*. 2025;(1(68)):154–163. (In Russ.). DOI: 10/17072/2219-3111-2025-1-154-163.

12. Ternovaya L. O. Consumer culture in the perspective of the history of consumer cooperation. *Kul`tura Mira* = *Culture of the World*. 2021;9(4):24–37. (In Russ.).

13. Ternovaya L. O. Students and cooperation in the USSR and Eastern European countries. *Kooperaciya i molodezh` : sbornik nauchny`x trudov* = *Cooperation and youth: a collection of scientific papers*. Moscow: Institute of Youth; 1990. P. 88–97. (In Russ.).

14. Case Study: Volunteers in Foodsharing. Social Information Agency: website. (In Russ.). Available from: <https://asi.org.ru/2024/03/29/kejs-volontery-v-fudsheringe>. Publication date: March 29, 2024.

15. Zelenkova A. The First Restaurant of Moscow Colleges Opens on Sparrow Hills: What Do Young Chefs Offer Guests? RGRU: website. (In Russ.). Available from: https://rg.ru/2025/12/15/reg-cfo/pervye-bliuda.html?ysclid=mtibg41857277944295&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F. Publication date: December 15, 2025.

16. What are pop-up restaurants and how do students open them in their third year? RBC Companies: website. (In Russ.). Available from: <https://companies.rbc.ru/news/hVy94mQf8o/chto-takoe-pop-up-restoranyi-i-kak-studentyi-otkryivayut-ih-na-tretem-kurse>. Publication date: December 29, 2025.

Информация об авторах

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, кандидат исторических наук, профессор, директор;

Л. О. Терновая — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about the authors

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Candidate of Science (Historical), Professor, Director;

L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 21.04.2026; одобрена после рецензирования 20.05.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 21.04.2025; approved after reviewing 20.05.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 42–49
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):42–49

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ

Научная статья
УДК 342.9(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-42-49

ЛИЧНАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ И ПРЯМАЯ ВЫГОДА В КОНФЛИКТЕ ИНТЕРЕСОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ: ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ В СВЕТЕ НОВЕЙШЕЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Наиля Альфритовна Гареева^{1✉}, Амир Айдарович Гареев²

¹Нижнекамский филиал Казанского инновационного университета имени В. Г. Тимирязова, Нижнекамск, Россия, gareevana5@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0764-627X>

²Московский гуманитарно-экономический университет, Москва, Россия, amir.gareev.1999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6518-0833>✉

Аннотация. Исследование посвящено теоретическим и правоприменительным проблемам разграничения понятий «личная заинтересованность» и «прямая выгода» как ключевых элементов конфликта интересов на государственной и муниципальной службе. На основе анализа определений Конституционного Суда Российской Федерации, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации, а также судебной практики сделан вывод о формировании позиции, в соответствии с которой для признания конфликта интересов достаточно наличия личной заинтересованности и участия в принятии соответствующего решения, независимо от факта получения прямой выгоды. Рассматриваются основные типовые ситуации конфликта интересов, анализируются подходы судов разных инстанций к оценке личной заинтересованности и разграничению деяния с уголовно-правовыми составами. Проводится сравнительный анализ зарубежных моделей регулирования конфликта интересов. Формулируются практические рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: конфликт интересов, личная заинтересованность, прямая выгода, государственная служба, утрата доверия, Верховный Суд Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации, противодействие коррупции

Для цитирования: Гареева Н. А., Гареев А. А. Личная заинтересованность и прямая выгода в конфликте интересов на государственной службе: проблемы разграничения в свете новейшей судебной практики // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 42–49. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-42-49>.

Research article

PERSONAL INTEREST AND DIRECT BENEFIT IN CONFLICTS OF INTEREST IN PUBLIC SERVICE: PROBLEMS OF DIFFERENTIATION IN THE LIGHT OF THE LATEST JUDICIAL PRACTICE

Nailya A. Gareeva^{1✉}, Amir A. Gareev²

¹Nizhnekamsk branch of Kazan Innovative University named after V. G. Timiryasov, Nizhnekamsk, Russia, gareevana5@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-0764-627X>

²Moscow University of Humanities and Economics, Moscow, Russia, amir.gareev.1999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6518-0833>

Abstract. This study examines the theoretical and law enforcement issues surrounding the distinction between the concepts of "personal interest" and "direct benefit" as key elements of conflicts of interest in public and municipal service. Based on an analysis of the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, the resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation, and judicial practice, a position has emerged that personal interest and participation in the relevant decision are sufficient to recognize a conflict of interest, regardless of whether a direct benefit was received. The study examines the main typical conflict of interest situations, analyzing the approaches of courts at various levels to assessing personal interest and distinguishing between acts and criminal offenses. A comparative analysis of international models for regulating conflicts of interest is provided. Practical recommendations for improving law enforcement practices are formulated.

Keywords: conflict of interest, personal interest, direct benefit, public service, loss of trust, Supreme Court of the Russian Federation, Constitutional Court of the Russian Federation, anti-corruption

For citation: Gareeva N. A., Gareev A. A. Personal interest and direct benefit in conflicts of interest in public service: problems of differentiation in the light of the latest judicial practice. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)): 42–49. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-42-49>.

Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе — это дискуссионная проблема современного российского законодательства. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определяет конфликт интересов как ситуацию, когда личная заинтересованность чиновника влияет или может повлиять на выполнение им своих обязанностей в рамках государственной службы [1]. Личная заинтересованность — это возможность получения материальной выгоды в виде денег, иного имущества, а также имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ и так далее.

Несмотря на наличие определения термина в доктрине и в законе, на практике возникает вопрос: необходимо ли для подтверждения конфликта интересов подтвердить факт реального получения должностным лицом прямой

выгоды или можно ограничиться установлением возможности ее получения? Данная проблема приобрела актуальность в связи с формированием новых правовых позиций в судебной практике, а также из-за увеличения числа судебных споров об увольнении должностных лиц из-за утраты доверия. Например, в 2025 году «по инициативе прокуроров в связи с утратой доверия уволено свыше 700 государственных служащих» [2]. Как видим, появляется тренд на ужесточение публично-правовой ответственности должностных лиц за коррупционные правонарушения.

Система публично-правовой ответственности государственных служащих за коррупционные правонарушения базируется и на сравнении, и на разграничении конфликта интересов и личной заинтересованности [3]. В доктрине административного права подчеркивается, что понятия «интерес» и «личная заинте-

ресованность» — это обобщающие категории, без использования которых нельзя всесторонне анализировать правовую природу конфликта интересов [4]. Эти термины образуют теоретическую основу антикоррупционных инструментов и определяют границу допустимого поведения для государственных служащих. Ряд авторов отмечают, что коррупционное поведение следует рассматривать как проявление сотрудником государственных и муниципальных органов личной заинтересованности, которая приводит к конфликту интересов [5].

Определение конфликта интересов и личной заинтересованности имеется в ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции», согласно которому «под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, влияет или может повлиять на надлежащее исполнение им должностных обязанностей» [1].

Личная заинтересованность может быть прямой и косвенной, а сам конфликт интересов возникает уже из-за одной только «возможности» повлиять на решение. Например, А. С. Телегин, анализируя юридическую природу конфликта интересов, указывает, что по своему содержанию он носит комплексный характер [6]. Суды при определении законности, например, увольнения должностного лица должны учитывать все факторы, доказательства.

Ключевая доктринальная проблема, связанная с категорией личной заинтересованности, состоит в ее субъективном понимании. Законодатель не устанавливает количественных или формализованных критериев для определения того, насколько вероятна возможность получения выгоды. В правовой доктрине есть позиция, согласно которой наиболее сложными для правоприменения остаются вопросы, «связанные с неопределенностью категорий нематериальных выгод, определением круга «значимых» лиц, а также со сложностями в определении потенциального, а не реального конфликта интересов» [7].

М. А. Колмыкова и Ю. А. Завершинская указывают, что ведущую роль в возникновении конфликта интересов играет личная заинтересованность [8]. Этот правовой институт особенный в той части, которая требует подтверж-

дения факта нахождения служащего в положении, где его частные интересы вступают в конфликт с публичными. Прямая выгода, напротив, является юридическим фактом, требующим доказывания реального получения прибыли и иных выгод.

Категория личной заинтересованности выполняет в антикоррупционном механизме несколько ключевых функций. Превентивная функция включает в себя установление личной заинтересованности. Ее установление — это потенциальная возможность получения денежных средств, материальных ресурсов и создание обязанности должностного лица по принятию мер по предотвращению и урегулированию конфликта интересов. И. А. Трофимова указывает, что российское законодательство не должно ограничиваться только способами урегулирования конфликта интересов. Оно также должно включать и инструменты их применения или прямо закреплять право работодателя (в ряде случаев им является государство) определять порядок их применения [9]. В случае со специальной функцией личная заинтересованность служит показателем коррупционных рисков, позволяя своевременно выявлять ситуации, в которых объективность и беспристрастность чиновника могут быть поставлены под сомнение.

В судебной практике видна тенденция, согласно которой ключевым предметом доказывания является сам факт бездействия должностного лица: непринятие мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов. Личная заинтересованность как правовая категория приобретает ключевое значение для всего механизма публично-правовой ответственности должностных лиц за коррупционные правонарушения, а правильное понимание ее правовой природы и соотношения со смежными понятиями является необходимым условием последовательной правоприменительной практики.

Антикоррупционное законодательство Российской Федерации не содержит самостоятельного легального определения понятия «прямая выгода». В правовой доктрине и судебной практике под «прямой выгодой» следует понимать фактический результат реализации личной заинтересованности. То есть это реаль-

ное получение чиновником (или его доверенными лицами) денежных средств, имущества, имущественных прав, услуг имущественного характера и так далее [10]. В отличие от «личной заинтересованности», которая, как ранее отмечалось, фиксируется на стадии «возможности», прямая выгода представляет собой юридический факт, требующий доказывания реального обогащения. По моменту возникновения личная заинтересованность возникает с момента создания ситуации, в которой у служащего появляется возможность повлиять на исполнение обязанностей для получения выгоды, тогда как прямая выгода возникает только после реализации такой возможности и фактического получения служащим соответствующего обогащения [11]. По правовым последствиям установление личной заинтересованности влечет обязанность служащего принять меры по предотвращению конфликта интересов. Невыполнение им этой обязанности является самостоятельным правонарушением, влекущим увольнение в связи с утратой доверия, тогда как доказывание прямой выгоды необходимо для привлечения к уголовной ответственности.

В антикоррупционном законодательстве и правоприменительной практике есть дифференциация прямой и косвенной личной заинтересованности. Прямая заинтересованность — это возможность извлечь выгоду напрямую из выполнения чиновником своих должностных обязанностей. Косвенная заинтересованность — это возможность получить материальную выгоду, например, через оказание в рамках своих служебных обязанностей преимуществ физическому, юридическому лицу с последующим получением нелегальной выгоды. Эти понятия являются частью личной заинтересованности как возможности государственного служащего. При реализации косвенной заинтересованности доказать в суде факт получения прямой выгоды значительно сложнее.

В доктрине отмечается, что ведущую роль в возникновении конфликта интересов играет личная заинтересованность. Установление прямой выгоды не является необходимым для привлечения государственного служащего к дисциплинарной ответственности, напри-

мер, в виде увольнения. Восьмой кассационный суд общей юрисдикции признал увольнение государственного служащего законным из-за того, что он получал материальную выгоду от заключения контрактов с подконтрольными лицами [12]. Суд в такой ситуации отметил, что отсутствие реальной выгоды не говорит об отсутствии конфликта интересов.

Важным изменением в области судебной практики стало Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации (ВС РФ) от 29.10.2025 № 6-НАД25ПР [13]. В частности, депутаты не задекларировали конфликт интересов при присвоении звания «Почетный гражданин города Миасса». Правоприменительная проблема была в том, что звание присваивалось номинанту, у которого были знакомые аффилированные лица. Ранее суды, вероятно, приняли бы позицию депутатов, если бы не удалось доказать факт их личного обогащения от этого решения. Президиум ВС РФ, проанализировав надзорное представление прокуратуры, встал на принципиально иную позицию. Для конфликта интересов не нужно доказывать прямую выгоду. Для этого необходимо установить, что у должностного лица был личный интерес и он участвовал в принятии решения.

Вслед за этим Пленум ВС РФ внес изменения в свою ключевую антикоррупционную базу — постановление от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [14]. Он разграничил уголовную и дисциплинарную ответственность: отсутствие признаков уголовно наказуемого деяния отныне не мешает применить меры публично-правовой ответственности. Высшая инстанция фактически подчеркнула, что дисциплинарное увольнение за неурегулированный конфликт интересов — это отдельная, самостоятельная санкция, которая существует параллельно с уголовным законом.

Одновременно с этим Конституционный Суд Российской Федерации (КС РФ) в Постановлении от 26.12.2025 № 51-П по запросу ввел ряд важных для практики ограничений и уточнений. Он указал, что не любая личная заинтересованность депутата является конфликтом интересов. Для ее подтверждения нужна

полная и всесторонняя оценка всех обстоятельств. Досрочное прекращение полномочий должно применяться лишь при конфликте интересов (в ходе которого были понесены убытки, было существенное нарушение закона) или в совокупности с иными коррупционными деяниями. Получение выгоды неопределенной группой лиц не считается личной заинтересованностью, за исключением случая, когда должностное лицо или его близкие являются единственными выгодоприобретателями. КС РФ сформулировал важный тезис о том, что сам по себе факт коллегиальности принятия решений или отсутствие у депутата руководящей должности в представительном органе не может исключать наличие конфликта интересов [15].

Сравнивая правовые позиции Верховного и Конституционного судов Российской Федерации, можно выделить их взаимодополняющий характер. КС РФ определяет конституционно-правовые рамки конфликта интересов, устанавливая, что не всякая личная заинтересованность образует конфликт интересов, и требует оценки по всей совокупности обстоятельств. ВС РФ конкретизирует эти рамки применительно к правоприменительной практике, устанавливая, что для признания конфликта интересов достаточно установления личной заинтересованности и участия в принятии решений, независимо от наличия прямой выгоды. Для привлечения к публично-правовой ответственности в виде увольнения в связи с утратой доверия нужно сначала установить факт личной заинтересованности.

В международном праве, в практике иностранных государств можно выделить различные позиции в отношении регулирования конфликта интересов, которые можно систематизировать по правовым семьям. Система общего права, представленная, например, США и Великобританией, акцентирует внимание на детализированных этических кодексах и специализированных надзорных органах. В континентальной Европе акцент смещен в сторону формальных запретов и публично-правовых ограничений, закрепленных в нормативно-правовых актах. Отдельно стоит рассмотреть азиатскую модель Сингапура, которая формально является частью системы об-

щего права. Там выработан свой уникальный механизм, основанный на «нулевой терпимости» к коррупции, и используется институт презумпции вины. Этот подход доказал свою эффективность на практике.

Подход, сформированный в США, имеет развитую нормативно-правовую и организационную базу. Ключевую роль играет Управление государственной этики. Управление создает правила, проводит семинары для государственных служащих и проверяет, как те соблюдают законы [16]. Правовую базу составляют как федеральные законы, так и детализирующие их подзаконные акты (например, из Кодекса федеральных нормативных актов). Тем не менее, американское право предлагает гибкие механизмы: должностное лицо могут уволить, а могут применить доверительное управление, и оба варианта правомерны [17].

Во Франции еще в 2016 году был принят Закон № 2016-483 о правах и обязанностях государственных служащих, положения которого позднее кодифицированы в Общем кодексе публичной службы. Согласно закону, конфликт интересов — это «любая ситуация вмешательства между публичным интересом и частными интересами» [18]. Главным органом в этой сфере выступает Высший орган по обеспечению прозрачности публичной жизни. Он осуществляет контроль за декларациями об имущественном положении главных должностных лиц. В случае выявления конфликта интересов могут быть приняты обязательные к исполнению предписания, требования. Их неисполнение является уголовным преступлением.

Сингапурская модель считается одной из самых эффективных. При формальной принадлежности к англосаксонскому праву она создала собственные формализованные, уникальные правила. Закон о предупреждении коррупции устанавливает особую презумпцию. У публичного должностного лица есть деньги, иные материальные ресурсы, которые могут сильно превышать его официальную зарплату и иные законные источники дохода, например, преподавание в институте. Если лицо не может доказать законность происхождения своего дохода, то такие ресурсы считаются полученными преступным путем [19].

Сравнение зарубежных подходов показывает, что эффективная борьба с конфликтом интересов опирается на два взаимодополняющих принципа. В США применяется гибкий набор мер — от отстранения должностного лица до передачи активов в доверительное управление, что во многих случаях позволяет избежать уголовного или административного преследования. В Сингапуре действует жесткая модель: любое несоответствие между доходами и имуществом автоматически трактуется как коррупция.

В России институт конфликта интересов фактически сместился от доказательств к предположениям: достаточно не доказать выгоду, а лишь допустить ее возможность. Увольнение за утрату доверия возможно, если должностное лицо не попыталось урегулировать ситуацию при наличии такой возможности, но для уголовного наказания требуется реальное обогащение. Этот разрыв между дисциплинарной и уголовной ответственностью — главная проблема: грань между ними практически размыта.

Вторая проблема — расширительное толкование «личной заинтересованности». В нормативных актах нет четких количественных ориентиров, суды опираются на аналогии

и приходят к разным решениям в схожих ситуациях.

Третья сложность — доказывание: суды признают значимость факта бездействия, но на практике должностные лица доказывают отсутствие материальной выгоды. Поэтому требуется законодательное закрепление презумпции конфликта интересов при определенных условиях — например, при участии должностного лица в решениях в отношении аффилированных лиц.

Четвертая проблема, отмеченная КС РФ — недостаточная независимость комиссий по урегулированию конфликта интересов.

Для решения этих проблем предлагается: принять постановление Пленума ВС РФ о единообразном применении антикоррупционных норм с перечнем типовых ситуаций и критериями оценки; внедрить «период охлаждения» — запрет чиновникам работать в ранее подконтрольных организациях в течение нескольких лет после увольнения; ввести уголовную ответственность за неисполнение предписаний комиссий при наличии коррупционной подоплеки; сделать комиссии независимыми за счет привлечения экспертов из сферы науки и гражданского общества с правом обжалования решений в административном судопроизводстве.

Список источников

1. «О противодействии коррупции»: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ : Принят Государственной Думой 19 декабря 2008 года : Одобрен Советом Федерации 22 декабря 2008 года // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25122008-n-273-fz-o/> (дата обращения: 29.05.2026).
2. Интервью Александра Гуцана информационному агентству ТАСС // Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8303448/> (дата обращения: 01.06.2026).
3. Ильяков А. Д. Конфликт интересов на государственной службе : монография. Москва : Проспект, 2021. 128 с. ISBN 978-5-392-23868-2.
4. Винокуров В. А. Проблемы понимания личной заинтересованности в современном российском праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 4. С. 142–150.
5. Тарасюк, Е. В. Предупреждение коррупционных преступлений среди государственных служащих посредством повышения их правовой культуры. // Молодой ученый. 2025. № 37 (588). С. 131–133. EDN: BMXJIP.
6. Телегин А. С. Конфликт интересов в системе государственной службы Российской Федерации: юридическая природа // Ex jure. 2021. № 3. С. 84–94. DOI: 10.17072/2610-0648-2021-3-84-94.
7. Штыров В. А. Историко-правовое исследование возникновения и развития понятий «личная заинтересованность» и «конфликт интересов» в сфере государственного управления // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2025. № 2 (67). URL: <https://journals.igps.ru/ru/nauka/article/101234/view?ysclid=mtmj2mmscl608750832>.
8. Колмыкова М. А., Завершинская Ю. А. Проблема возникновения и урегулирования конфликта интересов на государственной службе // Форум молодых ученых. 2019. № 1-2 (29). С. 284–288.

9. Трофимова И. А. Причины и особенности урегулирования конфликта интересов в системе государственной службы // Закон и право. 2021. № 10. С. 194–198. DOI: 10/24412/2072-3313-2021-10-194-198.

10. Кудашкин А. В., Козлов Т. Л. Конфликт интересов на государственной и муниципальной службе: объект, предмет, субъекты // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 3. С. 156–163. EDN: MUFOJJ.

11. Романова В. В. Иная личная заинтересованность как мотив совершения преступления // Криминалист. 2016. № 1 (18). С. 26–30.

12. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 88-1571/2024 от 18 января 2024 г. // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=123866#djC3zLV22Nb5Y2ec> (дата обращения: 01.06.2026).

13. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.10.2025 № 6-НАД25ПР // Legalacts : законы, кодексы и нормативно-правовые акты : официальный сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-29102025-n-6-nad25pr/> (дата обращения: 02.06.2026).

14. «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 : редакция от 09.12.2025 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149239/ (дата обращения: 03.06.2026).

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2025 № 51-П // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522793/ (дата обращения: 03.06.2026).

16. Office of government ethics: a primer // EveryCRSReport.com : сайт. URL: <https://www.everycrsreport.com/reports/IF10634.html>. Дата публикации: 13.04.2017.

17. 5 CFR § 2634.401 – Overview // eCFR system : сайт. URL: <https://www.ecfr.gov/on/2023-04-16/title-5/chapter-XVI/subchapter-B/part-2634/subpart-D/section-2634.401>. Дата публикации : 16.04.2023.

18. LOI n° 2016-483 du 20 avril 2016 relative à la déontologie et aux droits et obligations des fonctionnaires // Légifrance : сайт. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000032435310 (дата обращения: 04.06.2026).

19. Prevention of Corruption Act 1960 (2020 REVISED EDITION) // Singapore Government : официальный сайт. RL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PCA1960> (дата обращения: 04.06.2026).

References

1. "On Combating Corruption": Federal Law dated December 25, 2008 No. 273-FL: Adopted by the State Duma on 19 December 2008: Approved by the Federation Council on 22 December 2008. Laws, Codes, and Regulatory Legal Acts of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25122008-n-273-fz-o/> (date of access: May 29, 2026).

2. Interview of Alexander Gutsan to the TASS news agency. Prosecutor General's Office of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/gprf/mass-media/news/main/e8303448/> (date of access: June 1, 2026).

3. Ilyakov A. D. Conflict of interest in the civil service: monograph. Moscow: Prospect; 2021. 128 p. (In Russ.). ISBN 978-5-392-23868-2.

4. Vinokurov V. A. Problems of Understanding Personal Interest in Modern Russian Law. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn` = Legal Policy and Legal Life*. 2024;(4):142–150. (In Russ.).

5. Tarasyuk, E. V. Prevention of corruption crimes among civil servants by improving their legal culture. *Molodoj ucheny`j = Young Scientist*. 2025;(37(588)):131–133. (In Russ.). EDN: BMXJIP.

6. Telegin A. S. Conflict of interest in the civil service system of the Russian Federation: legal culture. *Ex jure*. 2021;(3):84–94. (In Russ.). DOI: 10.17072/2610-0648-2021-3-84-94.

7. Shtyrov V. A. Historical and legal study of the emergence and development of the concepts of "personal interest" and "conflict of interest" in public administration. *Pravo. Bezopasnost`. Chrezvy`chajny`e situacii = Law. Security. Emergencies*. 2025;(2(67)). (In Russ.). Available from: <https://journals.igps.ru/ru/nauka/article/101234/view?ysclid=mtmj2mmscl608750832>.

8. Kolmykova M. A., Zavershinskaya Yu. A. The problem of the emergence and resolution of conflicts of interest in the civil service. *Forum molody`x ucheny`x = Forum of Young Scientists*. 2019;(1-2(29)):284–288. (In Russ.).

9. Trofimova I. A. Causes and features of resolving conflicts of interest in the civil service system. *Zakon i parvo = Law and Order*. 2021;(10):194–198. (In Russ.). DOI: 10/24412/2072-3313-2021-10-194-198.

10. Kudashkin A. V., Kozlov T. L. Conflict of interest in the state and municipal service: object, subject, subjects. *Aktual'nyye problemy ekonomiki i prava = Actual Problems of Economics and Law*. 2010;(3):156–163. (In Russ.). EDN: MUFOJJ.
11. Romanova V. V. Other personal interest as a motive for committing a crime. *Kriminalist*. 2016;(1(18)): 26–30. (In Russ.).
12. Ruling of the Eighth Cassation Court of general jurisdiction No. 88-1571/2024 dated January 18, 2024. ConsultantPlus: legal reference system. (In Russ.). Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ008&n=123866#djC3zLV22Nb5Y2ec> (date of access: June 1, 2026).
13. Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 29, 2025, No. 6-NAD25PR. Legalacts: laws, codes, and regulations: official website. (In Russ.). Available from: <https://legalacts.ru/sud/postanovlenie-prezidiuma-verkhovnogo-suda-rf-ot-29102025-n-6-nad25pr/> (date of access: June 2, 2026).
14. "On Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 9, 2013 No. 24: revised on December 9, 2025. ConsultantPlus: legal reference system. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149239/ (date of access: June 3, 2026).
15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated December 26, 2025, No. 51-P. ConsultantPlus: legal reference system. (In Russ.). Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522793/ (date of access: June 3, 2026).
16. Office of government ethics: a primer. EveryCRSReport.com: website. Available from: <https://www.everycrsreport.com/reports/IF10634.html>. Publication date: April 13, 2017.
17. 5 CFR § 2634.401 — Overview. eCFR system: website. Available from: <https://www.ecfr.gov/on/2023-04-16/title-5/chapter-XVI/subchapter-B/part-2634/subpart-D/section-2634.401>. Publication date: April 16, 2023.
18. LOI n° 2016-483 du 20 avril 2016 relative à la déontologie et aux droits et obligations des fonctionnaires. Légifrance. (In Fr.). Available from: https://www.legifrance.gouv.fr/loda/article_lc/LEGIARTI000032435310 (date of access: June 4, 2026).
19. Prevention of Corruption Act 1960 (2020 REVISED EDITION). Singapore Government: official website. Available from: <https://sso.agc.gov.sg/Act/PCA1960> (accessed: 04.06.2026).

Информация об авторах

Н. А. Гареева — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой финансовой аналитики и поведенческой экономики;
А. А. Гареев — аспирант.

Information about the authors

N. A. Gareeva — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Financial Analytics and Behavioral Economics;
A. A. Gareev — a postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 31.08.2026; одобрена после рецензирования 18.09.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 31.08.2026; approved after reviewing 18.09.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 50–58
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):50–58

Научная статья

УДК 342:323

doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-50-58

ПОНЯТИЕ «ДОСТОИНСТВО» КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ В ПРИЗМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Фарит Хатипович Галиев^{1✉}, Елена Олеговна Тулупова²

^{1,2}Институт права Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия

¹galievfarkhat@mail.ru✉

²lena118@yandex.ru

Аннотация. Независимо от того, что понятие «достоинство» используется широко как в нормативных документах и гуманитарной науке, так и в обыденной жизни людей, его содержательно-смысловая характеристика оставляет желать лучшего. В то же время понятие «достоинство» имеет непосредственное отношение к другому, не менее важному и сложному понятию «национальная идентичность», которое предполагает наличие в своем содержании тех же значений, что и понятие «достоинство». В связи с общественно-политическими и социально-экономическими явлениями, присущими современному российскому обществу, актуализируется вопрос об исследовании основных векторов, способствующих формированию соответствующего требованиям современных реалий общественного сознания, чувства гордости своим Отечеством, что является одним из фундаментальных составляющих национальной безопасности страны.

Ключевые слова: право, права человека, достоинство, гордость, патриотизм, общественное сознание, правосознание, национальная безопасность, национальная идентичность

Для цитирования: Галиев Ф. Х., Тулупова Е. О. Понятие «достоинство» как юридическая категория в призме представлений о национальной идентичности // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 50–58. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-50-58>.

Research article

THE CONCEPT OF "DIGNITY" AS A LEGAL CATEGORY THROUGH THE PRISM OF CONCEPTS OF NATIONAL IDENTITY

Farit Kh. Galiev^{1✉}, Elena O. Tulupova²

^{1,2}Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

¹galievfarkhat@mail.ru✉

²lena118@yandex.ru

Abstract. Although the concept of "dignity" is widely used in both regulatory documents and the humanities, as well as in everyday life, its substantive and semantic characteristics leave much to be desired. At the same time the concept of "dignity" is directly related to another, equally important and complex concept: "national identity," which presupposes the same meanings as the concept of "dignity." Given the socio-political and socio-economic phenomena inherent in modern Russian society, the issue of studying the key vectors that contribute to the formation of a public consciousness that meets the requirements of modern realities and a sense of pride in one's Fatherland, which is one of the fundamental components of the country's national security, has become relevant.

Keywords: law, human rights, dignity, pride, patriotism, public consciousness, legal awareness, national security, national identity

For citation: Galiev F. Kh., Tulupova E. O. The concept of "dignity" as a legal category through the prism of national identity. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)):50–58. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-50-58>.

В современных условиях, которые с каждым днем становятся все сложнее и сложнее, в связи с теми событиями, которые происходят в сегодняшнем мире, особо актуализируется восприятие людьми своей принадлежности определенному обществу и государству на основе осознания своего собственного достоинства как человека и гражданина, имеющего прямое отношение именно к данной стране, что связано со становлением чувства идентичности. Взаимная связь понятий «достоинство» и «национальная идентичность» основывается на том, что, с одной стороны, оба эти понятия предполагают наличие в сознании человека своей принадлежности к определенной группе людей, обществу или стране, с другой стороны, эти понятия отражают воспринимаемые общественным мнением его индивидуальные позитивные личностные качества как присущие представителю именно данного общества или государства. При этом понятие «достоинство» означает также значимость личности человека в его собственном представлении и в восприятии окружающими его людьми с учетом всех его характеристик, способностей и заслуг перед обществом, общая ценностная основа которых и способствует индивидуальной идентификации личности как субъекта права, являющегося полноправным представителем того или иного общества, страны или же государства, воспринимающего себя в качестве человека, позитивно оцениваемого и воспринимаемого общественным мнением.

Понятие «национальная идентичность» предполагает наличие у того или иного человека представления о собственной позиции в отношении его принадлежности к определенной группе людей, обществу, стране или государству. Это способствует его самоопределению как гражданина и позиционированию как представителя той или иной национальности, религии, этнической группы, что, безусловно, сопрягается с понятием «достоинство».

В свою очередь, достоинство является одним из тех понятий, которыми представители гуманитарных наук пользуются постоянно и в разнообразных ситуациях, однако, в каждом отдельном случае этому понятию придается разное значение, что можно объяснить его глубиной и многозначностью.

Как пишут авторы монографии «Философско-правовое познание: актуальные проблемы», на сегодняшний день ни в одном нормативном правовом акте нет устраивающего всех исследователей подходящего определения данного понятия или толкования его значения. Они отмечают, что в международных правовых актах о достоинстве человека упоминают в тех случаях, когда нужно отметить, во-первых, естественность основных прав человека и, во-вторых, их неотчуждаемость ни под каким предлогом, и основное внимание при этом уделяется вопросам независимости достоинства человека от его жизненных установок, финансового состояния, социального положения, национальности, состояния здоровья или других факторов [1, с. 301].

Общеизвестно, что отдельные моменты, которые присущи верованиям, поведению, национальной специфике традиций и обычаев тех или иных народов, отражаются в их устном народном творчестве. И в фольклоре живущих в нашей стране народов множества национальностей и вероисповедания личностная характеристика того или иного персонажа всегда является более значимой, чем его социальный статус.

В народной поговорке говорится о том, что можно бежать и убегать от всего, но все дело заключается в том, что еще никому не удавалось убежать от самого себя. С одной стороны, в тех или иных случаях, может быть, дело заключается в том, что убегать от самого себя человеку не позволяет то чувство, которое называется достоинством. С другой стороны, достоинство — это то, что и не заставляет челове-

ка убегать от самого себя, потому что наличие достоинства говорит об отсутствии необходимости убегать от себя. Понятие «достоинство» включает в себя и чувство гордости за себя и свои поступки. В то же время, достоинство — это когда тебе не стыдно за себя. У отечественного мыслителя Н. А. Добролюбова есть высказывание о том, что истинно нравственным можно назвать не того человека, воспринимающего веления долга как какую-то неприятную обязанность, как «нравственные вериги», а именно того, кто стремится совместить требования долга с потребностями своего внутреннего существа таким образом, «чтобы они не только сделались инстинктивно необходимыми, но и доставляли внутреннее наслаждение» [2].

Учитывая все это, можно говорить о том, что достоинство человека представляет собой целый комплекс чувств и эмоций, прежде всего, проявляемых в отношении его личностных качеств окружающими его людьми, и нельзя отрицать то, что достоинство — это когда человек чувствует себя комфортно. Подобрав однокоренные слова с общим семантическим полем, такие, как достойание, достаток, достоверность, увидим, что их смысловое содержание говорит о том, что достоинство представляет собой набор наиболее ценностных качеств того или иного человека, очевидных и достаточных и для признания его личностных качеств окружающими людьми, и для формирования его собственного самосознания, самовосприятия и самоуважения, для становления в нем соответствующего представления о себе.

Естественно, умаление хотя бы нескольких составляющих этого набора воспринимается как посягательство или покушение на все его позитивные качества, а также на заслуги и авторитет, что не поощряется ни общественным мнением, ни действующим законодательством. При всем этом понятие «достоинство» встречается в немалом количестве нормативно-правовых актов, однако трудно найти его однозначную трактовку и объяснение, что предполагает необходимость обращения исследовательского внимания, особенно в условиях сложившейся на сегодняшний день ситуации, которая требует сосредоточения всех

сил на усилении национальной безопасности страны и государственного суверенитета Российской Федерации. При всем этом понятие «достоинство» используется в тексте Конституции Российской Федерации, во множестве гуманитарных наук и, в общем и целом, воспринимается как позитивное психолого-эмоциональное состояние или явление. С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова объясняют это как уважение человеком совокупности высоких моральных качеств в самом себе [3, с. 177].

Некоторые правовые понятия, используемые в нашей стране в конституционно-правовой сфере и теории государства и права, имеют свое определение в тексте Конституции Российской Федерации. Например, ст. 7 Конституции Российской Федерации объявляет Российскую Федерацию социальным государством, и здесь же дается объяснение того, что представляет собой социальное государство. Социальное государство — это такое государство, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [4]. Одновременно с этим, некоторые другие понятия в Конституции Российской Федерации используются как само собой разумеющиеся и понятные. В ст. 21 Конституции Российской Федерации говорится о том, что государство охраняет достоинство личности и ничто не может служить причиной для его умаления [4], хотя в тексте Основного закона нет определения или разъяснения содержания самого понятия «достоинство».

В Комментариях к Конституции Российской Федерации авторами этого издания смысл ст. 21 объясняется тем, что здесь закреплена обязанность государства охранять достоинство личности. Как пишут авторы данного Комментария, понятие «достоинство» означает «осознание самим человеком и окружающими его людьми его личных объективных нравственных и интеллектуальных качеств (репутация в обществе, благоразумие, обладание социально полезными знаниями, навыками, умением, ведение достойного образа жизни и тому подобное)» [5, с. 73–74]. Авторы обращают внимание на такие моменты в содержании понятия «достоинство», как объективные нравственные и интеллектуальные качества, прису-

щие той или иной личности. В данном Комментарии обозначены основные, с точки зрения его авторов, признаки достоинства. В соответствии с их мнением, понятие «достоинство» включает в себя, во-первых, понимание и восприятие самим человеком и, во-вторых, окружающими людьми его личных нравственных и интеллектуальных качеств, присущих данному человеку.

Если первая позиция предельно субъективна, речь идет о самосознании, то насчет объективности второй позиции трудно спорить, потому что поступки и поведение человека дают возможность для соответствующей реальной действительности характеристики его личности. По нашему мнению, эти два составляющих элемента понятия «достоинство», с одной стороны, отношение человека к себе самому и, с другой стороны, восприятие личных качеств данного человека, в частности, другими людьми, и, в целом, всем обществом, как раз и лежат в основе содержательно-смысловой характеристики данного человеческого качества.

Составители цитированного нами выше Комментария среди особых составляющих позитивных качеств личности называют ведение достойного образа жизни. На наш взгляд, говоря о ведении достойного образа жизни, составители Комментария хотели подчеркнуть соответствие поведения человека, характеризующегося как такую личность, поступки которого признаются правомерными, и оцениваются как заслуживающие позитивной оценки, поведение которого также соответствуют требованиям функционирующих в данном сообществе соционормативных регуляторов,

Безусловно, рассматривая вопросы, связанные с понятиями «достоинство» и «национальная идентичность», невозможно обойти вопрос, имеющий отношение к общественному и правовому сознанию. Авторы монографии «Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика» пишут, что при поиске ответа на вопрос «где, в какой стране, районе, местности я живу?», каждый человек неизбежно думает о том, кто он такой, и у него имеются собственные идеалы и стремления [6, с. 12]. В то же время в правосознании, которое, естественно, представляет собой особую форму обще-

ственного сознания, непосредственно связанную с нормами права и правовыми принципами, функционирующими в виде требований и установок действующего законодательства, появляется мысль о том, а правильно ли я поступаю?

Правосознание, естественно, представляет собой особую форму общественного сознания, непосредственно связанную с нормами права и правовыми принципами, функционирующими в виде требований и установок действующего законодательства, которые обязательны для исполнения и обеспечиваются, при необходимости, принудительной силой государства. По нашему мнению, именно такая ситуация делает возможным наличие в обществе различных причин и предпосылок исполнения, а также и неисполнения, игнорирования или даже нарушения требований действующего законодательства. Однако общество и государство заинтересованы в том, чтобы исполнение установок закона происходило осознанно, добровольно и без принуждения, при этом все знают и понимают, что незнание требований действующего законодательства не служит основанием для того, чтобы избежать юридической ответственности за нарушение закона.

В то же время правосознание является основой и предтечей правовой культуры, которая является отражением правосознания в реальной обыденной картине мира, проявляясь и отражаясь в конкретном поведении и поступках человека, которые должны быть осознанными и добровольными. В немалых случаях человек поступает правомерно, потому что не может поступить иначе независимо от любой ситуации, ибо его поведение является реализацией установок, которые сформированы в его сознании и управляют его действиями. Как правило, эти установки складываются под воздействием того большого количества факторов, среди которых немаловажное значение имеет общественное мнение.

В этом плане интересны наблюдения О. Э. Лейста. Рассматривая взаимную связь и соотношение права и правосознания, он писал о постоянной оценке, домысливании и корректировке действующего права с позиций сформировавшегося в обществе правосознания, включая нормы и принципы морали.

О. Э. Лейст обращал внимание на то, как система нормативного регулирования поведения людей «реализуется в той мере, в какой общество способно его осмыслить и усвоить, с почти неизбежными коррективами ряда норм и институтов, общественным правосознанием» [7, с. 198]. Действительно, при всем том, что у каждого человека свое объяснение того, почему он выбирает именно правомерную форму поведения, подавляющее большинство наших сограждан выбирают ее, иногда даже не подозревая о наличии правовой нормы, регулирующей именно данную ситуацию.

При этом, по мнению О. Э. Лейста, то, что о нормах и принципах, которые предполагают юридические последствия, одновременно размышляет большое число людей, еще не является доказательством массовости обыденного правосознания [7, с. 201]. Действительно, люди начинают обращаться к установкам действующего законодательства, к правоохранительным органам только тогда, когда попадают в такую ситуацию, которую невозможно решить другим образом. О. Э. Лейст пишет о том, что обыденное сознание зависит от сложившейся в обществе правовой ситуации, что оно ситуационно, потому что «содержащиеся в нем правовые и моральные критерии активизируются каждый раз, когда жизненная ситуация вызывает к особой оценке» [7, с. 201]. Высоко оценивая роль и значение правосознания, О. Э. Лейст отмечал, что «правосознание... способно воздействовать на право и правопорядок и даже на правовую структуру общества» [7, с. 203]. Безусловно, правопорядок, как соответствующее требованиям действующего законодательства состояние общественных отношений, является результатом реализации правового сознания, сформированного тоже на основе этих же требований, которые, прежде всего, направлены на удовлетворение потребности всего общества в наличии в нем соответствующего порядка.

Поэтому, как это подчеркивает А. П. Семитко, «если забывать об общественном благе, то страдать будет, в конечном счете, именно человеческое достоинство и права отдельного человека» [8, с. 10]. По нашему мнению, А. П. Семитко абсолютно прав, потому что «одним из важнейших требований общего блага

как раз и является уважение прав и свобод отдельного человека, совместное общежитие которого с другими такими же индивидами и создает общество» [8, с. 10].

Необходимо отметить, когда речь идет о соотношении личного и общего во взаимоотношениях людей между собой, некоторые исследователи пользуются понятием «менталитет», что предполагает наличие теснейшего синтеза общего и индивидуального в сознании и поведении людей. Например, Н. А. Кричевский в своей книге «Русские глубинные скрепы: культурный код национального характера» отмечает, что «менталитет — система социальных ценностей, понять которую можно, изучив язык, фольклор, традиции, нравы, религию; связующее звено между архетипом общества и личностью отдельного человека» [9, с. 4].

При этом, по мнению Н. А. Кричевского, исторически получилось так, что на протяжении многих веков в основе общенациональной идеи в нашей стране лежит идея справедливости. В понимании Н. А. Кричевского, «справедливость — это охраняемое государством равенство прав и возможностей, обязанностей и обязательств, подотчетности и ответственности» [9, с. 9]. Одновременно с этим, он обращает внимание на то, что «справедливость — это паритетность в доступе к социальным ценностям, необходимым для самореализации, самоуважения, достоинства» [9, с. 10], таким образом объединяя в общем смысловом контексте два понятия — «справедливость» и «достоинство».

Об этом же пишут, рассматривая особенности философии права, Р. Ф. Исмагилов и В. П. Сальников. По мнению данных исследователей, стремление связать нормы права с идеей справедливости и правды всегда было особо важной особенностью нравственно-правового сознания народов нашей страны, поэтому «в России всегда искали правду жизни, не удовлетворяясь полезностью и умозрительностью» [10, с. 332]. При этом, по мнению Р. Ф. Исмагилова и В. П. Сальникова, преемственность ценностного ряда культуры становится важнейшим фактором социальной и национальной безопасности, поскольку речь идет о сохранении органического целого, которым является общество в его духовном аспекте [10, с. 348].

«В русле дискуссий о системных кризисах современности, — отмечают Р. Ф. Исмагилов и В. П. Сальников, — ценностный фактор всегда будет являться одним из значимых элементов сохранения безопасности, поскольку он является фундаментом устойчивости общества и государства, особенно сейчас, когда современный мир находится в ситуации пересмотра ценностного ряда» [10, с. 348]. Они отмечают, что «это в равной степени касается как социальных, правовых, геополитических аспектов, так и личных, связанных с идеалами, которыми направляется жизнь каждого человека» [10, с. 348].

Действительно, с одной стороны, национальная безопасность страны, безусловно, обеспечивается всеми возможностями (материальными, финансовыми и т. д.), имеющимися в государстве. С другой стороны, в историческом прошлом огромную роль играл и сегодня играет человеческий фактор.

Как пишут авторы монографии «Философско-правовое познание: актуальные проблемы», в понятии «достоинство» заключено одно из важнейших характеристик нравственного бытия человека, которое имеет и четко выраженное юридическое измерение, наряду с нравственным [1, с. 299]. В своем классическом труде по нравственной философии известный русский философ В. С. Соловьев отмечает, что достоинство «состоит не в том, чтобы побеждать во времени, а в том, чтобы хранить пределы вечные, одинаково священные для прошедшего и для будущего» [11, с. 326].

К. Маркс писал, что «достоинство есть именно то, что больше всего возвышает человека, что придает его деятельности, всем его стремлениям высшее благородство, что позволяет ему несокрушимо возвышаться над толпой, вызывая ее изумление» [12, с. 6].

Анализируя особенности конституционной реформы в современной России, Т. Я. Хабриева отмечает, что не только без учета ценностей универсального характера, но и без осознания традиций и идеалов, характеризующих национальную конституционную идентичность, в современной России невозможно создание соответствующей потребностям и специфике нашей страны и многонационального государствообразующего народа национальной моде-

ли правового государства, действенных гражданских институтов [13, с. 404].

В этом плане привлекают внимание особенности реализации нормы о достоинстве человека в современной Германии, где Федеральный конституционный суд отмечает неопределенность и многозначность понятия «человеческое достоинство», при этом подчеркивается, что это позволяет юридической норме, которая связана с понятием «человеческое достоинство», сохранять его «открытость» и дает возможность применения данной нормы в соответствии с постоянно изменяющейся действительностью [14].

Т. К. Демидова и Е. О. Тулупова обращают внимание на то, что в свое время Конституция Германской Демократической Республики (ГДР) более полно отражала нормы о человеческом достоинстве, утверждая в ст. 19, что «уважение и защита достоинства и свободы личности являются обязательными для всех государственных органов, всех общественных сил и каждого гражданина» и современную Конституцию Германии открывает норма о достоинстве человека непосредственно открывает [15, с. 15–19].

В свою очередь, М. Л. Гаскарова отмечает, что слова о человеческом достоинстве в немецкой юриспруденции обладают не совсем прозрачным и, одновременно, довольно сложным содержанием. Это отражается в том, что немецкая доктрина это объясняет тем, что «мы не должны заполнять содержание достоинства человека нашими сегодняшними представлениями о нем: для будущих поколений, для другого общества сегодняшняя формула неприкосновенности может быть только исходным материалом из-за изменчивости ее культурного содержания» [16, с. 388].

В практике применения нормы о достоинстве человека в Германии можно найти различные интересные факты [14]. Например, один из известных партийных и политических деятелей ГДР Э. Хонеккер был заключен под стражу, когда ему шел 81-й год и при этом он был уже неизлечимо болен. На основе решения Федерального конституционного суда Германии о том, что содержание под стражей страдающего от тяжелой, неизлечимой болезни, и близкого к смерти человека, не согласуется с требо-

ванием уважения его достоинства, гарантированным абз. 1 ст. 1 Основного закона страны, Конституционный суд Берлина освободил обвиняемого из-под стражи и прекратил в отношении него уголовное преследование [16, с. 156]. Необходимо сказать, что в свое время Э. Хонекер был известным и уважаемым человеком, он руководил Социалистической единой партией — был генеральным секретарем ее Центрального комитета и председателем Государственного совета ГДР. В этом плане нелишне было бы вспомнить высказывание В. И. Ленина о том, что «если достоинства продолжают больше, чем надо, обнаруживаются не тогда, когда надо, и не там, где надо, то они являются недостатками» [17, с. 323].

Поэтому прав был и В. С. Соловьев, когда утверждал, что «человеческое достоинство каждого лица, или его свойство быть нравственным существом, вовсе не зависит ни от его природных качеств, ни от его полезности: этими качествами и этою полезностью может определяться внешнее положение человека в обществе, относительная оценка его другими лицами, но никак не его собственное значение и человеческие права» [8, с. 380].

Все это позволяет говорить о том, что национальная идентичность формируется на основе восприятия личностью себя, своего места и роли в обществе, что составляет основное содержание понятия «достоинство». Понимание личностью своей значимости в общественно-политической и социально-экономической жизни страны способствует становлению па-

триотически настроенного, выбирающего, как правило, правомерную форму поведения и придерживающегося позитивных мыслей представителя современного общества, а также формированию общественного и правового сознания, основанных на уважительном отношении к требованиям действующего законодательства, в частности, а также нормам и принципам права, в целом.

Таким образом, понятие «достоинство» можно рассматривать с различных точек зрения. Тем не менее, в основном и главном, достоинство — это психоэмоциональное состояние духа человека. На это состояние оказывают воздействие множество факторов, и совокупность этих факторов у каждого человека индивидуальна. Данное состояние отражает его стремление соответствовать идеалу совершенства на основе знания и признания тех духовно-нравственных ценностей, которые присущи данному идеалу. Если кто-то или что-то мешает, или угрожает этому состоянию, люди теряют себя, потому что у каждого есть как право на достоинство, так и право на его защиту. Каждый человек начинает плохо себя чувствовать, если кто-то или что-то мешает, или угрожает этому состоянию, поэтому у каждого есть как право на достоинство, так и право на его защиту. Главным гарантом защиты и охраны достоинства было и остается государство, в котором на конституционном уровне установлено право человека на достоинство, которое обеспечено надежным и действенным механизмом его реализации.

Список источников

1. Философско-правовое познание: актуальные проблемы: монография / Е. В. Виноградова, А. О. Воробьев, М. Ю. Гутман [и др.] ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., исправленное и дополненное. Москва : ИНФРА-М, 2025. 417 с.
2. Николай Добролюбов про долг // Citaty.su. Собрание цитат и афоризмов : сайт. URL: <https://citaty.su/nikolaj-dobrolyubov-pro-dolg>.
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. Москва : А ТЕМП, 2006. 938 с. ISBN 978-5-9900358-6-7.
4. Конституция Российской Федерации : Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года : с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Министерство юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/8011/> (дата обращения: 26.02.2026).
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации (по состоянию на 15 июля 2014 г.) / под ред. проф. С. А. Комарова. 2-е изд., исправленное и дополненное. Санкт-Петербург : Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2014. 538 с. EDN: WXNYLB.

6. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / под ред. В. А. Колосова. Москва : Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 286 с. ISBN 5-93947-007-6.
7. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. Москва : Зерцало-М, 2002. 289 с. ISBN 5-94373-051-6.
8. Семитко А. П. О персонцентристском и социцентристском типах государства и права как теоретической конструкции // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 3 (45). С. 7–5.
9. Кричевский Н. А. Русские глубинные скрепы: культурный код национального характера. 2-е изд. Москва : Дашков и К, 2022. 400 с. ISBN 978-5-394-04869-2.
10. Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Философия права в России: теоретические и духовные предпосылки ее суверенности : монография. Санкт-Петербург : Университет, 2025. 551 с. ISBN 978-5-6052534-7-1.
11. Соловьев В. С. Оправдание добра: нравственная философия. Москва : Академический Проект, 2010. 671 с. ISBN 978-5-8291-1160-1.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Размышления юноши о выборе профессии // Сочинения. 2-е изд. Том 40. 1835–1843 гг. Москва : Издательство политической литературы, 1975. 750 с.
13. Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России: в поисках национальной идентичности // Вестник Российской академии наук. 2020. Т. 90, № 5. С. 403–414. DOI: 10.31857/S0869587320050035.
14. Menschenwürde(Teil2) // Grundrechtesschutz. Ihre Grundrechte in Deutschland und Europa : сайт. URL: https://www.grundrechtesschutz.de/gg/men-schenwurde-2-255#go_content_table (дата обращения: 11.03.2026).
15. Демидова Т. К., Тулупова Е. О. Закрепление права на уважение человеческого достоинства в Основном законе Германии // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2019. № 2 (4). С. 15–19. DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2019.4.2.
16. Гаскарова М. Л. Концепция достоинства человека в немецком конституционном праве // Журнал российского права. 2002. №. 4. С. 154–162.
17. Ленин В. И. О внутренней и внешней политике республики : Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря на IX Всероссийском съезде советов // Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 44. Москва : Издательство политической литературы, 1970. С. 291–329.

References

1. Philosophical and legal knowledge: current problems: monograph / E. V. Vinogradova, A. O. Vorobyov, M. Yu. Gutman [et al.]; under the general editorship by Doctor of Law, Professor V. P. Salnikov. 2nd edition, revised and supplemented. Moscow: INFRA-M; 2025. 417 p. (In Russ.).
2. Nikolay Dobrolyubov about debt. Citaty.su. Collection of quotations and aphorisms: website. (In Russ.). Available from: <https://citaty.su/nikolaj-dobrolyubov-pro-dolg>.
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th edition, supplemented. Moscow: A TEMP; 2006. 938 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9900358-6-7.
4. Constitution of the Russian Federation: Adopted by popular vote on December 12, 1993: with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020. Ministry of Justice of the Russian Federation. (In Russ.). Available from: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/8011/> (date of access: February 26, 2026).
5. Commentary on the Constitution of the Russian Federation (on July 15, 2014) / edited by prof. S. A. Komarov. 2nd edition, corrected and supplemented. St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute (St. Petersburg); 2014. 538 p. (In Russ.). EDN: WXNYLB.
6. The world through the eyes of Russians: myths and foreign Policy / edited by V. A. Kolosov. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation; 2003. 286 p. (In Russ.). ISBN 5-93947-007-6.
7. Leist O. E. The essence of law. Problems of theory and philosophy of law. Moscow: Zertsalo-M; 2002. 289 p. (In Russ.). ISBN 5-94373-051-6.
8. Semitko A. P. On the personocentric and sociocentric types of state and law as a theoretical construct. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Legal State: Theory and Practice*. 2016;(3(45)):7–5. (In Russ.).
9. Krichevsky N. A. Deep-seated Russian bonds: the cultural code of national character. 2nd ed. Moscow: Dashkov i K; 2022. 400 p. (In Russ.). ISBN 978-5-394-04869-2.
10. Ismagilov R. F., Salnikov V. P. Philosophy of law in Russia: theoretical and spiritual prerequisites of its sovereignty: monograph. St. Petersburg: University; 2025. 551 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6052534-7-1.
11. Soloviev V. S. Justification of good: moral philosophy. Moscow: Akademicheskyy Proekt; 2010. 671 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8291-1160-1.

12. Marx K., Engels F. Reflections of a young man on the choice of a profession. Works. 2nd ed. Volume 40. 1835–1843. Moscow: Izdatelstvo politicheskoy literatury; 1975. 750 p. (In Russ.).
13. Khabrieva T. Ya. Constitutional reform in Russia: in search of national identity. *Vestnik Rossijskoj akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*. 2020;90(5):403-414. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0869587320050035.
14. Menschenwürde(Teil2). Grundrechtesschutz. Ihre Grundrechte in Deutschland und Europa: website. (In German). Available from: https://www.grundrechtesschutz.de/gg/men-schenwurde-2-255#go_content_table (date of access: March 11, 2026).
15. Demidova T.K., Tulupova E.O. Enshrining the right to respect for human dignity in the basic law of Germany. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of Bashkir State University*. 2019;(2(4)):15–19. (In Russ.). DOI: 10.33184/vest-law-bsu-2019.4.2.
16. Gaskarova M. L. The concept of human dignity in German constitutional law. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*. 2002;(4):154–162. (In Russ.).
17. Lenin V. I. On the domestic and foreign policy of the republic: report of the All-Russian Central Executive Committee and Council of People's Commissars on December 23 at the IX All-Russian Congress of Soviets. Complete set of works. 5th ed. Volume 44. Moscow: Publishing House of Political Literature. 1970. P. 291–329. (In Russ.).

Информация об авторах

Ф. Х. Галиев — доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права;
Е. О. Тулупова — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права.

Information about the authors

F. Kh. Galiev — Doctor of Science (Law), Professor of the Department of Theory of State and Law;
E. O. Tulupova — Candidate of Science (Law), Associate Professor of the Department of Theory of State and Law.

Статья поступила в редакцию 27.08.2026; одобрена после рецензирования 18.09.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 27.08.2026; approved after reviewing 18.09.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Научная статья
УДК 005.6:338.46
doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-59-66

УПРАВЛЕНИЕ КАЧЕСТВОМ В СФЕРЕ УСЛУГ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Татьяна Владимировна Гончаренко^{1✉}, Елена Георгиевна Пономарева²,
Никита Юрьевич Канторов³

^{1,2,3}Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

¹GTV_Bel@mail.ru✉

²e.g.53@mail.ru

³hsr@mail.ru

Аннотация. Сфера услуг является структурным ядром экономики России, формируя около 57,5 % валового внутреннего продукта, и одновременно становится основным полем цифровой трансформации. Цель статьи — выявить механизмы влияния цифровой трансформации на систему управления качеством в сфере услуг и обосновать соответствующую концептуальную модель. Исследование выполнено на основе реальных статистических данных Росстата, НИУ ВШЭ, Минцифры России и отраслевой аналитики за 2020–2024 гг. с применением методов сравнительного и структурного анализа. Установлено, что цифровой сервисный сегмент развивается опережающими темпами: объем электронной торговли вырос более чем в четыре раза, затраты на цифровую экономику достигли 6,7 трлн руб. (3,3 % ВВП), число пользователей портала «Госуслуги» превысило 120 млн человек. Предложена концептуальная модель, интегрирующая цифровые технологии в цикл PDCA и предусматривающая замкнутый контур обратной связи, а также функциональное сопоставление технологий и функций менеджмента качества. Обоснован переход от периодического контроля к непрерывному управлению качеством на основе данных.

Ключевые слова: управление качеством, сфера услуг, цифровая трансформация, цифровая экономика, система менеджмента качества, цикл PDCA, большие данные, удовлетворенность потребителей, электронная торговля, государственные услуги

Для цитирования: Гончаренко Т. В., Пономарева Е. Г., Канторов Н. Ю. Управление качеством в сфере услуг в условиях цифровой трансформации экономики // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 59–66. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-59-66>.

Research article

QUALITY MANAGEMENT IN THE SERVICE SECTOR UNDER THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE ECONOMY

Tatyana V. Goncharenko^{1✉}, Elena G. Ponomareva², Nikita Yu. Kantorov³

^{1,2,3}Academy of Labor and Social Relations, Moscow, Russia

¹GTV_Bel@mail.ru✉

²e.g.53@mail.ru

³hsr@mail.ru

Abstract. The service sector is the structural core of the Russian economy, generating about 5,5 % of GDP, and at the same time it has become the main field of digital transformation. The aim of the article is to reveal the mechanisms through which digital transformation affects the quality management system in services and to substantiate a corresponding conceptual model. The study is based on real statistical data from Rosstat, HSE University, the Ministry of Digital Development of the Russian Federation and industry analytics for 2020–2024, using comparative and structural analysis. It is established that the digital service segment develops at an outstripping pace: e-commerce has grown more than fourfold, spending on the digital economy has reached 6.7 trillion roubles (3,3 % of GDP), and the number of users of the Gosuslugi portal has exceeded 120 million. A conceptual model is proposed that integrates digital technologies into the PDCA cycle with a closed data-driven feedback loop, together with a functional mapping of technologies and quality management functions. A transition from periodic control to continuous data-driven quality management is substantiated.

Keywords: quality management; service sector; digital transformation; digital economy; quality management system; PDCA cycle; big data; customer satisfaction; e-commerce; public services

For citation: Goncharenko T. V., Ponomareva E. G., Kantorov N. Yu. Quality management in the service sector under the digital transformation of the economy. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)):59–66. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-59-66>.

Введение

Сфера услуг выступает структурным ядром современной российской экономики. По данным официальной статистики, в 2024 году на услуги приходилось около 57,5 % валового внутреннего продукта (ВВП), причем доля этого сектора увеличивается третий год подряд [1]. При совокупном объеме ВВП, достигшем по итогам 2024 года порядка 201 трлн руб. (прирост на 4,3 % в сопоставимых ценах) [2], именно торговля, финансовые, телекоммуникационные, транспортные и информационные услуги во многом определяют динамику и качественные характеристики национального хозяйства. Предпринимательский аспект реализации инновационных бизнес-моделей можно проследить в различных сферах: туризме, гостиничном и ресторанном бизнесе и др. [3, с. 120].

Параллельно с укреплением сервисной экономики разворачивается процесс ее цифровой трансформации. Валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики России в 2024 году достигли 6,7 трлн руб., увеличившись за год на 22 % в текущих ценах, а их отношение к ВВП выросло до 3,3 % [4]. Вклад сектора информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в ВВП составил порядка 3,5 % [5]. Цифровизация перестала быть вспомогательным инструментом и превратилась в фактор, переопределяющий бизнес-модели, процессы обслуживания и саму природу взаимодействия с потребителем.

Управление качеством в сфере услуг исторически осложнялось специфическими свойствами услуги как продукта: неосязаемостью, неотделимостью производства от потребления, непостоянством (гетерогенностью) и несохра-

няемостью. Эти свойства затрудняют стандартизацию, объективное измерение и контроль качества. Цифровая трансформация принципиально меняет ситуацию: она позволяет фиксировать ранее «скрытые» параметры обслуживания, накапливать большие массивы данных о потребительском опыте и управлять качеством в режиме реального времени.

Возникает научная проблема: традиционные модели управления качеством — всеобщее управление качеством (TQM) и стандарты серии ИСО 9000 — формировались в услови-

ях индустриальной, доцифровой экономики, и их применение к цифровым услугам требует переосмысления методического инструментария. Цель настоящей статьи — выявить механизмы, посредством которых цифровая трансформация изменяет систему управления качеством в сфере услуг, и на основе реальных статистических данных по Российской Федерации обосновать концептуальную модель интеграции цифровых технологий в цикл управления качеством.

Теоретические основы управления качеством услуг

Качество в соответствии с ГОСТ Р ИСО 9000—2015 трактуется как степень соответствия совокупности присущих объекту характеристик требованиям [6]. Применительно к услугам это соответствие носит в значительной мере субъективный характер и определяется через сопоставление ожиданий потребителя и его восприятия фактически полученного обслуживания. Классическая модель качества услуг *SERVQUAL* выделяет пять измерений — материальность, надежность, отзывчивость, уверенность и эмпатию — и трактует качество как разрыв (*gap*) между ожидаемым и воспринимаемым уровнем сервиса [7, с. 109].

Методологической основой управления качеством остаются концепция всеобщего управления качеством и цикл непрерывного улучшения «планируй — делай — проверяй — действуй» (*Plan — Do — Check — Act, PDCA*), получивший развитие в работах У. Э. Деминга [8, с. 36]. Требования к системе менеджмента

качества (СМК), закрепленные в ГОСТ Р ИСО 9001—2015, базируются на процессном подходе, риск-ориентированном мышлении, ориентации на потребителя и постоянном улучшении [5]. Эти принципы сохраняют актуальность, однако были сформулированы до массового распространения цифровых технологий и не учитывают возможностей, которые открывают большие данные и интеллектуальная аналитика.

Под цифровой трансформацией в работе понимается не отдельная автоматизация операций, а системное преобразование бизнес-моделей, процессов и способов взаимодействия с потребителем на основе цифровых технологий и данных. В сфере услуг такое преобразование наиболее заметно проявляется в развитии электронной коммерции, цифровых государственных сервисов, а также финансовых и платформенных услуг, которые в России формируют наиболее динамичный сегмент рынка.

Материалы и методы

Информационную базу исследования составили: официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстата) [4]; статистические сборники «Цифровая экономика» и «Индикаторы цифровой экономики» Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ [5];

данные Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации о функционировании портала «Госуслуги»; результаты отраслевого исследования рынка электронной торговли *Data Insight* [2]. Рассматриваемый период — 2020–2024 гг.

Результаты исследования и обсуждение

Анализ статистических данных демонстрирует устойчивое и опережающее по отноше-

нию к экономике в целом развитие цифрового сегмента сферы услуг. (таблица 1).

Таблица 1. Динамика отдельных показателей цифровой трансформации экономики и сферы услуг России

Показатель	Базовый период	2024 г.	Изменение
Доля сферы услуг в ВВП, %	56,7 (2023 г.)	57,5	+0,8 п. п.
Валовые внутренние затраты на развитие цифровой экономики, трлн руб.	5,5 (2023 г.)	6,7	+22 %
Отношение затрат на цифровую экономику к ВВП, %	3,1 (2023 г.)	3,3	+0,2 п. п.
Объем розничной интернет-торговли, трлн руб.	2,6 (2020 г.)	11,2	в 4,3 раза
Число пользователей портала «Госуслуги», млн чел.	109 (2023 г.)	112	+3 (120 в 2025 г.)
Доля граждан, получающих госуслуги в электронной форме, %	86,6 (2022 г.)	86,7	+0,1 п. п.

Составлено автором по данным [1; 3–4; 6; 9–11].

Приведенные данные свидетельствуют о нескольких взаимосвязанных тенденциях. Во-первых, расходы на цифровизацию растут опережающими темпами: прирост валовых внутренних затрат на цифровую экономику (+22 % в текущих ценах) существенно превысил темп роста ВВП, что отражает приоритетный характер цифровых инвестиций для бизнеса и государства [10, с. 509]. Во-вторых, наиболее показательна динамика электронной торговли — одного из самых массовых видов цифровых услуг: за 2020–2024 гг. ее объем вырос более чем в четыре раза, а доля электронной торговли в обороте розничной торговли увеличилась примерно с 15 % в первом полугодии 2024 г. до 22 % в первом полугодии 2025 г. [4].

В-третьих, государственный сектор услуг демонстрирует высокий уровень цифровой зрелости: число пользователей портала «Госуслуги» достигло 112 млн чел. в 2024 году и превысило 120 млн в 2025 году, при этом 86,7 % граждан, обращающихся за государственными и муниципальными услугами, получали их полностью или частично в электронной форме [12, с. 276]. Косвенным индикатором институциональной готовности к управлению качеством цифровых услуг служит показатель цифровой зрелости отраслей экономики и социальной сферы, выросший, по официальным оценкам, с 32 % в 2019 году до более чем 74 % к 2023 году [11, с. 40]. Кадровую основу этих процессов формируют около 9,4 млн чел.,

занятых в профессиях с интенсивным использованием ИКТ, в том числе 2,2 млн ИКТ-специалистов, численность которых за год увеличилась на 10,7 % [3, с. 121].

Систематизация выявленных тенденций позволяет предложить концептуальную модель управления качеством услуг в условиях цифровой трансформации (рисунок 1). Модель построена на основе цикла PDCA и отражает интеграцию цифровых технологий в каждый из его этапов при сохранении центральной роли потребителя.

В предлагаемой модели цифровые технологии (большие данные, искусственный интеллект, облачные сервисы, цифровые платформы, интернет вещей) выступают ресурсной средой, питающей систему менеджмента качества. На этапе планирования (*Plan*) анализ больших данных обеспечивает прогнозирование спроса и обоснованное формирование целей в области качества; на этапе реализации (*Do*) цифровые платформы и автоматизация стандартизируют процессы обслуживания; на этапе контроля (*Check*) технологии интернета вещей и интеллектуальная аналитика позволяют осуществлять мониторинг качества в режиме реального времени; на этапе улучшения (*Act*) облачная база знаний и корректирующие меры обеспечивают непрерывное совершенствование.

Принципиальным элементом модели является замкнутый контур обратной связи: дан-

Рисунок 1. «Модель системы управления качеством услуг в условиях цифровой трансформации» (составлено авторами)

Figure 1. «Model of a service quality management system in the context of digital transformation» (compiled by the authors)

ные о фактическом качестве услуг и удовлетворенности потребителей вновь поступают в цифровую среду, что превращает дискретный цикл улучшения в непрерывный, управляемый данными процесс. Тем самым нивелируется ключевое ограничение управления качеством услуг — невозможность отделить контроль от момента оказания услуги.

Функциональная роль конкретных цифровых технологий в управлении качеством услуг раскрыта в таблице 2, где сопоставлены распространенность технологий среди российских организаций и реализуемые ими функции менеджмента качества.

Структура внедрения технологий показывает, что наиболее распространенными

Таблица 2. Цифровые технологии, востребованные российскими организациями, и их функции в управлении качеством услуг*

Цифровая технология	Доля, %	Функция в управлении качеством услуг
Цифровые платформы	21,8	Единая среда взаимодействия с потребителем, прием заказов и отзывов, стандартизация процессов обслуживания
Облачные сервисы	19,5	Масштабируемое хранение данных о качестве, единая база знаний, обеспечение непрерывности обслуживания
Интернет вещей (IoT)	8,7	Автоматический сбор данных о состоянии процессов и оборудования, контроль параметров в реальном времени
Большие данные	8,6	Анализ удовлетворенности и поведения потребителей, прогнозирование спроса, выявление несоответствий
Искусственный интеллект	6,6**	Персонализация обслуживания, чат-боты и поддержка 24/7, предиктивное выявление проблем качества

*Составлено автором по данным [1; 9].
**По данным за 2022 год.

в 2024 году оказались цифровые платформы (21,8 % организаций) и облачные сервисы (19,5 %), формирующие инфраструктурную основу для сбора и хранения данных о качестве [3, с. 123]. Технологии, непосредственно поддерживающие аналитические функции управления качеством, — большие данные (8,6 %) и интернет–вещи (8,7 %) — пока распространены умереннее, что указывает на значительный потенциал роста. Искусственный интеллект, все активнее применяемый организациями сферы услуг, обеспечивает персонализацию обслуживания, круглосуточную поддержку через чат-боты и предиктивное выявление проблем качества [4].

Иллюстративными примерами реализации описанной модели служат сектор электронной коммерции, где платформенные сервисы и анализ больших данных позволяют управлять качеством логистики и персонализацией предложения при объеме рынка 11,2 трлн руб. и 6,8 млрд заказов в 2024 году [1], а также портал «Госуслуги», где интеллектуальный помощник и сквозной мониторинг обращений обеспечивают стандартизацию и контроль качества государственных услуг для более чем 120 млн пользователей [1]. В обоих случаях управление качеством опирается не на выборочные проверки, а на непрерывный анализ массива данных о каждом акте обслуживания.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования заключается в следующем. Во-первых, систематизирована эмпирическая картина цифровой трансформации сферы услуг России за 2020–2024 гг. в проекции на задачи управления качеством, что позволило количественно подтвердить опережающую динамику цифрового сервисного сегмента. Во-вторых, обоснована концептуальная модель управления качеством услуг, в которой цифровые технологии впервые системно интегрированы в каждый этап цикла *PDCA* с выделением замкнутого контура обратной

связи, основанного на данных. В-третьих, предложено функциональное сопоставление конкретных цифровых технологий и реализуемых ими функций менеджмента качества, имеющее прикладное значение для проектирования систем менеджмента качества сервисных организаций. В-четвертых, обоснован тезис о переходе от периодического, выборочного контроля качества к непрерывному управлению качеством на основе данных, что соответствует логике концепции «Качество 4.0» применительно к российской сфере услуг.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что цифровая трансформация выступает мощным фактором развития системы управления качеством в сфере услуг. Реальные статистические данные по Российской Федерации за 2020–2024 гг. демонстрируют опережающий рост цифрового сервисного сегмента: более чем четырехкратное увеличение объема электронной торговли, рост затрат на цифровую экономику до 6,7 трлн руб. и достижение высокого уровня цифровизации государственных услуг. Цифровые технологии не отменяют классические принципы менеджмента качества, а наделяют их новыми возможностями, переводя управление качеством в режим непрерывного, основанного на данных процесса с центральной ролью потребителя,

способствуя повышению конкурентоспособности компании [9, с. 31].

Практическая значимость предложенной модели состоит в том, что она может служить методической основой для встраивания цифровых инструментов в системы менеджмента качества сервисных организаций. Ограничением исследования является неоднородность статистического учета отдельных показателей и различия в методиках источников данных. Перспективными направлениями дальнейших исследований представляются разработка количественных метрик качества цифровых услуг и эмпирическая оценка влияния отдельных технологий на удовлетворенность потребителей в разрезе отраслей сферы услуг.

Список источников

1. Динамика затрат на развитие цифровой экономики // Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ : официальный сайт. URL: <https://issek.hse.ru/news/1132489247.html>. Дата публикации: 26.02.2026.
2. Индикаторы цифровой экономики: 2024: статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 276 с. ISBN 978-5-7598-3008-5.
3. Арсеньева Н. В., Гончаренко Т. В., Энеева Е. Х. Инновационные бизнес-модели в туризме и гостиничном бизнесе: предпринимательский аспект // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 1(70). С. 119–124. DOI: 10.47598/2078-9025-2026-1-70-119-124.
4. Об оценке валового внутреннего продукта за 2024 год // Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : официальный сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/254129>.
5. Цифровая экономика: 2024 : краткий статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др. Москва : ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. 124 с. ISBN 978-5-7598-3011-5.
6. Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : утв. президиумом Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 04.06.2019 № 7) // КонсультантПлюс : сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/.
7. Эволюция развития технологии BIG DATA и ее маркетинговые возможности при продвижении банковских продуктов и услуг / Е. О. Шипулев, Н. И. Быканова, Т. В. Гончаренко, И. С. Короткова // Modern Economy Success. 2023. № 3. С. 106–111. EDN: ASSSKI.
8. Гончаренко Т. В., Живага А. Ю., Спорыхина С. Н. UGC как инструмент формирования туристских брендов // Финансовая экономика. 2026. № 2. С. 137–141.
9. Повышение конкурентоспособности предприятий строительной индустрии на региональных рынках жилья / М. В. Владыка, Ю. А. Дорошенко, А. А. Рудычев, Т. В. Гончаренко // Финансовая экономика. 2020. № 11. С. 29–33. EDN: LIRRWC.
10. Гончаренко Т. В. Современный финансовый рынок: эффекты цифровых технологий // Стратегическое управление развитием цифровой экономики на основе умных технологий / под ред. А. В. Бабкина. Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. С. 501–516. DOI: 10.18720/IEP/2021.2.
11. Пономарева Е. Г., Гончаренко Т. В., Костин Л. С. Этические границы алгоритмического таргетинга в системе стратегических маркетинговых коммуникаций // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 2. С. 105–111. DOI: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-105-111.
12. Рудычев А. А., Владыка М. В., Гончаренко Т. В. Элементы цифровой трансформации экономики промышленной индустрии // Финансовая экономика. 2020. № 10. С. 274–276.

References

1. Dynamics of Costs for the Development of the Digital Economy. Institute for Statistical Studies and Economics of Knowledge, National Research University Higher School of Economics: official website. (In Russ.) Available from: <https://issek.hse.ru/news/1132489247.html>. Publication date: February 26, 2026.
2. Digital Economy Indicators: 2024: statistical digest / V. L. Abashkin, G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg [et al.]. Moscow: ISSEK HSE; 2024. 276 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-3008-5.
3. Arsenyeva N. V., Goncharenko T. V., Eneeva E. Kh. Innovative business models in tourism and hotel business: entrepreneurial aspect. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(1(70)):119–124. (In Russ.). DOI: 10.47598/2078-9025-2026-1-70-119-124.
4. On the assessment of the gross domestic product for 2024. Federal State Statistics Service (Rosstat): official website. (In Russ.) Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/254129>.
5. Digital economy: 2024: a brief statistical digest / V. L. Abashkin, G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg [et al.]. Moscow: ISSEK HSE; 2024. 124 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-3011-5.
6. Passport of the national program "Digital Economy of the Russian Federation": approved by the Presidium of the Presidential Council of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects (minutes of 04.06.2019, No. 7). ConsultantPlus: website. (In Russ.) Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/.
7. Evolution of BIG DATA technology development and its marketing opportunities in promoting banking products and services / E. O. Shipulev, N. I. Bykanova, T. V. Goncharenko, I. S. Korotkova. *Modern Economy Success*. 2023;3:106–111. (In Russ.). EDN: ASSSKI.

8. Goncharenko T. V., Zhivaga A. Yu., Sporykhina S. N. UGC as a Tool for Forming Tourist Brands. *Finansovaya e`konomika = Financial Economics*. 2026;2:137–141. (In Russ.).
9. Increasing the Competitiveness of Construction Industry Enterprises in Regional Housing Markets / M. V. Vladyka, Yu. A. Doroshenko, A. A. Rudychev, T. V. Goncharenko. *Finansovaya e`konomika = Financial Economics*. 2020;(11):29–33. (In Russ.). EDN: LIRRWC.
10. Goncharenko T. V. Modern Financial Market: Effects of Digital Technologies // Strategic Management of the Development of the Digital Economy Based on Smart Technologies / edited by A. V. Babkin. St. Petersburg: POLYTECH-PRESS; 2021. P. 501–516. (In Russ.). DOI: 10.18720/IEP/2021.2.
11. Ponomareva E. G., Goncharenko T. V., Kostin L. S. Ethical Boundaries of Algorithmic Targeting in the System of Strategic Marketing Communications. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;2:105–111. (In Russ.). DOI: 10.47598/2078-9025-2026-2-71-105-111.
12. Rudychev A. A., Vladyka M. V., Goncharenko T. V. Elements of Digital Transformation of the Industrial Economy. *Finansovaya e`konomika = Financial Economics*. 2020;10:274–276. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. В. Гончаренко — кандидат экономических наук, доцент кафедры туризма и социальных коммуникаций;
Е. Г. Пономарева — кандидат экономических наук, профессор кафедры туризма и социальных коммуникаций;
Н. Ю. Канторов — аспирант.

Information about the authors

T. V. Goncharenko — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Tourism and Social Communications;
E. G. Ponomareva — Candidate of Science (Economics), Professor of the Department of Tourism and Social Communications;
N. Yu. Kantorov — a postgraduate student.

Статья поступила в редакцию 31.08.2026; одобрена после рецензирования 18.09.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 31.08.2025; approved after reviewing 18.09.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 67–74
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):67–74

Научная статья
УДК 001.895(470)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-67-74

ФАКТОРЫ УСТОЙЧИВОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ СТОМАТОЛОГИЧЕСКИХ КЛИНИК РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Иванна Ивановна Дерен¹, Светлана Геннадьевна Демьяненко^{2✉}

¹Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний,
Владимир, Россия, deren-ivanna@yandex.ru,

²Московский исследовательский институт геодезии и картографии,
Москва, Россия, demianenkosg@miigaik.ru✉

Аннотация. Статья посвящена исследованию факторов, определяющих экономическую устойчивость стоматологических организаций в современных условиях. Проведен анализ научных публикаций, нормативно-правовой базы и современных подходов к управлению медицинскими организациями. На основе систематизации результатов исследований разработана классификация факторов устойчивости: регуляторные, рыночные, кадровые, технологические и экономические. Представлена авторская модель экономических факторов устойчивости. Показано, что экономическая устойчивость стоматологии формируется как результат комплексного управления взаимосвязанными экономическими процессами. Полученные результаты могут быть использованы при совершенствовании системы управления стоматологическими клиниками, разработке стратегического планирования.

Ключевые слова: стоматология, экономика здравоохранения, управление стоматологией, факторы устойчивости, экономика стоматологии, стратегическое управление, себестоимость медицинских услуг

Для цитирования: Дерен И. И., Демьяненко С. Г. Факторы устойчивости экономических систем стоматологических клиник Российской Федерации // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 67–74. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-67-74>.

Research article

FACTORS INFLUENCING THE SUSTAINABILITY OF ECONOMIC SYSTEMS OF DENTAL ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Ivanna I. Deren¹, Svetlana G. Demyanenko^{2✉}

¹Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Vladimir, Russia, deren-ivanna@yandex.ru

²Moscow State University of Geodesy and Cartography,
Moscow, Russia, demianenkosg@miigaik.ru✉

Abstract. This article examines the factors influencing the economic sustainability of dental organizations under current conditions. The study analyzes scientific publications, the regulatory framework, and contemporary approaches to healthcare management. Based on the systematization of existing research findings, a classification of sustainability factors was developed, including regulatory, market, human resource, technological, and economic factors. An original model of the economic sustainability factors is proposed. The findings demonstrate that the economic sustainability of dental organizations is determined by the integrated management of interrelated economic processes rather than by individual financial indicators. The proposed approach may be applied to improve the management of dental organizations and to support strategic planning.

Keywords: dentistry, healthcare economics, dental practice management, sustainability factors, dental economics, strategic management, cost of medical services

For citation: Deren I. I., Demyanenko S. G. Factors influencing the sustainability of economic systems of dental organizations in the Russian Federation. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)):67–74. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-67-74>.

Введение

Современные условия функционирования стоматологических организаций сформировались в результате перехода от государственной модели стоматологической помощи к рыночной системе платных медицинских услуг. К началу 2000-х годов в Российской Федерации функционировало более 5000 частных стоматологий и кабинетов, из которых около 1000 располагались в Москве [1].

Развитие частного сектора, цифровых технологий и конкурентной среды изменило орга-

низационно-экономические условия деятельности стоматологических клиник. В этих условиях их устойчивость определяется не только качеством медицинской помощи, но и способностью адаптироваться к нормативным, рыночным, кадровым, технологическим и экономическим изменениям. Цель исследования — систематизировать факторы устойчивости стоматологических организаций и представить авторскую модель экономических факторов устойчивости.

Материалы и методы исследования

Исследование основано на анализе научных публикациях по экономике здравоохранения, стратегическому менеджменту и управлению стоматологическими организациями, нормативно-правовых актов Россий-

ской Федерации, статистических материалов и результатов авторского анализа. Использованы методы системного и сравнительного анализа, общения, классификации и структурного подхода.

Результаты исследования

Проведенный анализ научной литературы показал, что устойчивость стоматологий определяется совокупностью взаимосвязанных факторов внешней и внутренней среды. Изменение нормативно-правовых, рыночных, кадровых, технологических и экономических условий требует своевременной адаптации системы управления, обеспечивающей устойчивое функционирование и развитие медицинской клиники [2]. На основании проведенного исследования авторами предложена систематизация факторов, включающая пять взаимосвязанных групп: регуляторные, рыночные, кадровые, технологические и экономическо-управленческие факторы (таблица 1).

Представленная классификация показывает, что устойчивость экономических систем стоматологических клиник формируется под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов. Несмотря на различия в меха-

низмах воздействия, каждая из выделенных групп факторов влияет на результат деятельности клиники и ее способность обеспечивать долгосрочное устойчивое развитие. С учетом целей настоящего исследования далее рассмотрены особенности проявления указанных факторов в деятельности стоматологических клиник Российской Федерации.

Влияние регуляторных факторов проявляется через установление требований к организации медицинской деятельности, лицензированию, кадровому обеспечению, качеству и безопасности медицинской помощи, порядку взаимодействия с пациентами, налогообложению и иным аспектам деятельности медицинской организации. Получение и сохранение лицензии предполагает соблюдение установленных требований к помещению, кадровому обеспечению и материально-техническому оснащению клиники. При этом

Таблица 1. Основные факторы устойчивости экономических систем стоматологических клиник *

№	Группа факторов	Основное содержание	Авторы	Влияние на экономические показатели
1	Регуляторные	Государственное регулирование здравоохранением, лицензионные требования, система ОМС, порядок аккредитации медицинских работников, контроль качества и безопасности медицинской деятельности, санитарно-эпидемиологические требования, государственная политика цифровизации здравоохранения	Робакидзе Н. С. [3]	Определяют обязательные расходы и условия деятельности
2	Рыночные	Спрос на стоматологические услуги, конкурентная среда, платежеспособность населения, доступность стоматологической помощи, развитие частного сектора, маркетинговая активность, потребительские предпочтения	Махмутова З. А. [4] Даванов С. Х. [5]	Влияют на спрос и объем доходов
3	Кадровые	Обеспеченность медицинским кадрами, квалификация специалистов, непрерывное профессиональное образование, производительность труда, кадровая политика, мотивация персонала, эффективность использования трудовых ресурсов	Данилов Е. О. [6]	Формируют качество и объем стоматологических услуг, влияют на производительность труда, выручку, конкурентоспособность, затраты на персонал и эффективность использования трудовых ресурсов
4	Технологические	Уровень технологического оснащения, цифровизация деятельности, инновационные технологии, автоматизация процессов, информационные системы и цифровые платформы, технологии искусственного интеллекта, телемедицины, технологическое обновление инфраструктуры	Шабанов А. О. [7]	Определяют конкурентоспособность клиники, качество медицинской помощи, востребованность услуг, инвестиционную нагрузку и капиталоемкость
5	Экономическо-управленческие	Система управления, организационная структура, бизнес-процессы, стандартизация деятельности, управленческий контроль, автоматизация процессов, система управления качеством. Формирование себестоимости услуги, структура прямых и косвенных расходов, методы калькулирования себестоимости, управленческий учет, ценообразование, финансовый результат, эффективность использования ресурсов	Яшин С. Н. [8] Тишков Д. С. [9]	Определяют эффективность использования ресурсов, качество управленческих решений, производительность бизнес-процессов, уровень организационных потерь, финансовые результаты деятельности клиники

*Составлено авторами на основании источников [3–9].

ученые отмечают в своих работах, что наличие единых федеральных требований к лицензированию медицинской деятельности и практика их применения различаются в субъектах Российской Федерации.

Рыночным фактором устойчивости стоматологий является сохраняющаяся потребность населения в стоматологической помощи. По данным российских исследователей наиболее высокая потребность была выявлена в ортопедическом лечении. В протезировании нуждаются 28,9 % обследованных женщин и 39,7 % мужчин. Потребность в санации полости рта составляет 20,2 % и 31,7 %, соответственно. Исследования показывают высокую неоднородность российского рынка платной медицины. В 2023 году средний объем платных медицинских услуг в России составил 9,6 тыс. руб. на человека в год, однако между регионами наблюдается значительные различия: в Москве данный показатель достигал 2142 руб. в мес. на чел., в Санкт-Петербурге — 1818 руб., в Краснодарском крае — 1306 руб., тогда как в ряде регионов Северного Кавказа он не превышал 300–350 руб. в месяц. Более 37 % всего объема платных медицинских услуг в стране приходится на Центральный федеральный округ, включая 24 % на Москву, тогда как на Северо-Кавказский федеральный округ приходится лишь 3 % рынка [10]. Результаты исследований, посвященные региональным особенностям развития рынка платных медицинских услуг, свидетельствуют о существенной неоднородности потребительского спроса в различных субъектах Российской Федерации. К числу субъектов с наиболее высоким уровнем развития рынка стоматологии помимо Москвы и Санкт-Петербурга относятся Новосибирская, Сахалинская и Магаданская области, Приморский край и Республика Башкортостан. В противоположность этому в Чеченской Республике, Республике Тыва, Республике Калмыкия, Республике Адыгея и Республике Северная Осетия — Алания наблюдаются более низкие показатели потребления платной медицинской помощи, что отражает влияние региональных социально-экономических условий на развитие частного сектора здравоохранения [11]. Технологическое развитие стоматологии является одним из факторов,

определяющих качество медицинской помощи и конкурентоспособности стоматологических организаций. За период 2014–2023 гг. объем российского рынка медицинских изделий увеличился со 198 до 600 млрд руб. [12]. Внедрение цифровых технологий способствует повышению точности лечебно-диагностических процессов, снижению вероятности ошибок и переделок, более эффективному использованию рабочего времени специалистов и повышению предсказуемости результатов. Обеспечение баланса между медицинской помощью и рациональным использованием ограниченных ресурсов является условием эффективного экономического управления.

По данным исследования [13] значительная часть руководителей медицинских организаций отмечает недостаточность знаний в области экономики здравоохранения, финансового планирования и современных методов управления, несмотря на прохождение обязательных программ повышения квалификации. Анализ 2299 публикаций научной библиотеки eLIBRARY.RU, посвященных вопросам экономики стоматологии, показал, что основная научная активность сосредоточена в медицинских образовательных организациях, на долю которых приходится 58,8 % всех публикаций, тогда как немедицинские вузы формируют 39,6 %, а прочие организации — 1,6 % [14]. Анализ научной литературы не выявил единого подхода к систематизации факторов экономической устойчивости применительно к стоматологии. На основании проведенного исследования авторами предлагается рассмотреть модель экономических факторов устойчивости стоматологической организации (рисунок 1).

Представленная модель систематизирует основные экономические факторы устойчивости стоматологии и отражает их взаимосвязь в рамках системы управления. Она может использоваться как методическая основа для оценки экономической устойчивости и принятия управленческих решений.

Управление экономическими результатами обеспечивает объективную оценку эффективности деятельности организации, выявление убыточных направлений и принятие экономически обоснованных управленческих решений. Достоверность такой оценки

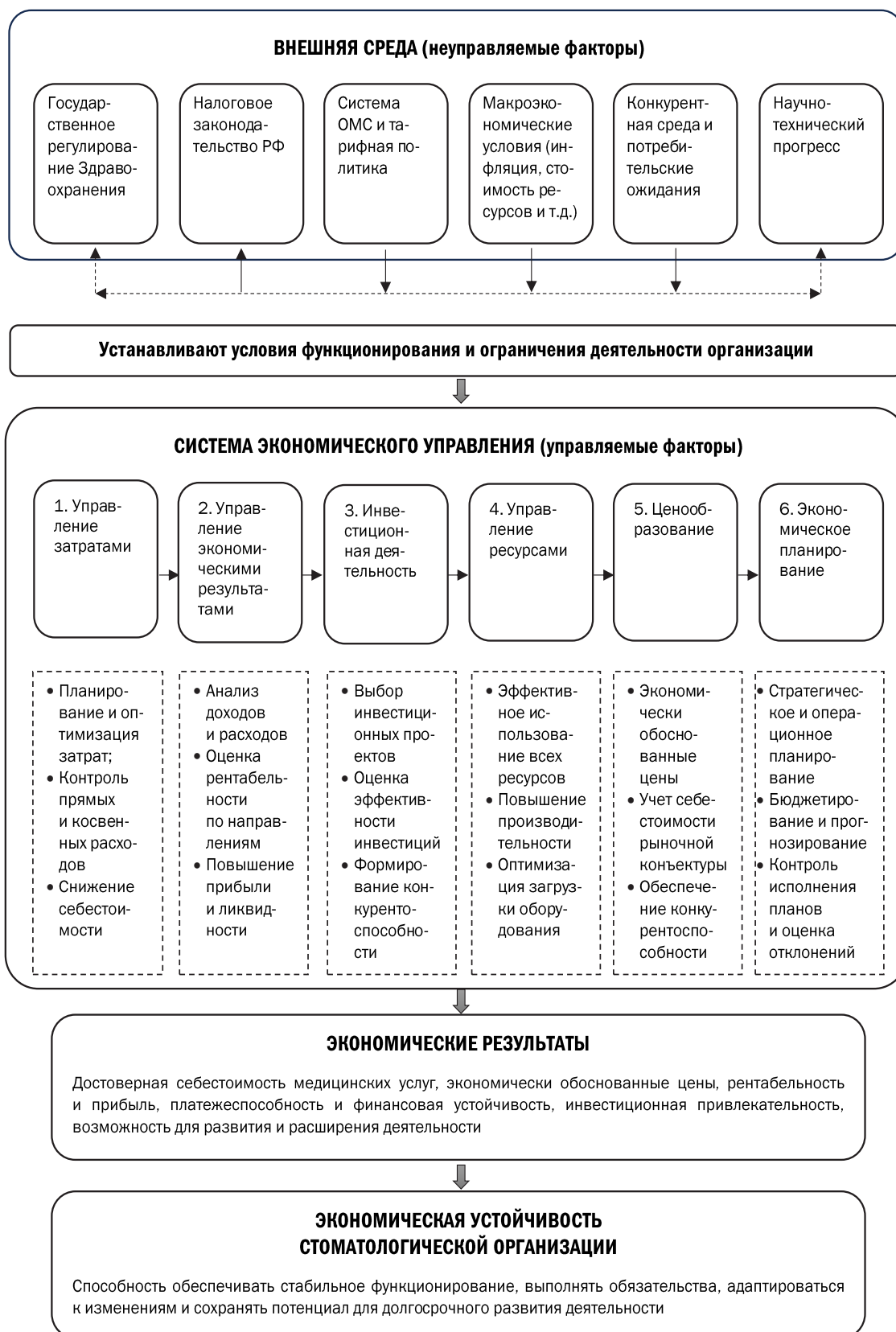

Рисунок 1. Авторская модель экономических факторов устойчивости стоматологии (составлено авторами на основе анализа источников)

Figure 1. Author's model of economic factors for the sustainability of dentistry (compiled by the authors based on an analysis of sources)

определяется качеством управленческого учета и точности расчета себестоимости услуг. Инвестиционная деятельность определяет возможности технологического развития стоматологии и требует комплексной оценки сроков окупаемости, прогнозируемой выручки, влияния себестоимости и производительности труда. Экономическая эффективность инвестиций во многом зависит от последующей загрузки оборудования и рациональности его использования. Рациональное использование ресурсов позволяет повысить эффективность деятельности без дополнительных капитальных вложений. Для стоматологических организаций, характеризующихся высокой долей постоянных расходов, особое значение имеет оптимальная загрузка персонала и оборудования, обеспечивающая снижение себестоимости и повышение рентабельности. Ценообразование непосредственно зависит от достоверности расчета себестоимости и корректного распределения прямых и косвенных расходов. Вместе с тем действующее законодательство Российской Федерации определяет общий состав прямых и косвенных расходов, но не содержит детализированных алгоритмов их распределения и расчета применительно к конкретной медицинской технологии или услуге. В настоящее время применяются два основных методических подхода к расчету стоимости медицинских услуг: Временная инструкция 1999 года по расчету стоимости медицинских услуг, разработанная на базе системы условных единиц трудоемкости [15], и Методические

рекомендации ЦЭКМП Минздрава России 2024 года, основанные на затратной модели расчета медицинской услуги и использовании технологических карт [16]. Несмотря на совершенствование нормативной базы, действующие документы не регламентируют порядок учета ряда затрат, имеющих существенное значение для стоматологической практики, что особенно затрудняет расчет себестоимости в небольших частных клиниках, не располагающих специализированными экономическими подразделениями. Экономическое планирование обеспечивает долгосрочную устойчивость стоматологии посредством бюджетирования, финансового прогнозирования, оценке инвестиционных решений и управления рисками. Однако в стоматологических клиниках стратегическое планирование нередко подменяется операционным управлением, что ограничивает возможности долгосрочного планирования.

Научная новизна исследования заключается в систематизации основных факторов устойчивости стоматологий, разработке их классификации и предложении авторской модели экономических факторов устойчивости, отражающей их взаимосвязь в единой системе экономического управления. Предложенная модель может использоваться в качестве методической основы при оценке экономической устойчивости, совершенствовании управленческого учета и разработке стратегических планов развития в стоматологических организациях.

Список источников

1. Леонтьев В. К. О состоянии стоматологии в России и перспективах ее развития (Часть I) // Институт стоматологии. 2006. № 4(33). С. 10–12. EDN MBWUNL.
2. Анализ экономических и клинических показателей медицинской организации при изменении макроэкономики на примере стоматологической клиники / Э. М. Зарипова, М. У. Хафизов, А. И. Зарипов [и др.] // Казанский экономический вестник. 2022. № 2(58). С. 27–35. EDN CPEAWC.
3. Робакидзе Н. С. Правовое поле стоматолога: итоги I Всероссийской междисциплинарной научно-практической конференции // Университетская стоматология и челюстно-лицевая хирургия. 2025. Т. 3, № 2. С. 79–83. DOI: 10.17816/uds685722. EDN ZNYYZF.
4. Маматкулова З. А., Павлова И. И. Экономические аспекты доступности стоматологических услуг // Стратегии устойчивого развития: социальные, экономические и юридические аспекты : материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 26 ноября 2025 года. Чебоксары : Издательский дом «Среда», 2025. С. 98–100. EDN XJCCBK.
5. Даванов С. Х., Намысов С. С., Эрдниева Э. В. Маркетинг в сфере стоматологических услуг // Социально-экономическое развитие регионов: новые вызовы, угрозы и пути их преодоления : материалы националь-

ной научно-практической конференции с международным участием, Элиста, 17 декабря 2024 года. Элиста : Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова, 2024. С. 14–20. EDN TKOLQR.

6. Данилов Е. О. Современные тенденции и проблемы разделения труда в стоматологии // Клиническая стоматология. 2020. № 4(96). С. 99–104. DOI: 10.37988/1811-153X_2020_4_99. EDN HRLMMV.

7. Шабанов А. О. Использование информационных технологий в оказании современной стоматологической помощи // Политика, экономика и инновации. 2025. № 1(60). URL: <https://pei-journal.ru/index.php/PEI/article/view/1285>.

8. Яшин С. Н., Авдеева И. Н., Алешина О. А. Методы управленческого консультирования стоматологических организаций для достижения целей устойчивого развития // Вестник Нижегородского университета имени Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 2(74). С. 66–74. DOI: 10.52452/18115942_2024_2_66. EDN LLIPQY.

9. Тишков Д. С. Экономический аспект частной стоматологии в 21 веке // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10, № 1(34). С. 337–341. DOI 10.26140/anie-2021-1001-0083. EDN DNUHEW.

10. Черковец М. В., Ордынская Е. В. Потенциал развития платных медицинских услуг для повышения доступности медицинской помощи в регионах России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2024. № 4(65). С. 95–116. DOI: 10.31737/22212264_2024_4_95-116. EDN YKUEGB.

11. Учайкина С. Ю., Фоломейкина Л. Н. Диагностика платных медицинских услуг в регионах Российской Федерации // Огарев-Online. 2022. № 2(171). URL: ogarev-online.ru/2311-2468/article/download/. EDN VSAHBM.

12. Дерен И. И., Шматкова В. В. Разработка модели государственной поддержки медицинской промышленности России как фактор развития отраслевой экономики // Modern Economy Success. 2026. № 3. С. 169–177. DOI: 10.58224/2500-3747-2026-3-169-177. EDN IDEWAP.

13. Ленская В. А., Марченко С. С. Перспективы развития методов управления в сфере здравоохранения // Современные проблемы инновационной экономики. 2024. № 11. С. 278–283. DOI: 10.52899/978-5-88303-710-7_278. EDN KORSGO.

14. Демьяненко С. Г., Забаева М. Н. Методологические основы расчета прямых расходов на оказание услуг в составе технологии стоматологической практики: наукометрический анализ и тренды // Вестник евразийской науки. 2025. Т. 17, № 2. URL: <https://esj.today/48ECVN225.html>. EDN WJZSST.

15. Инструкция по расчету стоимости медицинских услуг (временная) : Утверждена Министром здравоохранения Российской Федерации Ю. Л. Шевченко 10.11.1999 г. № 01-23/4-10 и Президентом Российской академии медицинских наук В. И. Покровским 10.11.1999 г. № 01-02/41 // НормативКонтур : официальный сайт. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=72875>) (дата обращения 28.06.26).

16. Методические рекомендации по калькуляции медуслуг : Утверждены приказом ФГБУ «ЦЭКМП» Минздрава России от 24 мая 2024 г. № 73-од // Гарант.ру : информационно-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/410731266> (дата запроса 30.06.26).

References

1. Leontiev V.K. On the state of dentistry in Russia and the prospects for its development (Part I). *Institut stomatologii = Institute of Dentistry*. 2006;(4(33)):10–12. (In Russ.). EDN MBWUNL.

2. Analysis of economic and clinical indicators of a medical organization with changing macroeconomics: the example of a dental clinic / E. M. Zaripova, M. U. Khafizov, A. I. Zaripov [et al.]. *Ka-zanskij e`konomicheskij vestnik = Kazan Economic Vestnik*. 2022;(2(58)):27–35. (In Russ.). EDN CPEAWC.

3. Robakidze N.S. Legal field of a dentist: results of the 1st All-Russian interdisciplinary scientific and practical conference. *Universitetskaya stomatologiya i chelyustno-licevaya xirurgiya = University dentistry and maxillofacial surgery*. 2025;3(2):79–83. (In Russ.). DOI: 10.17816/uds685722. EDN ZNYYZF.

4. Mamatkulova Z. A., Pavlova I. I. Economic aspects of the availability of dental services. *Strategii ustojchivogo razvitiya: social`ny`e, e`konomicheskie i yuridicheskie aspekty` : materialy` VII Vseros-sijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchasti-em, Cheboksary` , 26 noyabrya 2025 goda = Sustainable development strategies: social, economic and legal aspects: materials of the VII All-Russian scientific and practical conference with international participation, Cheboksary, November 26, 2025*. Cheboksary: Publishing house "Sreda"; 2025. P. 98–100. (In Russ.). EDN XJCCBK.

5. Davanov S. Kh., Namysov S. S., Erdnieva E. V. Marketing in the field of dental services. *Social`no-e`konomicheskoe razvitie regionov: novy`e vy`zovy`, ugrozy` i puti ix preodoleniya : materialy` nacional`-noj*

nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodny`m uchastiem, E`lista, 17 dekabrya 2024 goda = Socio-economic development of regions: new challenges, threats and ways to overcome them: materials of the national scientific and practical conference with international participation, Elista, December 17, 2024. Elista: Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov; 2024. P. 14–20. (In Russ.). EDN TKOLQR.

6. Danilov E. O. Modern trends and problems of the division of labor in dentistry. *Klinicheskaya stomatologiya = Clinical dentistry*. 2020;(4(96)):99–104. (In Russ.). DOI: 10.37988/1811-153X_2020_4_99. EDN HRLMMV.

7. Shabanov A. O. Use of information technologies in the provision of modern dental care. *Politika, e`konomika i in-novacii = Politics, Economics and Innovations*. 2025;(1(60)). (In Russ.). Available from: <https://pei-journal.ru/index.php/PEII/article/view/1285>. (In Russ.).

8. Yashin S. N., Avdeeva I. N., Aleshina O. A. Methods of management consulting of dental organizations to achieve sustainable development goals. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social`ny`e nauki = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Social Sciences*. 2024;(2(74)):66–74. (In Russ.). DOI: 10.52452/18115942_2024_2_66. EDN LLIPQY.

9. Tishkov D. S. Economic aspect of private dentistry in the 21st century. *Azimut nauchny`x issledovaniy: e`konomika i upravlenie = Azimuth of scientific research: economics and management*. 2021;10(1(34)):337–341. (In Russ.). DOI 10.26140/anie-2021-1001-0083. EDN DNUHEW.

10. Cherkovets M. V., Ordynskaya E. V. Potential for the Development of Paid Medical Services to Increase the Availability of Medical Care in the Regions of Russia. *Zhurnal Novoy e`konomicheskoy associacii = Journal of the New Economic Association*. 2024;(4(65)):95–116. (In Russ.). DOI: 10.31737/22212264_2024_4_95-116. EDN YKUEGB.

11. Uchaikina S. Yu., Folomeykina L. N. Diagnostics of paid medical services in the regions of the Russian Federation. *Ogarev-Online = Ogarev-Online*. 2022;(2)(171). (In Russ.). Available from: ogarev-online.ru/2311-2468/article/download/. (In Russ.). EDN VSAHBM.

12. Deren I. I., Shmatkova V. V. Development of a model of state support for the medical industry in Russia as a factor in the development of the industry economy. *Modern Economy Success = Modern Economy Success*. 2026;(3):169–177. (In Russ.). DOI: 10.58224/2500-3747-2026-3-169-177. EDN IDEWAP.

13. Lenskaya V. A., Marchenko S. S. Prospects for the Development of Management Methods in the Field of Healthcare. *Sovremenny`e problemy` innovacion-noj e`konomiki = Modern Problems of Innovative Economics*. 2024;(11):278–283. (In Russ.). DOI: 10.52899/978-5-88303-710-7_278. EDN KORSGO.

14. Demyanenko S. G., Zabaeva M. N. Methodological Foundations for Calculating Direct Costs of Providing Services as Part of Dental Practice Technology: Scientometric Analysis and Trends. *Vestnik evrazijskoj nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2025;17(2). (In Russ.). URL: <https://esj.today/48ECVN225.html>. EDN WJZSST.

15. Instructions for calculating the cost of medical services (temporary): Approved by the Minister of Health of the Russian Federation Yu. L. Shevchenko on 10.11.1999 No. 01-23/4-10 and by the President of the Russian Academy of Medical Sciences V. I. Pokrovsky on 10.11.1999 No. 01-02/41. NormativeKontur: official website. (In Russ.). Available from: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=72875> (date of access: June 28, 2026).

16. Methodological recommendations for the calculation of medical services: Approved by the order of the Federal State Budgetary Institution "Center for Expertise and Qualification of Medical Services" of the Ministry of Health of Russia dated May 24, 2024 No. 73-od. Garant.ru: information and legal portal. (In Russ.). Available from: <https://base.garant.ru/410731266> (request date 06/30/26).

Информация об авторах

И. И. Дерен — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин;

С. Г. Демьяненко — преподаватель кафедры экономики.

Information about the authors

I. I. Deren — Doctor of Science (Economics), Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines;

S. G. Demyanenko — lecturer of the Department of Economics.

Статья поступила в редакцию 27.08.2026; одобрена после рецензирования 18.09.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 27.08.2025; approved after reviewing 18.09.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 75–80
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):75–80

Научная статья

УДК: 334.7(470)

doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-75-80

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ФРАНЧАЙЗИНГА ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ АВТОТРАНСПОРТНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Татьяна Владимировна Матягина^{1✉}, Лариса Владимировна Ситникова²

^{1,2}Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия

¹matyaginatv@mail.ru✉

²s-larissa@yandex.ru

Аннотация. Сфера регионального пассажирского автотранспорта характеризуется высокой капиталоемкостью, жестким государственным регулированием и зависимостью от конкурсных процедур. В последние годы произошли значительные изменения в динамике рынка пассажирских автоперевозок. По мнению экспертов рынок перешел в стадию устойчивого сжатия. В результате этого организации-перевозчики столкнулись с комплексом сложных проблем, решение которых требует поиска новых моделей ведения бизнеса. Цифровые *travel-tech* платформы, франчайзинговые и партнерские модели в пассажирских перевозках создают для таких предприятий реальную возможность восстановления и роста. В статье рассматриваются особенности применения франчайзинга в пассажирских автоперевозках.

Ключевые слова: франчайзинг, пассажирские перевозки, стратегия развития, интеграция бизнеса

Для цитирования: Матягина Т. В., Ситникова Л. В. Особенности применения франчайзинга при реализации стратегии развития автотранспортного предприятия // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 75–80. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-75-80>.

Research article

FEATURES OF APPLYING FRANCHISING IN THE IMPLEMENTATION OF THE DEVELOPMENT STRATEGY OF A MOTOR TRANSPORT ENTERPRISE

Tatyana V. Matyagina^{1✉}, Larisa V. Sitnikova²

^{1,2}Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

¹matyaginatv@mail.ru✉

²s-larissa@yandex.ru

Abstract. The regional passenger transport sector is characterized by high capital intensity, strict government regulation, and dependence on competitive bidding. In recent years, significant changes have occurred in the dynamics of the passenger transport market. According to experts, the market has entered a stage of sustained contraction. As a result, carriers are faced with a range of complex issues, the solution to which requires the search for new business models. Digital travel-tech platforms, franchising, and partnership models in passenger transportation offer such enterprises a real opportunity for recovery and growth. This article examines the specifics of franchising in passenger transport.

Keywords: franchising, passenger transportation, development strategy, business integration

For citation: Matyagina T. V., Sitnikova L. V. Features of applying franchising in the implementation of the development strategy of a motor transport enterprise. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)):75–80. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-75-80>.

Уровень развития франчайзинга как института мягкой интеграции бизнеса наглядно прослеживается в статистике соответствующего рынка. Анализ показателей за 2022–2025 гг. свидетельствует о его устойчивом развитии (таблица 1). Динамика объемных показателей рынка остается положительной, хотя темпы роста по отдельным позициям сокращаются. Наблюдается рост объема рынка, количества франчайзинговых точек и числа брендов. Хорошо выражена тенденция роста доли компаний, выходящих на зарубежные рынки. Сохраняется на высоком уровне доля отечественных брендов. Постепенно увеличивается средний возраст франшиз. В целом динамика показателей российского рынка франчайзинга свидетельствует о его количественном и качественном росте.

В изменении структуры рынка по сферам бизнеса отмечается устойчивая тенденция роста доли франшизы в сфере услуг (за последние 4 года она выросла с 49 до 55 %). Высокая доля сервисных направлений объясняется стабильным спросом, сравнительно невысокими стартовыми затратами и возможностью быстрого масштабирования бизнеса. Немаловажную роль сыграл и тот факт, что действие внешнеполитических факторов на сферу услуг оказалось минимальным. Санкционное давле-

ние не только не повлияло на эту сферу, но открыло новые возможности для развития.

Значимым сегментом третичного сектора экономики — сферы услуг — являются пассажирские автоперевозки. Региональный рынок автобусных услуг долгое время оставался раздробленным, в каждом районе действовало несколько небольших частных перевозчиков.

Как показал анализ, многие региональные перевозчики столкнулись с рядом общих проблем: ужесточение отраслевых требований, чрезмерная зависимость от узкого круга государственных заказчиков; отсутствие цифровых каналов продаж; выбытие лизингового парка автотранспортных средств. Указанные проблемы усугубляются высоким уровнем конкуренции, сложившемся в силу большой раздробленности рынка, в сочетании с ограниченными возможностями укрепления рыночной позиции. Как следствие, сформировалась тенденция сокращения рынка пассажирских перевозок, как в целом в России, так и в отдельных регионах [5]. При этом аналитики отмечают изменение структуры рынка и постепенное вытеснение малого бизнеса более крупными компаниями.

С другой стороны усиливается процесс консолидации через объединение автопарков, расширение географии маршрутов и введение

Таблица 1. Показатели рынка франшизы в России за 2022–2025 гг. [1–4]

Показатель	Достигнутые значения на начало года			
	2023	2024	2025	2026
Оборот рынка франчайзинга, трлн руб.	2,78	3,18	3,72	3,81
Число франчайзинговых точек, тыс. шт.	80	100	200	550
Число франшиз (брендов)	3249	3 445	3860	4015
Число новых франшиз за год	400	320	500	200
Средний возраст франшиз, лет	5,04	5,8	6,4	7
Доля российских брендов, %	—	87	89	97
Занятость в сфере франчайзинга, млн чел.	1,24	1,38	1,45	1,46
Выход на зарубежные рынки, %	35,4	31	43	46

общих стандартов работы. Это создает благоприятные условия для применения договорных форм интеграции, в частности — франчайзинга, рассматриваемого в качестве одной из ключевых моделей интеграции бизнеса [6] (таблица 2).

Применение франчайзинга на рынке автобусных пассажирских перевозок имеет существенную отраслевую специфику, отличающую его от классических сфер использования этой модели. Главные особенности рассматриваемой сферы заключаются в следующем:

- высокая капиталоемкость бизнеса. Стоимость одного нового автобуса среднего класса в 2025–2026 гг. составляет 10–18 млн руб., а междугородного — до 25 млн руб. Это значит, что франчайзи не может стартовать с минимальными вложениями и нуждается в продуманных схемах лизинга и кредитования;

- жесткое регулирование со стороны государства. Деятельность по перевозке пассажиров автобусами регулируется Федеральным законом № 20-ФЗ «Об организации регулярных перевозок пассажиров и багажа автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом», Федеральным законом № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», а также многочисленными постановлениями Правительства Российской Федерации и нормативными актами Министерства транспорта Российской Федерации. Франчайзи обязан получить лицен-

зию и допуск на маршруты, а франчайзер должен предусмотреть в своей модели полную совместимость с этими требованиями;

- зависимость от транспортной инфраструктуры и расписаний. Маршрут автобуса не подлежит перемещению. Он закреплён конкурсной документацией и утверждён муниципальными властями. Результатом становится низкая мобильность франчайзи на рынке и повышенные требования к франчайзеру;

- значимость стандартов безопасности и качества обслуживания. Репутация бренда напрямую зависит от технического состояния автобусов, профессионализма водителей, соблюдения расписания, чистоты салонов;

- относительно длительные сроки окупаемости. В пассажирских перевозках типичный срок окупаемости составляет 3–5 лет за счёт высокой капиталоемкости. Это требует от франчайзера предлагать долгосрочные договоры (как правило, на 5–7 лет и более);

- сложность контроля операционной деятельности на расстоянии. Франчайзер не может в режиме реального времени видеть, как ведёт себя водитель на линии, поэтому решающую роль играют технические средства контроля: системы ГЛОНАСС/GPS-мониторинга, тахографы, видеорегистраторы, а также электронные системы продажи билетов [7].

С учётом перечисленных особенностей состав типового франшизного пакета для предприятия пассажирского автотранспорта вклю-

Таблица 2. Применимость видов франчайзинга в сфере пассажирских перевозок

Вид франчайзинга	Содержание	Применимость в автобусных перевозках
Товарный (продуктовый)	Право реализовывать товары франчайзера под его торговой маркой.	Низкая
Производственный	Передача технологии производства и права выпуска продукции под брендом франчайзера.	Неприменим
Сервисный (бизнес-формата)	Передача целостной модели ведения бизнеса: бренд, технологии обслуживания, стандарты, обучение персонала, методология ценообразования.	Высокая (основной вид для перевозок)
Конверсионный	Присоединение действующих независимых перевозчиков к существующей франшизной сети с принятием ее стандартов.	Высокая (для региональной экспансии)
Мастер-франчайзинг	Передача мастер-франчайзи права развивать сеть на определенной территории, в том числе заключать договоры с субфранчайзи.	Средняя (для крупных регионов)

чает значительно больший набор компонентов, чем в традиционных сферах применения франчайзинга (таблица 3). Особое значение имеют стандарты эксплуатации транспортных средств, единые подходы к обслуживанию пассажиров, цифровые инструменты управления перевозками, а также механизмы обучения персонала. Наличие комплексного пакета позволяет обеспечить единый уровень качества услуг на всей сети маршрутов.

Для франчайзера в сфере пассажирских перевозок преимущества модели включают:

- ускоренное расширение географии бизнеса без необходимости открытия собственных филиалов и масштабных капиталовложений;
- дополнительный доход в виде паушальных взносов и роялти;
- повышение узнаваемости бренда;
- перенос значительной части операционных рисков на партнеров;
- получение информации о новых региональных рынках через сеть.

Для франчайзи ключевые выгоды состоят в следующем:

- получение готовой, проверенной рынком модели ведения перевозок;

- снижение предпринимательского риска;
- поддержка при участии в конкурсах на право обслуживания маршрутов;
- экономия на маркетинге за счет работы под известным брендом;
- доступ к корпоративным условиям закупки топлива, запчастей, страховых полисов;
- помощь в подборе и обучении персонала.

При продуманном подходе к отбору участников соглашения франчайзинговое партнерство при определенных условиях становится не просто механизмом тиражирования, но позволяет создать новую усиленную модель ведения бизнеса. Ключевую роль здесь может сыграть оценка комплементарности потенциальных партнеров. В таблице 4 представлен пример матрицы комплементарности франчайзи (один из локальных автоперевозчиков) и одного из возможных франчайзера (ООО «КАРБАС», владельца бренда «АтласБас»).

Каждой ключевой проблеме компании локального перевозчика может быть сопоставлен конкретный инструмент или ресурс, способный обеспечить ее решение (таблица 5).

Сопоставление профилей франчайзера и франчайзи выявляет почти идеальную ком-

Таблица 3. Состав франшизного пакета для пассажирского перевозчика

Блок пакета	Содержание
Бренд и фирменный стиль	Право использования товарного знака; брендбук; правила оформления автобусов, остановочных пунктов, билетов, форменной одежды водителей и контролеров.
Производственные стандарты	Регламенты технического обслуживания и ремонта; нормативы расхода топлива; правила медицинского осмотра водителей; журналы предрейсового контроля; стандарты безопасности.
Технологии управления	Методики составления расписаний; системы учета пассажиропотока; правила тарификации и применения льгот; единая программа лояльности; формы взаимодействия с диспетчерской службой.
IT-инфраструктура	Доступ к единой системе ГЛОНАСС-мониторинга, программному обеспечению для продажи билетов (касса, мобильное приложение), CRM-системе для работы с пассажирами, бухгалтерским программам.
Обучение и поддержка	Программы обучения руководящего состава, водителей, диспетчеров, контролеров; стажировка на действующих маршрутах франчайзера; методическая поддержка по юридическим, кадровым и операционным вопросам.
Маркетинг	Маркетинговые материалы; стандарты работы с местными СМИ; шаблоны для социальных сетей; участие в федеральных рекламных кампаниях сети.
Юридическое сопровождение	Типовые формы договоров; консультации по участию в конкурсах на право обслуживания маршрутов; помощь в получении лицензий и разрешений.

Таблица 4. Матрица комплементарности компетенций франчайзера и франчайзи

Компетенция / ресурс	Франчайзи	Франчайзер
Лицензия и разрешительная база	Сильная сторона	Дефицит
Опыт эксплуатации перевозок	Сильная сторона	Дефицит
Маршрутные компетенции, бренд	Сильная сторона	Дефицит
Капитал для развития	Дефицит	Сильная сторона
Цифровые продажи и приложение	Дефицит	Сильная сторона
Динамическое ценообразование	Дефицит	Сильная сторона
Маркетинг и клиентский опыт	Зона развития	Сильная сторона

Таблица 5. Ресурсы франчайзингового пакета

Слабая сторона франчайзи	Решение, предоставляемое франчайзером
Отсутствие узнаваемого бренда	Известный бренд федерального уровня, мобильное приложение, фирменный стиль
Отсутствие собственной IT-инфраструктуры	Готовая IT-платформа (продажа билетов, GPS, аналитика, диспетчер)
Узкая клиентская база (преимущественно военкоматы)	Доступ к ~500 000 пассажиров сети в месяц через приложение и сайт
Нестабильность управленческих кадров	Стандартизированные процессы и регламенты, методическая поддержка партнера
Отсутствие средств на маркетинг	Маркетинговое продвижение включено в обслуживание сети, обмен опытом в закрытом клубе перевозчиков
Сложности с получением карточек маршрута	Юридическая помощь, в том числе по конкурсной документации
Узкая выручка по сегментам	Возможность выхода на новые межрегиональные маршруты
Кассовые разрывы, нехватка оборотных средств	Вывод выручки каждую декаду, что ускоряет оборачиваемость денежных средств и снижает кассовые разрывы

плементарность. Таким образом, партнерство строится по принципу взаимного усиления. Франчайзи получает доступ к цифровой платформе, федеральному бренду и инструментам динамического ценообразования, снимая ключевые барьеры — дефицит тех-

нологий и цифровых каналов продаж. Франчайзер получает лицензированного регионального партнера с опытом эксплуатации и разрешительной базой, обеспечивая расширение сети без собственных вложений в парк.

Список источников

1. Богомолов Ю. Аналитика рынка франшиз в России в 2025 году // BUSINESSMENS.RU сайт. URL: <https://businessmens.ru/franchise/article/franchayzing-prodemonstroval-ustoychivyy-rost>. Дата публикации: 24.04.2025.
2. Рынок франчайзинга в России. Итоги ежегодного исследования FRANSHISA.RU за 2023 год // FRANSHISA.RU : сайт. URL https://franshiza.ru/article/read/rynok_franchajzinga_rossii_oborot_rynka_i_zanyatost_osnovnye_cifry_za_2023_god/ (дата обращения: 26.08.2026).

3. Рынок франчайзинга в России. Итоги ежегодного исследования FRANSHISA.RU за 2024 год // FRANSHISA.RU : сайт. URL: https://franshiza.ru/article/read/issledovanie_rynka_franchajzinga_na_2025_god/ (дата обращения: 26.08.2026).

4. Статистика франчайзинга в России. Итоги ежегодного отраслевого исследования franshiza.ru за 2025 год // FRANSHISA.RU : сайт. URL: https://franshiza.ru/article/read/issledovanie_i_analiz_rynka_franchajzinga_v_rossii/ (дата обращения: 26.08.2026).

5. В сфере пассажирских автоперевозок идет консолидация // СКБ Контур : сайт. https://kontur.ru/press/news/82069-v_sfere_passazhirskix_perevozok_idet_konsolidaciya?ysclid=mt5tuy40ss708593099/. Дата публикации: 11.11.2025.

6. Рязанов А. А. Современные виды франчайзинга // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Экономика и управление. 2019. № 2(29). С. 87–93. DOI: 10.21777/2587-554X-2019-87-93.

7. Харитонов П. В. Влияние цифровой экономики на развитие транспортной отрасли // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2022. № 2(48). С. 101–105.

References

1. Bogomolov Y. Analytics of the franchise market in Russia in 2025. BUSINESSMENS.RU website. (In Russ.) Available from: <https://businessmens.ru/franchise/article/franchayzing-prodemonstroval-ustoychivyy-rost>. Publication date: 04.24.2025.

2. Franchising market in Russia. Results of the annual study FRANSHISA.RU for 2023. FRANSHISA.RU: website. URL https://franshiza.ru/article/read/rynok_franchajzinga_rossii_oborot_rynka_i_zanyatost_osnovnye_cifry_za_2023_god/ (date of access: August 26, 2026).

3. Franchising market in Russia. Results of the annual study FRANSHISA.RU for 2024. FRANSHISA.RU: website. (In Russ.) Available from: https://franshiza.ru/article/read/issledovanie_rynka_franchajzinga_na_2025_god/ (date of access: August 26, 2026).

4. Franchising statistics in Russia. Results of the annual industry research franshiza.ru for 2025. FRANSHISA.RU: website. (In Russ.) Available from: https://franshiza.ru/article/read/issledovanie_i_analiz_rynka_franchajzinga_v_rossii/ (date of access: August 26, 2026).

5. Consolidation is underway in the field of passenger road transportation. SKB Kontur: website. (In Russ.) Available from: https://kontur.ru/press/news/82069-v_sfere_passazhirskix_perevozok_idet_konsolidaciya?ysclid=mt5tuy40ss708593099/. Publication date: November 11, 2025.

6. Ryazanov A. A. Modern types of franchising. *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S. Yu. Vitte. E`konomika i upravlenie = Bulletin of Moscow University named after S. Yu. Witte. Economics and management.* 2019;(2(29)): 87–93. (In Russ.). DOI: 10.21777/2587-554X-2019-87-93.

7. Kharitonova P. V. The impact of the digital economy on the development of the transport industry. *Problemy` social`no-e`konomicheskogo razvitiya Sibiri = Problems of Socio-Economic Development of Siberia.* 2022;(2):101–105. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. В. Матягина — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики предпринимательства;

Л. В. Ситникова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики предпринимательства.

Information about the authors

T. V. Matyagina — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Entrepreneurship Economics;

L. V. Sitnikova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Entrepreneurship Economics.

Статья поступила в редакцию 27.08.2026; одобрена после рецензирования 18.09.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 27.08.2026; approved after reviewing 18.09.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 81–91
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):81–91

Научная статья

УДК 608:001.89:004.8:65.014

doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-81-91

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ И ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕТОДОВ ГЕНЕРАЦИИ ИДЕЙ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТЬЮ

Анна Александровна Стародубова¹, Динара Даниловна Исхакова^{2✉}

^{1,2}Казанский национальный исследовательский технологический университет, Казань, Россия

¹upfr-nk@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3257-0000>

²dina-iskhakova@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1131-1985>

Аннотация. Авторами установлено, что сотрудники российских предприятий 15 различных профессий и ОКВЭД при генерации идей используют: метод проб и ошибок — 48,5 %, мозговой штурм — 39,5 %, метод «Синектика» — 1,3%, метод ТРИЗ — 0,3 % респондентов. Метод «Дизайн-мышления» не применяет ни один из респондентов. В работе применялись такие методы исследования, как опрос (при помощи анкетирования 312 респондентов за 2019–2025 гг.), системный подход (включая методику И. Адизеса), группировка данных. Предложена авторская классификация методов генерации идей по критериям, характеризующим состав и организацию рабочей группы. Для повышения результативности и эффективности инновационной активности авторы предлагают применение в комплексе трех методов генерирования идей: ТРИЗ, «Синектики» и «Дизайн-мышления». Практическая ценность работы заключается в создании системы оценки, на основе которой предприятие сможет выбрать метод генерации идей и сформировать рабочую группу по правилам, которые позволят добиться результативности и эффективности идей, что в свою очередь отразится на повышении уровня инновационной активности на предприятии.

Ключевые слова: инновационная активность, генерация идей, группа, ТРИЗ, «Синектика», «Дизайн-мышление»

Для цитирования: Стародубова А. А., Исхакова Д. Д. Оценка результативности и эффективности методов генерации идей в системе управления инновационной активностью // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 81–91. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-81-91>.

Research article

EVALUATION OF THE PRODUCTIVITY AND EFFICIENCY OF METHODS OF GENERATING IDEAS IN THE INNOVATION ACTIVITY MANAGEMENT SYSTEM

Anna A. Starodubova¹, Dinara D. Iskhakova^{2✉}

^{1,2}Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia

¹upfr-nk@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3257-0000>

²dina-iskhakova@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-1131-1985>

Abstract. The authors found, that employees of Russian enterprises of 15 different professions and types of economic activity (socio-humanitarian, technical and natural scientific fields) use: trial and error method (minimum 1st level of innovativeness in solving problems according to G. Altshuller out of 5 possible)

48,5 %, brainstorming (2nd level) 39,5 %, the "Synectics" method (3rd level) — 1,3 %, the TRIZ method (5th level) — 0,3% of respondents. The respondents do not use the "Design Thinking" method. In the work, the authors used such research methods as: a survey (using a questionnaire of 312 respondents for 2019–2025), a systematic approach (including the method of I. Adizes), data grouping. The authors proposed a classification of methods for generating ideas according to criteria characterizing the composition and organization of the working group. To increase the productivity and effectiveness of innovation activity, the authors propose the use of three methods of generating ideas in a complex: TRIZ, "Synectics" and "Design Thinking". The practical value of the work lies in creating an assessment system. Based on it, the company will be able to choose a method of generating ideas and form a working group according to the rules for the productivity and effectiveness of the proposed ideas. The direction of future research is to conduct a correlation analysis between the applied methods of generating ideas and the results of innovation activity in enterprises, by type of economic activity.

Keywords: innovation activity, idea generation, group, TRIZ, «Synectics», «Design-thinking»

For citation: Starodubova A. A., Iskhakova D. D. Evaluation of the productivity and efficiency of methods of generating ideas in the innovation activity management system. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)):81–91. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-81-91>.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между стратегической значимостью инновационной активности для конкурентоспособности предприятий и низкой эффективностью применяемых на практике методов генерации идей. Результаты исследований *M. Tajpour, C. Franco, Z. Huang et al., A. Kianto, T. Yi, S. P. Gaur* показывают, что внедрение инновационного менеджмента во всех подразделениях предприятий позволяет создать устойчивую ценность и получить конкурентное преимущество [1–5].

A. Kianto, A. Dimitropoulou, L. Agostini и др. построили теоретическую модель, описывающую взаимодействие интеллектуального капитала и методов управления им для повышения эффективности предприятия [4–11]. *M. Tajpour* и др. изучали влияние управления инновациями на примере малых и средних предприятий [1, 7]. Работы *V. Pertuz, J. Tidd, S. Shah* и др. посвящены изучению связи вида экономической деятельности с эффективностью управления инновационной активностью на предприятии [7–9].

Литературный обзор показывает, что, несмотря на наличие широкого спектра методов (от мозгового штурма до ТРИЗ), большинство предприятий используют подходы, не учитывающие ни результативность получаемых решений, ни специфику организационных условий их применения.

Целью исследования является разработка способа проведения оценки результативно-

сти и эффективности методов генерации идей в системе управления инновационной активностью на предприятии.

Гипотеза исследования — на предприятиях по большинству видов экономической деятельности чаще используют метод генерации идей без учета его результативности и эффективности, в последствии это отрицательно влияет на систему управления инновационной активности.

Задачи исследования:

1) определить место метода генерации идей в системе методов управления инновационной активностью на предприятии по видам экономической деятельности;

2) определить название всех методов генерации идей, применяемых на предприятии и предложить их классификацию по авторским критериям — характеристик группы, которая должна быть сформирована для применения этого метода генерации идей;

3) предложить авторские критерии оценки метода генерации идей как одного из методов управления инновационной активностью на предприятии на основе составленной ранее классификации характеристик группы, которая должна быть сформирована для применения этого метода генерации идей;

4) оценить результативность и эффективность всех применяемых методов генерации идей на предприятии по предложенным выше критериям оценки.

На I этапе исследования сформирована структура системы управления инновационной активностью на предприятии. По мнению авторов данной статьи, этапы процесса управления инновационной активностью на предприятии, описанные в работах М. Леврика, а также Т. Брауна, больше подходят, чем этапы, предложенные в работе V. Pertuz [7, 10]. Далее нами были соотнесены этапы процесса управления инновационной активностью на предприятии, описанные в работах М. Леврика, Т. С. Брауна, с методами управления инновациями в работе V. Pertuz.

На II этапе исследования определены названия всех методов генерации идей, применяемых на предприятии (таблица 1) [10–12]. На основе разработанной анкеты проведено исследование. В электронном опросе участвовали 312 человек (граждане Российской Федерации (преимущественно Республика Татарстан) и Казахстана (г. Караганда)). Опрос проводился с 2019 по 2025 год. Возраст респондентов — с 1964 по 2006 год рождения. Среди указанных респондентов более чем 15 различных профессий и ОКВЭД. Для оценки максимального уровня решения, выбранного респондентами метода генерации идей, авторами данной статьи применялась классификация Г. С. Альтшуллера [13], а также группировка респондентов согласно «Теории поколений» У. Штрауса и Н. Хоува.

В таблице 2 представлена классификация методов генерации идей по авторским критериям — характеристикам группы, которая должна быть сформирована для применения этого метода [10–12].

На III этапе исследования, предложены критерии оценки метода генерации идей. Для отбора критериев оценки метода генерации идей применялся метод, основанный на понятии результативности и эффективности системы (организации), предложенный И. Адизесом и С. Бехтеревым [14–15]. На основе данных определений терминов результативности и эффективности, авторы смогли выделить семь критериев оценки методов генерации идей. Эти критерии сгруппированы по двум категориям, в зависимости от времени их действия: в краткосрочном периоде, в долгосрочном периоде. Каждый из них отвечает только за один

из периодов и только за результат или за эффективность системы.

На IV этапе исследования проведена оценка результативности и эффективности всех применяемых методов генерации идей на предприятии по предложенным критериям оценки на III-м этапе (таблица 3).

Согласно авторской системе управления инновационной активностью на предприятии методы генерации идей находятся в подсистеме. Для генерации идей также необходимы интеграция (мобилизация ресурсов). Для повышения результативности и эффективности методов генерации идей необходимо осваивать метод ТРИЗ 5-го уровня инновационности решений [13]. Данный метод генерации идей применяет только один из 312 опрошенных респондентов, он относится к поколению «X» (1964–1980 гг.) (таблица 1).

48,5 % опрошенных респондентов применяют «метод проб и ошибок», относящийся к первому уровню решения задач (непатентоспособный). Его больше всего применяет поколение «Z» (1997–2012 гг.) (таблица 1). Мозговой штурм применяют 39,5 % опрошенных среди всех поколений «X», «Y», «Z». Брейнрайтинг применяют 1,8 % опрошенных среди поколений «X», «Z». Синектику применяют 1,2 % опрошенных, только поколение «Z». Метод дизайн-мышления и метод М. Ташмена никто из опрошенных не применял.

Как видно из таблицы 3, среди методов генерации идеи 1-е место (по количеству максимальных оценок 6 из 7 возможных критериев) набрал ТРИЗ. Средние оценки ТРИЗ получил по критерию: количество реакций заинтересованных лиц во время процесса генерации идеи (то есть интеграция системы с подсистемами и надсистемой), уступая методу «Синектика» и занимая 2-е место. Причем средние оценки считаются приемлемыми (достаточными) для применения метода генерации идей. Поэтому, по мнению авторов, для большей результативности и эффективности метода генерации идей необходимо совместить три метода генерации идей в комплексе (ТРИЗ, синектику, дизайн-мышление).

Аналогичный вывод сделан в международном стандарте ISO 56000 «Инновационный менеджмент».

Таблица 1. Применение методов генерации идей в зависимости от поколений, согласно «Теории поколений» У. Штрауса и Н. Хоува

Методы генерации идей	Максимальный уровень решения	Количество ответов при применении метода генерации идей среди всех ответов участников	Удельный вес применяемого метода генерации идей среди всех ответов участников, %	Поколение, согласно "Теории поколений" У. Штрауса и Н. Хоува					
				Поколение «Х» (1964 г. – 1980 г.)		Поколение «Y» (1981 г. – 1996 г.)		Поколение «Z» (1997 г. – 2012 г.)	
				Количество ответов	Удельный вес метода генерации идей среди всех ответов участников, %	Количество ответов	Удельный вес метода генерации идей среди всех ответов участников, %	Количество ответов	Удельный вес метода генерации идей среди всех ответов участников, %
Метод проб и ошибок	1	162	48,5	2	13	18	39	142	52
Ассоциаций	2	7	2,1	1	7	1	2	5	2
SCAMPER	2	3	0,9	0	0	1	2	2	1
Ящик идей	2	1	0,3	0	0	0	0	1	0,4
Другая точка зрения	2	9	2,7	1	7	1	2	7	3
Мозговой штурм	2	132	39,5	7	47	22	48	103	38
Брейнрайтинг	2	6	1,8	1	7	0	0	5	2
Синектика	3	4	1,2	0	0	0	0	4	1
Форсайт	4	1	0,3	1	7	0	0	0	0
Функциональный анализ (часть ТРИЗ)	4	2	0,6	1	7	1	2	0	0
ТРИЗ (АРИЗ)	5	1	0,3	1	7	0	0	0	0
Всего ответов		334	100	15	100	46	100	273	100

Таблица 2. Классификация методов генерации идей по характеристикам группы, которая должна применять этот метод

Методы						
Мозговой штурм	«Метод 635»	Синектика	Дизайн-мышление	ТРИЗ	Метод М. Ташмена	
					Прорывные (радикальные) инновации на долгосрочный период	Постепенные инновации на краткосрочный период
1	2	3	4	5	6	7
Количество участников						
$\min 2, \max \infty$	6	$\min 5, \max 7$	$\min 5, \max 7$	$\min 1, \max \infty$	Небольшое количество (не уточняется)	
Источник пополнения участников						
Сотрудники внутри фирмы-клиента	Сотрудники внутри фирмы-клиента	Выбор 1 из 2: 1) сотрудники внутри фирмы-клиента; 2) консультанты сторонней фирмы и кто-то из сотрудников внутри фирмы-клиента	Консультанты сторонней фирмы	Выбор 1 из 2: 1) сотрудники внутри фирмы-клиента; 2) консультанты сторонней фирмы и кто-то из сотрудников внутри фирмы-клиента	Сотрудники внутри фирмы-клиента	
Постоянство						
Непостоянны, меняются	Непостоянны, меняются	Постоянны	Постоянны	Постоянны	Непостоянны, меняются	
Отбор участников для решения задач						
Нет	Нет	Да (беседа с каждым от 6 до 10 ч.), группа формируется за 1 год	Да	Да	Нет	
Подготовка участников для решения задач						
Нет	Нет	Да	Да	Да	Нет	
Возраст участников						
Разный	Разный	25–40 лет	Разный	Разный	Разный (возглавляет зрелый — выше контроль, большинство молодые — гибче). Чем больше демографические различия, тем больше конфликтов.	

Продолжение таблицы 2

Методы						
1	2	3	4	5	6	7
Образование участников						
Не важно	Не важно	Важно. Многодисциплинарность (несколько образований, опыт в разных сферах). Дополняют друг друга (их образование и увлечения не повторяются). При необходимости, на каждой сессии — 2–3 «сторонних» специалиста по проблеме.	Важно. Многодисциплинарность (несколько образований, опыт в разных сферах).	Важно. Многодисциплинарность (несколько образований, опыт в разных сферах). При необходимости, на каждой сессии — 2–3 «сторонних» специалиста по проблеме.	Не важно	
Распределение ролей для интеграции системы (с подсистемами и надсистемой)						
Нет. Каждый участник одновременно и критик, и генератор идей. Один из участников — постоянный руководитель	Нет. Каждый участник одновременно и критик, и генератор идей. Один из участников — постоянный руководитель	Да. Баланс генераторов идей и критиков. Психологическая совместимость. Роли: 1) клиент — излагает проблему, оценивает идеи; 2) фасилитатор — ведет процесс, создает и защищает климат; 3) участники — решают проблему, становясь либо генератором, либо критиком, каждый может быть временным руководителем	Да. Баланс дивергентов (генераторов идей) и конвергентов (критиков). Роли: 1) психолог (дивергенты); 2) продюсер — один из участников — постоянный руководитель (конвергент); 3) исследователь (дивергент); 4) инженер (дивергент и конвергент); 5) визуализатор (конвергент)	«Клиент» должен почувствовать, что играет активную роль в решении, так как будет его реализовывать. Иначе не будут внедрены эти решения. Команда ТРИЗ-исследователи направляет его. Исследователи либо генераторы, либо критики, один из них руководитель	Нет распределенных ролей в группе. Каждый участник группы одновременно и критик, и генератор идей. Один из участников группы (самый старший) — руководитель	

Продолжение таблицы 2

Методы						
1	2	3	4	5	6	7
Местонахождение						
В процессе генерации и выбора идей — в отдельном помещении фирмы-клиента. Нет наблюдения за местом проблемы клиента	В процессе генерации и выбора идей — в отдельном помещении и фирмы-клиента. Нет наблюдения за местом проблемы клиента	В процессе генерации и выбора идей – в отдельном помещении или фирмы-клиента или в фирме-консультанта. Очное наблюдение в месте проблемы клиента	В процессе генерации и выбора идей, создании прототипов – в отдельном помещении в фирме-консультанта. Очное наблюдение в месте проблемы клиента, там же при тестировании	В процессе генерации и выбора идей – в отдельном помещении или фирмы-клиента, за ее территорией (но не на месте проблемы). Очное наблюдение в месте проблемы клиента	Отдельное помещение по-дальше от главного офиса (заказчика). Нет наблюдения за местом проблемы клиента	Внутри уже существующей организации, для наблюдения за местом проблемы клиента
Кто ставит задачу?						
Клиент/заказчик	Клиент/заказчик	Клиент/заказчик, затем формулирует группа	Клиент/заказчик, затем формулирует группа	Клиент/заказчик, затем формулирует группа	Клиент/заказчик	
Для решения: уровень системы контроля, соблюдение очередности, наличие и применение стандартов						
Контроль минимальный. Нет стандартов	Контроль средний. Нет стандартов	Контроль средний. Нет стандартов	Контроль средний. Нет стандартов	Контроль высокий. Есть стандарты	Контроль средний. Нет стандартов	
Уровень инновационности решения						
max 2-й уровень из 5	max 2-й уровень из 5	max 3-й уровень из 5	max 3-й уровень из 5	max 5-й уровень из 5	max 2-й уровень из 5	
Проактивное предвидение трендов						
Реактивная стратегия	Реактивная стратегия	Проактивная стратегия (количество нестандартных идей — тренды в будущем)	Проактивная стратегия (количество нестандартных идей — тренды в будущем)	Проактивная стратегия (количество нестандартных идей — тренды в будущем)	Реактивная стратегия чередуется с проактивной стратегией	
Эволюция решения						
Нет	Нет	Нет	Нет	Есть	Нет	

Окончание таблицы 2

Методы						
1	2	3	4	5	6	7
Количество прототипов						
Нет	Нет	Нет	<i>max</i> количество прототипов	Среднее (должно выполняться условие: <i>min</i> себестоимости ресурсов с <i>max</i> их ассортиментом)	Нет	
Степень удовлетворенности потребностей клиента						
Не определяется	Не определяется	<i>max</i>	<i>max</i>	<i>max</i>	Не определяется	
Количество поданных заявок на результаты интеллектуальной собственности						
Нет	Нет	Среднее	<i>min</i>	<i>max</i>	<i>min</i>	

Гипотеза исследования подтвердилась данными, полученными в таблицах 1 и 3. На предприятиях по большинству видов экономической деятельности чаще используют метод генерации идей без учета его результативности и эффективности, что в последствии отрицательно влияет на систему управления инновационной активности. Научная новизна исследования заключается в разработке авторской методики оценки результативности и эффективности методов генерации идей в системе управления инновационной активностью предприятия. В отличие от существующих подходов, ограничивающихся только перечислением методов или их соотносением с этапами инновационного процесса, предложенная методика базируется на: классификации методов генерации идей по характеристикам рабочей группы; системе критериев оценки, построенной на функциональной модели И. Адизеса и С. Бехтерева; эмпирической верификации на выборке из 312 респондентов с соотносением к определенной группе поколения.

Отличия предложенной методики от работ других авторов заключаются в следующем: исследования V. Pertuz и J. Tidd выявляют применяемые методы управления инновациями

и их связь с отраслевой принадлежностью, а предложенная методика в данной статье фокусируется на внутренних характеристиках самой генерационной группы; работы L. Agostini и A. Kianto изучают влияние интеллектуального капитала на инновационную эффективность в целом, в то время как данное исследование выделяет генерацию идей как самостоятельный объект оценки со своими критериями; по сравнению с классификацией уровней инновационности решений Г. Альтшуллера (в которой оцениваются только результаты методов генерации идей), авторы данной статьи предложили классификацию, дополненную оценкой эффективности методов генерации идей (зависят от характеристик группы генерирующей идеи), что позволяет подбирать метод генерации под конкретные организационные условия.

Общее в данном исследовании с работами других авторов: подтверждение тезиса о доминировании низко результативных и не эффективных методов генерации идей в практике предприятий, что согласуется с выводами V. Pertuz; согласие с позицией J. Tidd о том, что универсальных методов управления инновациями не существует и их выбор должен быть

Таблица 3. Оценка результативности и эффективности методов генерации идей на предприятии

Метод генерации идей	Критерии оценки						
	Краткосрочный период			Долгосрочный период			
	Результативность		Эффективность		Результативность		Эффективность
	Удовлетворение потребностей (требований) потребителей на достаточном уровне (для обеспечения главной полезной функции)	Патентоспособность идеи на основе промышленной применимости	Работающий процесс генерации идеи (высокий уровень системы контроля за решением, соблюдение очередности этапов решения)	Наличие и приращение стандартов для решения задач	Патентоспособность идеи на основе высокого изобретательского уровня	Патентоспособность идеи на основе обладания новизной (т. е. проактивное предвидение трендов, эволюция решения задачи, прогноз будущего роста)	Количество реализованных заинтересованных лиц во время процесса генерации идеи (т. е. интеграция системы с подсистемами и надсистемой)
Мозговой штурм	—	—	min	—	min	—	—
«Метод 635»	—	—	min	—	min	—	—
Синектика	max	сред	сред	—	сред	min	max
Дизайн-мышление	max	сред	сред	—	сред	min	сред
ТРИЗ	max	max	max	max	max	max	сред
Метод М. Ташмена	—	сред	сред	—	min	min	—

избирательным с учетом контекста; подход к оценке инновационной деятельности через разделение на результативность и эффективность, что перекликается с работами И. Адизеса, хотя в его исследованиях эти категории применялись к более широкому понятию «Управление изменениями»; поддержка рекомендаций международного стандарта ISO 56000 о целесообразности комплексного применения ТРИЗ, «Синектики» и «Дизайн-мышления», что подтверждено результатами оценки по авторским критериям.

Практическая значимость исследования заключается в том, что предложенная методика позволяет: проводить оценку фактически применяемых методов генерации идей на предприятии, с выявлением их соответствия критериям результативности и эффективности; обоснованно выбирать метод генерации идей (или их комбинацию) с учетом характеристик имею-

щейся рабочей группы; определять компетентность сотрудников, в частности, выявлять необходимость обучения и применения методов генерации.

Перспектива данного исследования заключается в дальнейшем изучении: результативности и эффективности остальных методов инновационной активности на предприятии (кроме методов генерации идей); результативности и эффективности методов генерации идей по отдельным видам экономической деятельности, субъектам Российской Федерации, отдельным странам; корреляционного анализа уровня инновационной активности предприятия с применяемыми методами генерации идей.

В будущем авторами планируется рассмотреть возможности применения передовых технологий для перехода к результативным и эффективным методам генерации идей на всех уровнях предприятия.

Список источников

1. Tajpour M., Dekamini F., SafarMohammadluo S. et al. The impact of innovation management on the sustainability of small and medium enterprises with the role of entrepreneurship mediation // *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2025. Vol. 21. P. 1–19.
2. Franco C., Landini F. Organizational drivers of innovation: The role of workforce agility// *Research Policy*. 2022. Vol. 51, No. 2. P. 104423.
3. The role of leadership in collective creativity and innovation: Examining academic research and development environments / Z. Huang, S. Sindakis, S. Aggarwal, L. Thomas // *Frontiers in psychology*. 2022. Vol. 13. 1060412.
4. Yi T., Dong Y., Li J. Promoting Employee Creativity: Unveiling the Impact of Innovative Management Techniques From a Multi Factor Perspective // *R&D Management*. 2026. Vol. 56, No. 1. P. 134–152.
5. Gaur S. P. Imperatives for Organizational Leadership: Creativity and Innovation // *Organizational Dynamics in India: Rethinking Systemic Issues in Global Environments*. Singapore: Springer Nature Singapore, 2026. P. 95–115.
6. Dimitropoulou, A., Giotopoulos, I., Protogerou, A. et al. Does the innovativeness of creative firms help their business clients to innovate? // *J Technol Transf*. 2023. Vol. 48. P. 1–32.
7. Pertuz V., Perez A. Innovation management practices: review and guidance for future research in SMEs// *Management Review Quarterly*. 2021. Vol. 71, No. 1. P. 177–213.
8. Tidd J., Thuriaux Alemán B. Innovation management practices: cross-sectional adoption, variation, and effectiveness // *R&D Management*. 2016. No. 46(S3), P. 1024–1043.
9. Shah S. M. A. et al. Leadership for Innovation: Fostering the Culture of Creativity in Organization: A Systematic Literature Review // *Journal of Asian Development Studies*. 2025. Vol. 14, No. 2. P. 945–957.
10. Леврик М., Линк П., Лейфер Л. Дизайн-мышление. От инсайда к новым продуктам и рынкам, Санкт-Петербург : Питер, 2020. 320 с.
11. Ташмен М. Победить с помощью инноваций. Практическое руководство по управлению организационными изменениями и обновлениями, Москва : Альпина Диджитал, 2002. 310 с.
12. George M. Prince The Practice of Creativity: A Manual for Dynamic Group Problem-Solving, Vermont : Echo Point Books & Media, LLC, 2012. 272 p.
13. Альтшуллер Г. С. Уровни решений задач // *Найти идею*. 3-е изд., дополн. Петрозаводск : Скандинавия, 2003. С. 49–54.
14. Адизес И. Стили менеджмента: эффективные и неэффективные. Москва : Альпина Пабlishер, 2023. 267 с.
15. Бехтерев С. В., Бехтерева В. В. Спиральная динамика для бизнеса. Москва : Эксмо, 2025. 558 с.

References

1. Tajpour M., Dekamini F., SafarMohammadluo S. et al. The impact of innovation management on the sustainability of small and medium enterprises with the role of entrepreneurship mediation. *International Entrepreneurship and Management Journal*. 2025;21:1–19.
2. Franco C., Landini F. Organizational drivers of innovation: The role of workforce agility. *Research Policy*. 2022;51(2):104423.
3. Huang Z., Sindakis S., Aggarwal S., Thomas L. The role of leadership in collective creativity and innovation: Examining academic research and development environments. *Frontiers in psychology*. 2022;13:1060412.
4. Yi T., Dong Y., Li J. Promoting Employee Creativity: Unveiling the Impact of Innovative Management Techniques From a Multi Factor Perspective. *R&D Management*. 2026;56(1):134–152.
5. Gaur S. P. Imperatives for Organizational Leadership: Creativity and Innovation. *Organizational Dynamics in India: Rethinking Systemic Issues in Global Environments*. Singapore: Springer Nature Singapore; 2026. P. 95–115.
6. Dimitropoulou, A., Giotopoulos, I., Protogerou, A. et al. Does the innovativeness of creative firms help their business clients to innovate? *J Technol Transf*. 2023;48:1–32.
7. Pertuz V., Perez A. Innovation management practices: review and guidance for future research in SMEs. *Management Review Quarterly*. 2021;71(1):177–213.
8. Tidd J., Thuriaux Alemán B. Innovation management practices: cross-sectional adoption, variation, and effectiveness. *R&D Management*. 2016;(46(S3)):1024–1043.
9. Shah S. M. A. et al. Leadership for Innovation: Fostering the Culture of Creativity in Organization: A Systematic Literature Review. *Journal of Asian Development Studies*. 2025;14(2):945–957.
10. Levrik M., Link P., Leifer L. Design Thinking. From Insights to New Products and Markets, St. Petersburg: Piter; 2020. 320 p. (In Russ.).
11. Tushman M. Winning Through Innovation. A Practical Guide to Managing Organizational Change and Renewal, Moscow: Alpina Digital; 2002. 310 p. (In Russ.).
12. George M. Prince The Practice of Creativity: A Manual for Dynamic Group Problem-Solving, Vermont: Echo Point Books & Media, LLC; 2012. 272 p.
13. Altshuller G.S. Levels of Problem Solving. Find an Idea. 3rd ed., supplemented. Petrozavodsk: Scandinavia; 2003. P. 49–54. (In Russ.).
14. Adizes I. Management Styles: Effective and Ineffective. Moscow: Alpina Publisher; 2023. 267 p. (In Russ.).
15. Bekhterev S.V., Bekhtereva V.V. Spiral Dynamics for Business. Moscow: Eksmo; 2025. 558 p. (In Russ.).

Информация об авторах

А. А. Стародубова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры инноватики в химической технологии;

Д. Д. Исхакова — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры инноватики в химической технологии.

Information about the authors

A. A. Starodubova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Innovation in Chemical Technology;

D. D. Iskhakova — Candidate of Science (Pedagogy), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Innovation in Chemical Technology.

Статья поступила в редакцию 08.06.2025; одобрена после рецензирования 23.07.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 08.06.2025; approved after reviewing 23.07.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 91–100
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):91–100

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Научная статья

УДК 316.4(470.57)

doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-91-100

СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА И СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Виктор Николаевич Антошкин

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

Vicant21@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4318-1871>

Аннотация. В статье раскрывается взаимосвязь процессов социальной динамики на уровне макро-социума и процессов социальной мобильности личности и социальных групп. Предложена классификация видов социальной мобильности. Обоснована необходимость разработки на уровне российского государства и регионов социальных механизмов и технологий интенсификации социальной мобильности и прогрессивной социальной динамики. Приводятся результаты региональных социологических исследований.

Ключевые слова: социальная динамика, социальные изменения, социальная мобильность, социотипы, экономическая и профессионально-трудовая мобильность, безработица, трудовой ресурс

Для цитирования: Антошкин В. Н. Социальная динамика и социальная мобильность в современном обществе: региональные исследования // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 91–100. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-91-100>.

REGIONAL ECONOMY

Research article

SOCIAL DYNAMICS AND SOCIAL MOBILITY IN MODERN SOCIETY: REGIONAL STUDIES

Viktor N. Antoshkin

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, Vicant21@gmail.com,

<https://orcid.org/0000-0002-4318-1871>

Abstract. This article explores the relationship between social dynamics at the macro-society level and the social mobility of individuals and social groups. A classification of types of social mobility is proposed. The need to develop social mechanisms and technologies for enhancing social mobility and progressive social dynamics at the national and regional levels is substantiated. The results of regional sociological studies are presented.

Keywords: social dynamics, social change, social mobility, sociotypes, economic and professional-labor mobility, unemployment, labor force

For citation: Antoshkin V. N. Social dynamics and social mobility in modern society: regional studies. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;3(72):91–100. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-91-100>.

Актуальность исследования проблемы социальной динамики обусловлена прежде всего тем обстоятельством, что современная Россия является маломобильным обществом. Так, в территориальном и профессиональном разрезе значительная часть российского населения стремится переехать не просто в города-миллионники, но прежде всего в Москву, рассматривая такую миграцию как единственное средство обеспечения богатой и успешной жизни. Есть и совокупность российских граждан, которые ориентируются на иностранные государства, в первую очередь европейские. Оба варианта представляют модель вертикальной восходящей социальной мобильности. В стране слабо развиты горизонтальные структуры коммуникации и социальных связей, явно недостаточно используется потенциал горизонтальной социальной мобильности. Данное положение усугубляется тем, что в условиях геополитической борьбы и вызовов, государственная элита выбрала курс на суверенитет, самоизоляцию и импортозамещение. В итоге к концу третьего десятилетия XXI в. сложилась парадоксальная ситуация, когда российское общество стало более закрытым, в сравнении с советским обществом 1970–1980 х гг. Россиянам стало сложнее «выбиться вверх» — доля людей, которым удалось перейти в более высокую доходную группу, в 2022 году упала до минимума за 20 лет [1]. В определенной мере индекс социальной мобильности уменьшился в сравнении с позднесоветскими временами, когда партийная элита руководила процессом организованной социальной мобильности, что позволяло несколько снизить дефицит трудовых ресурсов в разных регионах СССР.

В статье использованы результаты социологического исследования жителей Республики Башкортостан ($n = 1000$, 2023), а также опрос студентов Уфимского университета науки и технологий ($n = 334$, 2024). Данные опросы проведены социологами Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук под руководством Ф. С. Файзуллина.

Социальную динамику автор данной статьи интерпретирует как социальные изменения

на уровне общества в целом, его социальных институтов и социальной структуры. Социальная мобильность понимается как изменение социального статуса личности или общности. Поскольку высшие уровни общества влияют на средние и низшие уровни, то очевидной становится взаимосвязь понятий «социальная динамика» и «социальная мобильность».

Понятие «социальная динамика» соотносится с понятием «социальные процессы». Социальная динамика и социальные изменения представляют собой содержательную сторону социальных процессов, выраженную в количественных и качественных показателях. В любом социальном процессе можно выявить те или иные социальные изменения, значит, анализ социальных процессов подразумевает и анализ происходящей социальной динамики. В динамике социальных процессов общества можно выделить объективные процессы, которые определяются направлением вектора мирового цивилизационного процесса. Здесь можно отметить конвергенцию, интернационализацию, глобализацию, взаимоприспособление и взаимозависимость социально дивергентных систем на основе развития устойчивых связей и отношений между ними. Кроме того, существует естественное стремление обществ к саморазвитию, самосовершенствованию. Радикальные преобразования в России 1990-х гг. привели к ликвидации структур социальной жизни, которые характеризовали общество закрытого типа и переходу к формированию общества гибких, динамичных структур и множественных социальных связей.

Социальная динамика может носить прогрессивный либо регрессивный характер. Следовательно, направленность социальной динамики оказывает непосредственное воздействие на процессы социальной мобильности личности, социальных групп, организаций, регионов. Однако несмотря на то, что личность и отдельные общности в целом находятся в подчиненном положении по отношению к государству, обществу в целом, они способны оказывать обратное влияние на социально-динамические процессы. Целый ряд философско-социологических концепций и парадигм отражают диалектическую взаимосвязь социальной динамики на уровнях макро- и микросоциума.

В психолого-эволюционистских концепциях (Л. Уорд) социальная динамика основана на сознательной деятельности людей, а основной фактор общественного развития — государство как фактор интернационального единства. Другой представитель этого направления — Ф. Гиддингс разделял класс личностей, жизненные классы и социальные классы. Жизненные классы он понимал как социальные подструктуры, образующиеся на основе врожденных задатков и способностей людей, которые выступают одной из движущих сил социальных перемещений. Кроме того, Ф. Гиддингс в качестве фактора социальной динамики выделяет коллективное сознание (сознание рода или общества в целом) во взаимодействии с объективно-физическими силами природной и социальной среды [2, с. 66–81].

М. Крозье раскрывал процесс социальных перемен такими терминами как «повторение», «чередование», «циклы стабильности и трансформации в более или менее замкнутых системах». Р. Мертон ввел понятие дисфункций и восстановление функционального равновесия в результате социальных передвижений. Американский социолог У. Мур разработал концепцию, представляющую социальные изменения как изменения социальных структур — моделей социального действия и социальной интеграции. Последствия этих изменений проявляются в нормах, ценностях, культурных элементах, символах [2, с. 174–183].

У. Огборн разработал теорию отставания культуры и идеологии от экономики. Эта теория частично подтвердилась в России в 1990-е гг., когда страна довольно быстро провела рыночные радикальные реформы, но при этом население во многом осталось приверженным традиционным ценностям и менталитету дорыночного общества. В дальнейшем это стало причиной формирования механизма торможения реформ и переходу к контрреформам 2000-х гг.

Концепция действия в динамической социологии А. Турена называет основное противоречие постиндустриального общества Запада — отношения между технократами и профессионалами. Под технократами А. Турен понимает современный господствующий класс, контролирующий институты власти и управления, ре-

гулирующий социальные передвижения, под профессионалами — научно-техническую интеллигенцию. Рабочий класс, вопреки учению марксизма, занимает нейтральную позицию в социальной динамике [3, с. 290].

П. Блау в системе стратификации выделил две устойчивые категории людей и две неустойчивые. Последние делятся на продвигающихся вверх и продвигающихся вниз. Он обнаружил, что имеющие устойчиво высокие и низкие статусы в большей степени интегрированы в свое сообщество и находятся в безопасности, две другие находятся в пограничном положении. Как видим, маргинальность также выступает фактором социальной мобильности. К тому же продвигающиеся вверх больше всего беспокоятся о своем статусе. Восходящая мобильность заставляет индивидов принимать даже большие обязательства, то есть приспосабливаться к ценностям и нормам более высокого уровня, чем требуется в повседневной жизни того слоя, куда они вошли.

Связь между социальным неравенством и социальной мобильностью обнаружена в социологии давно. Экономист М. Корак (2013) обосновал: чем выше уровень социального неравенства в обществе, тем теснее связь между доходами родителей и детей. Иными словами, снижение индекса социального неравенства увеличивает межпоколенческую мобильность.

Скрытая структура общества представлена социотипами и интертипными отношениями. Причем уровень анализа может быть связан со сложными социотипами или с элементарными типами, которые являются своеобразными кирпичиками обобщенных социальных категорий людей. В частности, на уровне анализа элементарных типов рациональные социотипы «представляют базу стабильности в любом обществе, так как тяготеют к дисциплине и порядку, плохо себя чувствуют в обстановке хаоса и неуправляемости. Иррационалы же, наоборот, быстро увлекаются, склонны к переменам взглядов и занятий, но надолго их интереса не хватает» [4, с. 36]. Вторая важная шкала — эволюция/инволюция. Социотипы-эволюторы склонны к плавному и постепенному, а инволюторы — к скачкообразному разви-

тию и отличаются большей стрессоустойчивостью к социальным переменам [5, с. 32–33]. Также экстраверт, в отличие от интроверта, в социуме отличается расширительной, экспансивной тенденцией, имеет большее влияние на социальное развитие. Интроверту же грозит замыкание в собственных пределах, нечувствительность к новым веяниям [5, с. 33]. И, наконец, еще одна полярность — динамика/статика. «Динамики более сильны в начале какой-либо деятельности, а статичны — в завершении. В процессе деятельности динамических социотипов происходит непрерывная корректировка направленности. Преобладание динамиков делает любую человеческую группу нестабильной, склонной к перманентным изменениям и очень чувствительной к посторонним вмешательствам. Группа с преобладанием статических социотипов более устойчива, но в тоже время и более консервативна» [6, с. 8–24]. Нетрудно заметить, что основными драйверами развития и мобильности выступают вполне определенные категории социальных типов личности. Так что основой для профессиональной дифференциации выступает социально-личностная и типологическая, а не половозрастная структура общества.

Основатель социоанализа — Виктор Гуленко — первым обосновал закон сменяемости профессиональных групп социотипов. Исторические факты показывают, что социальная динамика начинается с научного открытия (группа «Исследователи», ученые). Реализация открытия в технике — переход на стадию группы социотипов «Технократы» (производственники, военные). Технический переворот, промышленная революция (производительные силы) или войны порождают социальные изменения и социальные проблемы. Эстафета переходит к группе социотипов «Социалы», чье доминирование знаменует собой изменение социального строя. Социальные реформы, изменение социальных и производственных отношений создают условия для развития и воспитания личности. А это уже переход к господству группы «Гуманитарии». XX век подтверждает закон сменяемости профессиональных групп. В конце XIX – начале XX вв. — расцвет науки (эпоха ученых, сайентистов). Затем наступила эпоха технократов, производственников, управлен-

цев, мировых войн. Научные открытия были использованы для военных нужд. После Второй мировой войны произошло социальное переустройство мира: распад империй и колониальной системы, поражение фашизма, торжество демократии. Это специализация социально ориентированных типов. В конце века обострились нравственные, личностные, гуманитарные проблемы, на первый план вышла проблема толерантности, что знаменует переход центра тяжести на гуманитарные социальные типы [7, с. 36–37].

В XXI веке, особенно в первое десятилетие, также наблюдаются новейшие научные открытия и технологические новинки — развитие электронно-вычислительной техники, телекоммуникация, мобильная связь, интернет, искусственный интеллект. Если в 1990-х — начале 2000-х гг. в плане материального положения в России самой неблагополучной общностью была совокупность специалистов с техническим образованием, то сегодня ситуация изменилась. В современной России уже со второго десятилетия лидерство перешло к группе социотипов «Технократы», а в начале третьего десятилетия фиксируется рост востребованности инженерно-технических и рабочих специальностей с упором на военно-промышленный комплекс. В соответствии с законом сменяемости профессиональных групп социотипов изменяется и структура занятости. Однако, обратная сторона этого процесса — нарастание социальных проблем, решение которых ляжет на плечи социальных типов с социально-коммуникативной ориентацией («Социалы»). Следовательно, можно прогнозировать рост занятости в социальной и экологической сферах в следующем десятилетии XXI века. Наименее востребованной профессионально-образовательной группой на рынке труда являются специалисты-гуманитарии, но со временем их значимость снова будет возрастать по законам ритмической смены приоритетных профессиональных групп.

Классификацию видов социальной мобильности можно построить по сферам жизни общества. Чаще всего общество разделяют на политическую, экономическую, духовную сферы, а также социальную как сквозную, поскольку она представлена личностями и группами.

Современное общество усложняется, поэтому необходимо выделить другие сферы, которые обрели самостоятельность, в частности, интеллектуальную и информационную сферы. Поскольку личность все более автономизируется, то логичным становится выделение и личностной сферы. Таким образом, как минимум, есть смысл говорить о трех дополнительных видах социальной мобильности — личностной, интеллектуальной и информационной.

Виды социальной мобильности могут подразделяться на подвиды. Например, духовная мобильность структурируется на образовательную, научную, религиозную и культурную (под последней подразумевается мобильность в сфере искусства). Экономическая мобильность также неоднородна — можно выделить такие параметры как доходы, собственность, профессия, жилищные условия. Собственно, социальная мобильность может быть территориальной (миграция), демографической (социальные перемещения, связанные с признаками пола, возраста и семейного положения), региональной.

Следовательно, даже в первом приближении можно выделить достаточно разнообразный спектр видов мобильности. Исходя из принципа системности, выводы о социальной динамике общества и социальной мобильности отдельных людей и общностей можно делать только после анализа всех основных социальных изменений. В таком случае можно получить некий результирующий вектор социальных перемещений.

В Башкирии в 1990-х гг. и первом десятилетии XXI века была затруднена жилищная мобильность населения, которое не имело возможности заняться индивидуальной застройкой. Главным образом в городах республики возводилось элитное жилье. Жилищные условия улучшали только высокодоходные слои населения и привилегированные, приближенные к власти лица, которые получали бесплатное жилье за счет республиканского бюджета. И только со второго десятилетия начали работать программы строительства общедоступного жилья и ипотечного кредитования.

Удельный вес и значимость видов мобильности меняется с течением времени. Так, в период существования СССР одним из важней-

ших каналов социальной мобильности было образование. Соответственно, восходящая образовательная мобильность позволяла личности обрести более высокий и устойчивый социальный статус. В постсоветское время значимость образования снизилась в условиях рыночных реформ, которые востребовали предпринимательские качества людей, прямо не связанные с уровнем образования. В 2000-е гг. возродился процесс огосударствления и бюрократизации всех сфер жизни, что несколько подняло престиж высшего и среднеспециального образования. В то же время социологические исследования показали, «что среди россиян старше 45 лет признают ценность образования 81 % опрошенных, а среди тех, кому до 34 лет — лишь 69 %. Четкая отрицательная динамика за последние 20 лет. С 2005 года количество респондентов, считающих образование основной базовой ценностью, снизилось с 92 до 75 % [8]. Социологическое исследование в Республике Башкортостан в 2023 году обнаружило феномен большей ориентированности женщин в целом на высшее образование. Так, высшее образование как необходимый минимум для успешной жизни рассматривают 51 % женщин и всего лишь 39 % мужчин — респондентов региона.

В современной Российской Федерации на уровне государства не разработаны социальные технологии, которые позволяли бы наиболее образованным, предприимчивым, квалифицированным, трудолюбивым, добросовестным и творческим людям осуществлять восходящую социальную мобильность с переходом на более высокий социально-экономический статус. Молодые граждане Российской Федерации на жизненном опыте убеждаются, что успех в жизни мало зависит от уровня и качества образования. Объективно вес фактора образования ниже, чем роль семьи, социальных связей или личных качеств. «Вектор дифференцирующего кластера получил отражение в общественном сознании: большинство россиян убеждены, что ключевыми факторами продвижения в современном российском обществе являются наличие родственников, обладающих социальными, культурными или материальными ресурсами, наличие полезных связей, а также место жительства.» [9, с. 40].

Социологическое исследование, проведенное в Республике Башкортостан в 2023 году, выявило, что субъективные представления граждан не в полной мере соответствуют объективному положению на уровне общества и государства. Жители республики на первое место среди факторов социальной мобильности ставят личность, на второе место — фактор социальных отношений и социальной коммуникации, на третье — роль семьи, на четвертое — социальный потенциал типа поселения и последнее место в иерархическом ряду занимает система государственного управления. В реальности в современном российском обществе доминирует такой вид мобильности как государственно-политическая, когда именно правящая бюрократия во многом определяет не только динамику социума, но и социальные перемещения социальных групп и личности. Таким образом, обнаружено противоречие, которое потенциально может порождать социальную напряженность и конфликты, но одновременно может стать источником позитивных изменений в социальной структуре.

Среди обследованных социологами студентов Уфимского университета науки и технологий (2024 г.) 17 % изначально не намерены работать по выбранной специальности обучения, а нынешнюю профессию намерены сменить четверть респондентов, что свидетельствует об ошибках в выборе профессии. Причем, объясняя причины смены специальности, 21 % заявили, что у них поменялись интересы, а 16 % указали на то, что выбранная профессия не соответствует их задаткам и способностям. Результаты исследования подтверждают гипотезу о значимости не только социальных, но и субъективно-личностных факторов мобильности.

Специалист в области экономики М. Гордиенко обращает внимание на то, что трудовой ресурс не всегда превращается в производительные инвестиции. «Он не только дефицитен, но и специфично распределен. Официально безработица низкая, но это не значит, что все заняты эффективно, есть неполная занятость, низкопроизводительная самозанятость, региональные перекосы и разрыв между возможностями системы образования и потребностью промышленности» [10]. В последние годы в Российской Федерации растет скрытая без-

работица — перевод работников на неполную ставку или в неоплачиваемый отпуск, уменьшение нагрузки с пропорциональным сокращением зарплаты. В то же время отмечается низкий индекс профессиональной и территориальной мобильности. Социальная структура российского общества за почти четыре постсоветских десятилетия так и не пришла в соответствие с реалиями рыночной экономики. Не были сформированы институциональные и другие стимулы для смены профессии и миграции рабочей силы. Избыток лиц одних профессий и специальностей сочетается с недостатком квалифицированных кадров по другим. Российские регионы также подразделяются на трудоизбыточные и трудонедостаточные. Однако значительная масса российских работников находится в плену отживших социальных стереотипов и предрассудков, которые не позволяют им совершить миграцию в те области и районы страны, где есть множество вакансий рабочей силы. На уровне государства не созданы условия, которые могли бы стимулировать территориальную миграцию. Более того, многое делается для того, чтобы прикрепить людей к их изначальному месту жительства. Кроме того, государство не поощряет горизонтальные связи между регионами и предприятиями. До сих пор слабо развито межрегиональное железнодорожное и авиасообщение — на многие территории можно добраться только с пересадкой в Москве. В стране не получил развитие рынок доступного арендного жилья, что прямо создает препятствия для территориальной мобильности рабочей силы.

Современная профессионально-трудовая мобильность связана с развитием общества, с внедрением новых технологий, принципов организации труда и структуры занятости. Еще Д. Белл указал, что преимущественным направлением трудовой мобильности будет переход от промышленной экономики к сервисной, производящей особый вид товара — услуги. Далее О. Тоффлер прогнозировал развитие малых предприятий, малого семейного бизнеса и надомной работы («электронный коттедж») [11]. В современных развитых странах возрастает занятость в области программирования, дизайна, научных исследований

и экономического анализа, преодолевается былая пропасть между умственным и физическим трудом. Однако появление роботов, искусственного интеллекта, создание безлюдных технологий, автоматизации и компьютеризации производственных процессов имеет и обратную сторону — рост безработицы, социальных и семейных проблем. Поэтому в перспективных планах развития общества следует предусмотреть возможность быстрого переобучения новых безработных.

Социологические исследования, проведенные в Республике Башкортостан, показывают, что основная причина перемены места работы или увольнения с основного места работы — низкие доходы. Также остро стоит проблема трудоустройства для некоторых категорий населения. Только одна треть опрошенных считает, что полученная работа является достаточно статусной. Специфика региона проявляется и в социальной мобильности работников республики, которые работают вахтовым методом в ХМАО, ЯМАО и других регионах России в области добычи энергоресурсов. Здесь речь идет прежде всего о молодежи, главным образом, мужского пола из сельских районов. К сожалению, официальные органы не осуществляют процедуру достаточно полного учета такой категории социальных трудовых перемещений. По экспертным оценкам, доля населения республики, работающего вахтовым способом, составляет примерно 10 %, причем для большинства вахтовиков нет другой альтернативной формы занятости и резервного источника доходов. С другой стороны, данный вид миграционной мобильности связан с ростом экономического статуса специалистов. В целом работа вахтовым методом увеличивает индекс социальной динамики и социальных перемещений населения Башкирии. Помимо экономического капитала, полученные доходы инвестируются в образовательный и интеллектуальный капитал будущих поколений, которые могут получить на коммерческой основе престижное образование. Таким образом, создается новая цепочка социальной мобильности и осуществляется обмен человеческими ресурсами между регионами.

С одной стороны, в Российской Федерации наблюдается несоответствие спроса мо-

лодежи и предложений по размеру зарплаты на рынке труда, что порождает структурную безработицу и проблему трудоустройства. С другой стороны, структура занятости в последнее десятилетие стала в большей степени соответствовать профессиональным интересам, природным задаткам и способностям молодого поколения. Однако конкуренция на рынке труда порождает такую модель профессиональной мобильности, при которой внимание соискателя направлено на то, чтобы получить рабочее место с приемлемой зарплатой в ущерб личностному предназначению и специальности по диплому. К тому же отрасли экономики развиваются быстрее, чем система профессионального образования может отреагировать.

Оптимальная модель социальной мобильности предполагает прежде всего динамичное развитие социально-экономической сферы общества. Главным тормозом социальной мобильности выступает мировая бюрократия, следовательно, в перспективе необходимо центр тяжести принятия решений постепенно передавать гражданским ассоциациям. Развитие структур социального государства не исключает развитие частно-рыночного сектора, хотя и вводит его в некие ограничительные рамки. Кроме того, важно иметь в виду, что рыночная экономика по своей природе может функционировать и развиваться только в контексте мировой экономики и глобальных экономических связей. Поэтому важно добиться снятия экономических санкций с Российской Федерации и полноценного возврата на европейские рынки. В дальнейшем необходимо переориентировать расходы федерального и региональных бюджетов с военно-промышленного комплекса на гражданский сектор экономики. И, как уже отмечалось выше, на всех уровнях управления и отраслях экономики необходимо перейти с технологий вертикальной коммуникации на развитие горизонтальных каналов связи и взаимодействие между регионами, организациями и гражданами, что позволит оптимизировать профессионально-территориальную мобильность и создаст предпосылки для становления современного уровня интеграции и единства российского общества.

Список источников

1. Россиянам стало сложнее «выбиться в верх» — доля людей, которым удалось перейти в более высокую доходную группу, в 2022 году упала до минимума за 20 лет // tochno.st : сайт. URL: <https://tochno.st/materials/rossiiianam-stalo-sloznee-vybitsia-vverx-dolia-liudei-kotorym-udalos-pereiti-v-bolee-vysokuiu-dokhodnuiu-gruppu-v-2022-godu-upala-do-minimuma-za-20-let?ysclid=mti8zikhns413825268>. Дата публикации: 24.01.2024.
2. История социологии : учебное пособие / А. Н. Елсуков, Г. Н. Соколова, Т. Г. Румянцева, А. А. Грицанов. Минск : Высшая школа, 1993. 381 с.
3. Антошкин В. Н. Общая социология : учебное пособие. Уфа : Уфимский институт (филиал) РЭУ имени Г. В. Плеханова, 2015. 316 с.
4. Гуленко В. В., Тыщенко В. П. Соционика идет в школу Москва : Черная белка, 2010. 280 с. (Библиотека SOCIONICA. Прикладная соционика).
5. Гуленко В. В. Менеджмент слаженной команды: Соционика и социоанализ для руководителей. Новосибирск : РИПЭЛ, 1995. 189 с.
6. Гуленко В. В. Формы мышления // Соционика, ментология и психология личности. 2002. № 4. С. 9–25.
7. Антошкин В. Н. Философские проблемы науки и системная методология : монография. Уфа : Изд-во БГПУ, 2017. 176 с.
8. Станислава Одоевцева. Только 20% россиян признали образование ценностью: «молодая деменция» или «цифровая лень» // MKRU : сайт. <https://www.mk.ru/social/2026/05/15/tolko-20-rossiyan-priznali-obrazovanie-cennostyu-molodaya-demenciya-ili-cifrovaya-len.html?ysclid=mti9yrl6qj249795553/>. Дата публикации: 15.05.2026.
9. Черныш М. Ф. Социальные институты и мобильность в трансформирующемся обществе : автореферат дис. ... д-ра социол. наук. Москва, 2005. 44 с.
10. Наталия Трушина. Рецессия на пороге // Pressa.ru : сайт. URL: <https://pressa.ru/ru/top10/detail/retsessiya-na-poroge-27151#/>.
11. Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980. 552 p.

References

1. It has become more difficult for Russians to "get ahead" — the share of people who managed to move into a higher income group fell to a 20-year low in 2022. tochno.st: website. (In Russ.). Available from: <https://tochno.st/materials/rossiiianam-stalo-sloznee-vybitsia-vverx-dolia-liudei-kotorym-udalos-pereiti-v-bolee-vysokuiu-dokhodnuiu-gruppu-v-2022-godu-upala-do-minimuma-za-20-let?ysclid=mti8zikhns413825268>. Publication date: January 24, 2024.
2. History of Sociology: a textbook / A. N. Elsukov, G. N. Sokolova, T. G. Rumyantseva, A. A. Gritsanov. Minsk: Vysshaya shkola; 1993. 381 p.
3. Antoshkin V. N. General Sociology: a textbook. Ufa: Ufa Institute (branch) of the Plekhanov Russian University of Economics; 2015. 316 p. (In Russ).
4. Gulenko V. V., Tyshchenko V. P. Socionics goes to school Moscow: Chernaya Belka; 2010. 280 p. (SOCIONICA Library. Applied Socionics). (In Russ).
5. Gulenko V. V. Management of a well-coordinated team: Socionics and socioanalysis for managers. Novosibirsk: RIPEL; 1995. 189 p. (In Russ).
6. Gulenko V. V. Forms of thinking. *Socionika, mentologiya i psixologiya lichnosti = Socionics, Mentology, and Personality Psychology*. 2002;(4):9–25. (In Russ).
7. Antoshkin V. N.. Philosophical problems of science and systems methodology: monograph. Ufa: BSPU Publishing House; 2017. 176 p. (In Russ).
8. Stanislava Odoevtseva. Only 20 % of Russians recognize education as a value: "Young Dementia" or "Digital Laziness". MKRU: website. <https://www.mk.ru/social/2026/05/15/tolko-20-rossiyan-priznali-obrazovanie-cennostyu-molodaya-demenciya-ili-cifrovaya-len.html?ysclid=mti9yrl6qj249795553/>. Publication date: May 15, 2026.
9. Chernysh M. F. Social institutions and mobility in a transforming society: abstract of a doctoral dissertation. Moscow; 2005. 44 p. (In Russ).
10. Natalia Trushina. Recession on the threshold. Pressa.ru: website. (In Russ.). Available from: <https://pressa.ru/ru/top10/detail/retsessiya-na-poroge-27151#/>.
11. Toffler A. The Third Wave. N.Y., 1980. 552 p.

Информация об авторе

В. Н. Антошкин — доктор социологических наук, профессор.

Information about the author

V. N. Antoshkin — Doctor of Science (Sociological), Professor.

Статья поступила в редакцию 24.06.2026; одобрена после рецензирования 23.07.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 24.06.2025; approved after reviewing 23.07.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 101–107
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):101–107

Научная статья
УДК 911.9(470.4)
doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-101-107

ВЛИЯНИЕ СОСТОЯНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Екатерина Валерьевна Жилина^{1✉}, Илюза Марваровна Ханова²

¹Башкирская академия государственной службы при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия,
Ekaterina-zhilina@inbox.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-2626-5854>

²Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
Iluz7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8886-1224>

Аннотация. В статье исследуются факторы, определяющие эффективность использования земель сельскохозяйственного назначения в субъектах Приволжского федерального округа. Для оценки уровня эффективности землепользования использован интегральный индекс, включающий экономический, ресурсно-структурный и качественно-воспроизводственный блоки показателей. Проведен корреляционный анализ взаимосвязи между интегральным индексом и факторами, характеризующими состояние земельных ресурсов: уровнем водной и ветровой эрозии, площадью мелиорированных земель и неиспользуемых сельскохозяйственных угодий. Установлено, что наиболее существенное отрицательное влияние на эффективность землепользования оказывает водная эрозия земель, а также наличие значительных площадей неиспользуемых угодий. Положительное влияние выявлено со стороны мелиорации земель. Результаты исследования подтверждают необходимость комплексного управления земельными ресурсами, направленного на снижение деграционных процессов, вовлечение неиспользуемых земель в хозяйственный оборот и развитие мелиоративных мероприятий.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения, эффективность землепользования, деграция почв, эрозия земель, мелиорация, земельные ресурсы, аграрное производство, устойчивое развитие, природно-климатические зоны, продуктивность земель

Для цитирования: Жилина Е. В., Ханова И. М. Влияние состояния земельных ресурсов на эффективность сельскохозяйственного землепользования в Приволжском федеральном округе // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 101–107. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-101-107>.

Research article

IMPACT OF LAND RESOURCE CONDITIONS ON THE EFFICIENCY OF AGRICULTURAL LAND USE IN THE VOLGA FEDERAL DISTRICT

Ekaterina V. Zhilina^{1✉}, Ilyuza M. Khanova²

¹Bashkir Academy of Public Administration and Management under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia, Ekaterina-zhilina@inbox.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-2626-5854>

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
Iluz7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8886-1224>

Abstract. The article examines the factors determining the efficiency of using agricultural land in the constituent entities of the Volga Federal District. To assess the level of land use efficiency, an integral index was used, which includes economic, resource-structural, and quality-reproductive blocks of indicators. A correlation analysis was carried out of the relationship between the integral index and the factors

characterizing the state of land resources: the level of water and wind erosion, the area of reclaimed land, and unused agricultural lands. It has been established that water erosion of land, as well as the presence of significant areas of unused land, has the most significant negative impact on the efficiency of land use. A positive impact has been identified in relation to land reclamation. The research findings confirm the need for comprehensive land resource management aimed at reducing degradation processes, bringing unused land into economic use, and developing reclamation measures.

Keywords: agricultural land, land use efficiency, soil degradation, land erosion, land reclamation, land resources, agricultural production, sustainable development, natural and climatic zones, land productivity

For citation: Zhilina E. V., Khanova I. M. Impact of land resource conditions on the efficiency of agricultural Land Use in the Volga Federal District. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)):101–107. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-101-107>.

Особое внимание при оценке эффективности землепользования в научной литературе отводится процессам деградации почв [1–2]. Исследования показывают, что снижение содержания гумуса в почве, распространение эрозии и потеря питательных элементов пропорционально влияют на снижение урожайности сельскохозяйственных культур. Эмпирически подтверждено, что уменьшение гумусового горизонта на 1 см приводит к снижению урожайности зерновых культур на 1 ц/га [3].

Согласно данным за 2026 год, процесса деградации затронуто 11,4 % земель в Российской Федерации, что составляет свыше 115 млн га угодий, расположенных в 36 регионах страны. Ежегодно деградационные процессы затрагивают 1,5–2 млн га земель, что равнозначно потерям в зерновом эквиваленте 3,9 млн т. По данным Департамента мелиорации 17,8 % сельскохозяйственных угодий подвержены водной эрозии, 8,4 % — дефляции, 12,3 % страдают от переувлажнения, а 20% земель подвержены засолению [3].

Существенным ограничением для объективной оценки масштабов деградации является крайне низкий охват обследований. По данным за 2024 год было обследовано 5,7 млн га, что составляет 1,5 % от всех земель сельскохозяйственного назначения. Таким образом, оценить достоверный масштаб воздействия деградационных процессов на земельные ресурсы существенно затруднительно.

Недостаточность мониторинга сельскохозяйственных земель рассматривается и в работе А. Л. Иванова [4]. Автор на основе проведенной интегральной оценки качества почв

отмечает, что в России доля неблагоприятных для ведения сельского хозяйства территорий составляет 76 %. При этом 32 региона страны были отнесены к самым неблагоприятным по качеству почв.

Данные Института конъюнктуры аграрного рынка свидетельствуют о распространенности практик, усугубляющих деградацию почв: нарушение севооборота, непропорциональное распределение посевных культур, несоблюдение норм внесения минеральных удобрений. При этом на восстановление плодородия 1 га земли, по мнению экспертов, необходимы инвестиции в объеме 25 тыс. руб. [5].

В свою очередь охрана земель сельскохозяйственного назначения регулируется Федеральным законом «О государственном регулировании обеспечения плодородия земель сельскохозяйственного назначения», а также Законом «О мелиорации земель». Также существует действующая «Методика исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды», однако она преимущественно направлена на расчет экологического ущерба, а не на комплексную оценку качества земель сельскохозяйственного назначения.

Таким образом, тема исследования является актуальной и оказывает непосредственное влияние на Доктрину продовольственной безопасности.

Для проведения исследования были использованы методы экономико-статистического, сравнительного и корреляционного анализа данных. Для оценки эффективности земель сельскохозяйственного назначения был пред-

ставлен обобщающий интегральный показатель (I_{land}), который рассчитывался на основе учета экономических (I_{econ}), ресурсных (I_{res}) и воспроизводственных (I_{qual}) показателей состояния земель.

Экономический показатель учитывал объем производства продукции и прибыль с гектара, ресурсный показатель включал в себя показатели вовлеченности, распаханности земельных ресурсов. Воспроизводственная группа показателей была нацелена на диагностику почвенного благополучия — в нее вошли данные о плодородии, площади земель без признаков эрозии и других деградационных процессов, а также о наличии мелиорации. Для получения обобщающего показателя была использована формула взвешенной суммы частных индексов:

$$I_{land} = 0,4 I_{econ} + 0,3 I_{res} + 0,3 I_{qual},$$

где I_{econ} — индекс экономической эффективности;

I_{res} — индекс ресурсно-структурной эффективности;

I_{qual} — индекс качественно-воспроизводственного состояния земель.

Наибольший удельный вес (0,4) был присвоен экономическому индексу как ключевому фактору. Остальные две группы признаков — ресурсно-структурная и качественно-воспро-

изводственная — получили одинаковые коэффициенты (по 0,3), так как каждая из них вносит сопоставимый вклад в долгосрочную стабильность использования сельскохозяйственных угодий.

Для анализа были отобраны четыре ключевых параметра, которые описывают и текущее качество земель, и то, насколько активно они эксплуатируются: доля территории с водной эрозией, доля с ветровой эрозией, общая площадь мелиорированных угодий и площадь сельскохозяйственных земель, которые в данный момент не задействованы в обороте. В качестве результативного показателя использован интегральный индекс эффективности землепользования (I_{land}), отражающий совокупную эффективность использования сельскохозяйственных земель. Объектом исследования выступил Приволжский федеральный округ (ПФО).

На рисунке 1 представлены данные оценки плодородия почв в ПФО на основе Доклада о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2024 году [6].

По результатам оценки видно, что земли ПФО испытывают недостаток гумуса, в то же время обладают высоким уровнем содержания калия, фосфора и характеризуются низким уровнем кислотности. Данная структура почвы

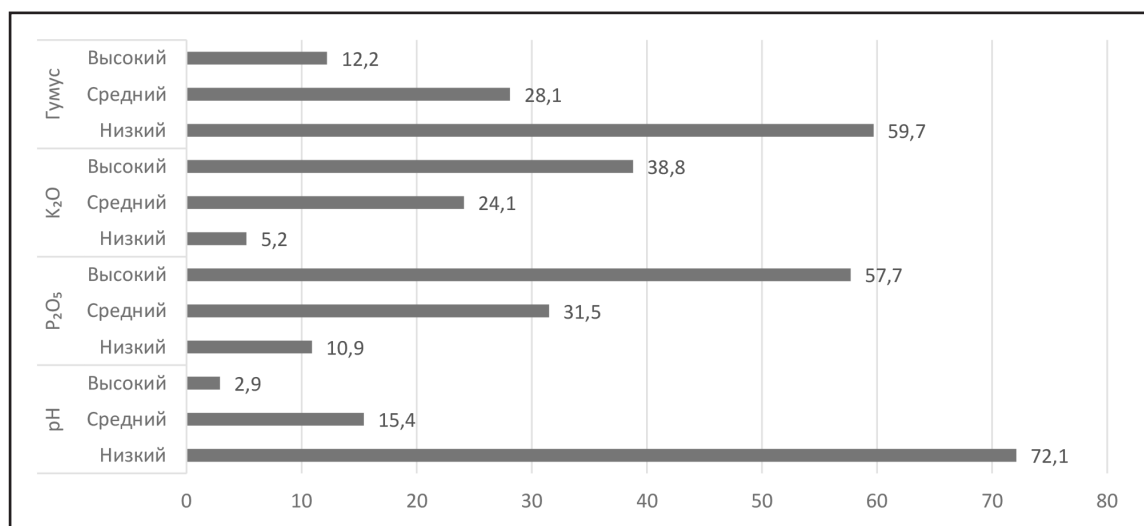

Рисунок 1. Доля почв Приволжского федерального округа по агрохимическим показателям к общей обследованной площади используемых пахотных угодий, по результатам обследования в 2024 году, % (составлено авторами на основе данных источника [6])

Figure 1. Share of soils in the Volga Federal District by agrochemical indicators to the total surveyed area of used arable land, according to survey results in 2024, % (compiled by the authors based on [6])

наиболее подходит для выращивания таких культур, как зерновые, свекла, овощи и подсолнечник. Данные культуры являются наиболее урожайными в условиях исследуемой местности. Далее на рисунке 2 представлены деградационные процессы, распространенные в ПФО.

В ПФО наибольшая доля деградационных процессов приходится на водную эрозию, что связано с природными условиями и спецификой хозяйственной деятельности. Расчлененный рельеф, высокая степень распаханности склоновых земель, интенсивное снеготаяние и ливневый сток активно способствуют развитию данного процесса.

Для выявления влияния факторов на эффективность использования земель был проведен корреляционный анализ данных, исходные данные для которого представлены в таблице 1.

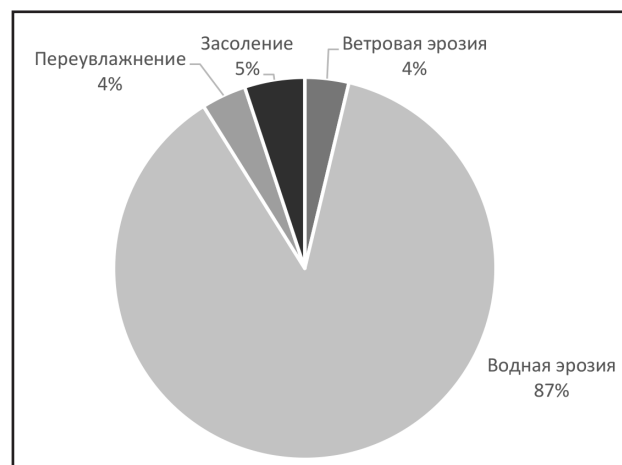

Рисунок 2. Структура деградационных процессов, с указанием доли от общей обследованной площади в Приволжском федеральном округе, % (составлено авторами на основе [6])

Figure 2. Structure of degradation processes, indicating the share of the total surveyed area in the Volga Federal District, % (compiled by the authors based on [6])

Таблица 1. Исходные данные для построения корреляционно-регрессионного анализа на примере Приволжского федерального округа

Регион	I_{land}	Водная эрозия, % (X1)	Ветровая эрозия, % (X2)	Мелиорированные земли, тыс. га (X3)	Неиспользуемые угодья, тыс. га (X4)
Республика Башкортостан	0,290	33,0	33,0	72,297	465,861
Республика Марий Эл	0,284	55,0	0,0	25,372	265,555
Республика Мордовия	0,492	8,0	0,0	75,533	233,903
Республика Татарстан	0,826	0,0	0,0	175,718	67,758
Пермский край	0,171	43,1	0,0	48,287	1308,670
Нижегородская область	0,412	15,9	0,0	78,146	511,784
Оренбургская область	0,090	57,3	36,9	50,498	773,518
Пензенская область	0,431	23,8	0,0	78,108	319,984
Самарская область	0,342	36,0	60,7	139,500	159,018
Саратовская область	0,270	55,4	47,1	257,330	347,287
Ульяновская область	0,342	11,0	1,8	27,215	338,460

Для оценки тесноты взаимосвязи между исследуемыми показателями была построена матрица парных коэффициентов корреляции. Анализ позволил определить направление и силу влияния отдельных факторов на интегральный индекс эффективности использования земель сельскохозяйственного назначения (I_{land}). Результаты расчетов представлены в таблице 2.

Полученные результаты корреляционного анализа свидетельствуют о наличии существенной зависимости эффективности землепользования от степени деградации земель и уровня их хозяйственного использования. Наиболее сильная отрицательная связь наблюдается между интегральным индексом эффективности землепользования и уровнем водной эрозии ($r = -0,812$), что указывает на значительное снижение результативности сельскохозяйственного производства при усилении эрозионных процессов.

Положительная связь выявлена между результативным признаком и площадью мелиорированных земель ($r = 0,342$), что доказывает эффективность воздействия мер, направленных на восстановление почв.

При этом положительная взаимосвязь между водной и ветровой эрозией, свидетельствует об усилении отрицательного синергетического эффекта.

Если рассмотреть федеральные округа по интегральному индексу деградации земель (рисунок 3), то можно отметить, что ПФО име-

ет умеренную степень деградации земель. Наибольшая степень деградации земель свойственна Саратовской, Оренбургской областям, Республике Татарстан, Удмуртской и Чувашской республикам. Зоны повышенной деградационной нагрузки обусловлены прежде всего различными сочетаниями негативных процессов. На рисунке 4 представлены лидеры по деградационным процессам в ПФО. Саратовская область является наиболее деградированным регионом. Ежегодно с 1 га область теряет до 700 кг гумуса, а 89 % сельскохозяйственных угодий эродированы. В Оренбургской области за 30–40 лет запасы гумуса сократились на 20–30 %. В Республике Башкортостан эрозии подвержены 67 % пашни. За 20 лет слой гумуса сократился на 5 %, а 35 % пашни страдает от закисления почв. В Республике Татарстан до 50 % территории затронута опустыниванием. В Чувашской Республике 77,9 % пашни подвержено эрозии. На востоке Самарской области опустыниванию подвержено до 400 тыс. га. Значительное влияние на состояние почв оказывает высокий уровень распаханности, дефицит противоэрозионных мероприятий и повышенный уровень закисления почв.

Результаты проведенного анализа показали, что ключевыми сдерживающими факторами для эффективного использования сельскохозяйственных выступают, во-первых, масштабы водной эрозии, а во-вторых, доля площадей, выпавших из оборота. Что касается

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа факторов эффективности землепользования на примере Приволжского федерального округа

Показатель	I_{land}	Водная эрозия (X1)	Ветровая эрозия (X2)	Мелиорированные земли (X3)	Неиспользуемые угодья (X4)
I_{land}	1	-0,8121	-0,38974	0,342001	-0,6509
Водная эрозия (X1)	-0,8121	1	0,521876	0,027931	0,416839
Ветровая эрозия (X2)	-0,38974	0,521876	1	0,4929	-0,09509
Мелиорированные земли (X3)	0,342001	0,027931	0,4929	1	-0,36785
Неиспользуемые угодья (X4)	-0,6509	0,416839	-0,09509	-0,36785	1

Figure 3. Differentiation of regions by the integral index of degradation of surveyed lands, %

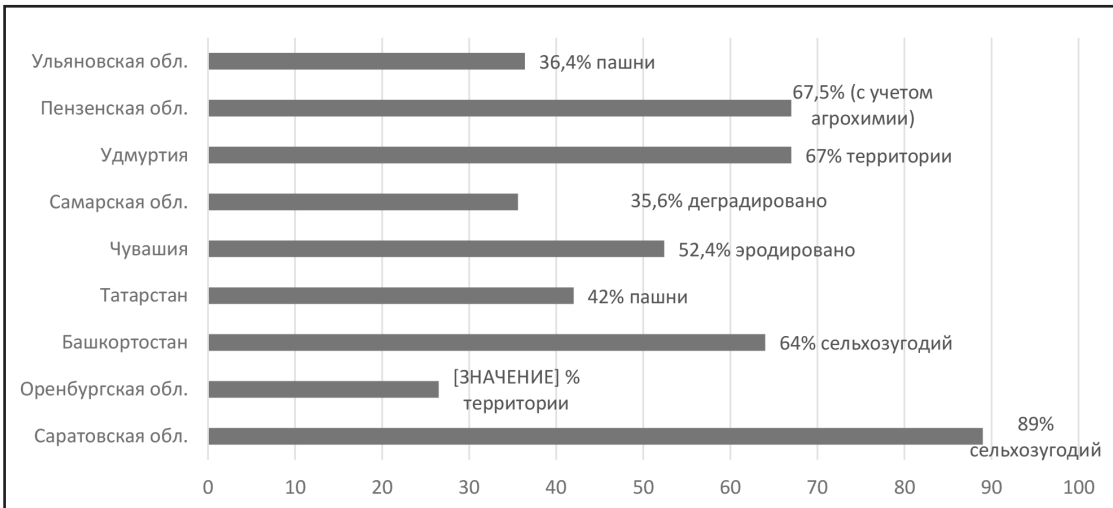

Figure 4. Share of eroded and erosion-hazardous lands, %
(compiled by the authors based on [6])

мелиоративных работ, то они, как показали расчеты, вносят вклад в повышение результативности — их положительное влияние прослеживается достаточно четко.

Полученные данные подтверждают, что существующая система землепользования нужда-

ется в корректировке. Целесообразно усилить работу по защите почв от деградации, активнее внедрять мелиоративные проекты и стремиться к тому, чтобы как можно большая часть сельскохозяйственных угодий была вовлечена в реальный производственный оборот.

Список источников

1. Борисова Т. Ю. Оценка эффективности использования и воспроизводства земельных ресурсов сельскохозяйственного назначения // Экономика сельского хозяйства России. 2022. № 5. С. 32–35. DOI: 10.32651/225-32.
2. Иванова Н. С. Рациональное использование земель как фактор устойчивого развития сельскохозяйственного природопользования // Экономика сельского хозяйства России. 2019. № 9. С. 73–77. DOI: 10.32651/199-73.
3. Деградация на миллиарды: в России истощены свыше 60 % сельхозугодий // Агроинвестор : сайт. URL: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/22499-degradatsiya-na-milliardy-v-rossii-istoshcheny-svyshe-60-selkhozugodiy/>.
4. Иванов А. Л., Савин И. Ю., Столбовой В. С. Мониторинг деградации сельскохозяйственных земель Российской Федерации // Почвоведение. 2021. № 9. С. 1091–1103. DOI: 10.31857/S0032180X21090058.
5. Пора прощупать почву. Какие меры помогают сохранить и повысить плодородие // Агроинвестор : сайт. URL: <https://www.agroinvestor.ru/companies/article/35928-ekspansiya-na-zapad-sibagro-rasshiril-svinovodcheskiy-biznes-za-schet-pokupki-aktivov-promagro/>.
6. Доклад о состоянии и использовании земель сельскохозяйственного назначения Российской Федерации в 2024 году. Москва : ФГБНУ «Росинформагротех», 2025. 352 с.

References

1. Borisova T. Yu. Assessment of the efficiency of use and reproduction of agricultural land resources. *E`konomika sel`skogo xozyajstva Rossii = Economics of Agriculture of Russia*. 2022;(5):32–35. (In Russ.). DOI: 10.32651/225-32.
2. Ivanova N.S. Rational land use as a factor of sustainable development of agricultural environmental management. *E`konomika sel`skogo xozyajstva Rossii = Economics of Agriculture of Russia*. 2019;(9):73–77. (In Russ.). DOI: 10.32651/199-73.
3. Degradation worth billions: over 60 % of Russia's agricultural land has been depleted. Agroinvestor: website. (In Russ.). Available from: <https://www.agroinvestor.ru/technologies/article/22499-degradatsiya-na-milliardy-v-rossii-istoshcheny-svyshe-60-selkhozugodiy/>.
4. Ivanov A. L., Savin I. Yu., and Stolbovoy V. S. Monitoring of Agricultural Land Degradation in the Russian Federation. *Pochvovedenie = Eurasian Soil Science*. 2021;(9):1091–1103. (In Russ.). DOI: 10.31857/S0032180X21090058.
5. It's time to test the soil. What measures help to preserve and increase fertility. Agroinvestor: website. (In Russ.). Available from: <https://www.agroinvestor.ru/companies/article/35928-ekspansiya-na-zapad-sibagro-rasshiril-svinovodcheskiy-biznes-za-schet-pokupki-aktivov-promagro/>.
6. Report on the State and Use of Agricultural Land in the Russian Federation in 2024. Moscow: FGBNU "Rosinformagrotekh"; 2025. 352 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Жилина — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления;
И. М. Ханова — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории.

Information about the authors

E. V. Zhilina — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Management;
I. M. Khanova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economic Theory.

Статья поступила в редакцию 31.08.2026; одобрена после рецензирования 18.09.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 31.08.2026; approved after reviewing 18.09.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 108–117
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):108–117

Научная статья

УДК 314.7(571.6)

doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-108-117

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ МИГРАЦИИ

Александр Вадимович Шайхитдинов^{1✉}, Ольга Семеновна Кодис²

^{1,2}Академия труда и социальных отношений, Москва, Россия

¹AlexSH3070@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-4984-2228>

²olga2050@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются причины миграции молодежи с Дальнего Востока в зависимости от возраста респондентов. Также рассматриваются факторы, сдерживающие миграцию. Данные анализа по миграции сравниваются с результатами собственного исследования автора. Рассмотрение ведется как на уровне Хабаровского края и отдельно города Хабаровска, так и Дальнего Востока в целом. Исследование причин миграции осуществляется через изучение ценностей, способствующих к принятию решения о миграции, а также других факторов ее определяющих в молодежной среде. Промиграционные факторы рассматриваются в сопоставлении с антимиграционными, в том числе с восприятием региона по семантическому дифференциалу.

Ключевые слова: Дальний Восток, Хабаровский край, миграция, молодежь, ценности, факторы миграции, миграционные риски

Для цитирования: Шайхитдинов А.В., Кодис О.С. Дальний Восток глазами молодежи: причины миграции и факторы удержания // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 108–117. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-108-117>.

Research article

THE FAR EAST THROUGH THE EYES OF YOUTH: CAUSES OF MIGRATION AND RETENTION FACTORS

Alexander V. Shaikhitdinov^{1✉}, Olga S. Kodis²

^{1,2}Academy of Labour and Social Relations, Moscow, Russia

¹AlexSH3070@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-4984-2228>

²olga2050@gmail.com

Abstract. The article examines the reasons for the migration of young people from the Far East, depending on the age of the respondents. Factors constraining migration are also considered. The migration analysis data is compared with the results of the author's own research. The review is conducted both at the level of the Khabarovsk Territory and the city of Khabarovsk separately, as well as the Far East as a whole. The study of the causes of migration is carried out through the study of values that contribute to making decisions about migration, as well as other factors that determine it among young people. Pro-migration factors are considered in comparison with anti-migration ones, including with the perception of the region according to the semantic differential.

Keywords: Far East, Khabarovsk territory, migration, youth, values, migration factors, migration risks

For citation: Shaihitdinov A.V., Kodis O.S. The Far East through the eyes of youth: causes of migration and retention factors. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)):108–117. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-108-117>.

В настоящее время накоплен большой объем материала по исследованию причин миграции молодежи с Дальнего Востока, Хабаровского края. Сравнение результатов и выводов исследований между собой с результатами исследования, проведенного авторами, позволяет представить более широкий спектр причин миграции молодежи с Дальнего Востока.

Данные о ценностных и материальных причинах миграции с Дальнего Востока, об их изменениях по мере взросления респондентов, сопоставляются с результатами исследования авторов.

Основное внимание авторы сосредотачивают на факторах, способствующих миграционным процессам: стремлении к получению хорошего образования, более высокому уровню заработной платы; возможности интересного и разнообразного досуга; улучшению климатических условий, а также на причинах, сдерживающих миграцию: тесное общение с родственниками и друзьями, наличие семьи и т. п.

Согласно исследованию Е. М. Моисеева и С. Н. Мищука 2024 года на основе анализа данных 2018–2022 годов, Хабаровский край, как и Республика Бурятия, Забайкальский, Приморский края, Амурская, Сахалинская и Еврейская автономные области отличаются умеренным миграционным приростом в возрастах 20–24 года, а в остальных — малой убылью по отношению к постоянному населению. Хабаровский край, вместе с Якутией, Камчатским краем и Сахалинской областью представлены относительно низкой долей внутрироссийских перемещений, особенно в трудоспособных возрастах. Делается вывод о Хабаровском и Приморском краях как промежуточных пунктах, куда прибывают и откуда убывают значительное число человек, в особенности молодежи. Приток компенсирует отток населения, за исключением пенсионеров [1, с. 22–28].

В исследовании Я. Ю. Шашкова, С. Ю. Асеева раскрываются отличительные особенности четырех групп молодежи по отношению к миграции: не намеренные уезжать (называемые в исследовании «оседлыми»), «возвращенцы» (планирующие уехать и вернуться в родной регион), а желающие уехать разделяются на тех,

кто имеют ресурсы это сделать (так называемые «намеренные») и тех, кто не имеет на это ресурсов («желающие»). Опрашивались учащиеся 10–11-х классов и 1–2-го курсов в университетах. Согласно исследованию, миграционные установки на Дальнем Востоке распространены шире, чем в Сибири. Наиболее на миграцию ориентированы учащиеся 11-х классов, что связано с поступлением в вузы. Согласно фокус-группам на Дальнем Востоке треть учащихся 9–10-х классов имеют внутреннюю мотивацию на невозвратную миграцию. Установки на миграцию отражают стремление к самореализации, более комфортной среде проживания. Основные мотивы — получение образования в престижных вузах, поиск работы с высокой заработной платой. Важный фактор миграции — климат. Сдерживающими факторами отъезда — семейные обстоятельства [2, с. 96–98].

В исследовании молодежи Хабаровского края Ю. В. Березутского 2019 года с фокус-группами, анкетным опросом, спрашивалось о том, какие ценности важны для молодежи, отдельно выделялись ценности-цели и инструментальные ценности. В ценностях-целях молодежь ориентируется на следующие ценности: здоровье (77 %), счастливая семейная жизнь (53 %), материально обеспеченная жизнь (45 %), любовь (43 %), наличие верных друзей (40 %), деятельностная жизнь (39 %), интересная работа (37 %). Низки показатели красоты природы и искусства (8 %), общественного признания (10 %), общей хорошей обстановки в стране (18 %), уверенности в себе (30 %). Доминируют ценности личной жизни, слабее ценности профессиональной реализации. Ценности личной жизни доминируют по отношению к ценностям жизни в обществе, что стимулирует миграционный отток в поисках лучших условий в случае неудовлетворенности ими. Усредненный образ успешного человека, по мнению в фокус-группах, — «эгоист, движимый достижением цели и стремящийся прийти к балансу между работой и семьей при наличии высокого дохода». Типичная ценность для большей части молодежи — желание в целях саморазвития и самореализации уехать из Хабаровского края. Группы, сдерживаемые от такого решения — молодые семьи и молодые предприниматели.

В фокус группах отмечалось, что особо остро стоят проблемы высокой стоимости жилья, отсутствия доступного жилья для молодежи, трудоустройства с достойной оплатой труда и т. п., что приводит к миграции молодежи. Для большинства молодежи важно решение проблем уровня жизни, рабочих мест и возможности для интересного досуга. Главный фактор уменьшения оттока молодежи — это улучшение уровня жизни и повышение заработной платы [3, с. 67–70].

В ноябре 2024 г. проводилось исследование анкетным опросом молодежи Хабаровского края в возрасте от 14 до 35 лет, а также проводились фокус-группы. В результате исследования были сделаны выводы, что среди этой группы молодежи широко распространены миграционные настроения. Миграционная направленность отмечена как внутри Хабаровского края, так и в других регионах России. Наибольшее число желающих мигрировать в возрастах 14–19 лет. Чем моложе социальная группа, тем больше она планирует переезд. Жители Хабаровска в случае желания мигрировать чаще ориентируются на отъезд в другой регион. Чем меньше город, тем больше направленность на внутререгиональную миграцию в более крупный город. Эти выводы совпадают с данными исследования Е. М. Моисеева и С. Н. Мищука о Хабаровском и Приморском краях как точках одновременно и притяжения людей из других регионов, и оттока в другие, более крупные регионы, что можно сказать отдельно и про Хабаровск с Владивостоком [1, с. 28]. Основными причинами отъезда являются продолжение учебы (39 %), которое чаще встречается в возрастах 14–19 лет (56 %). Также важными факторами для возрастов 25–34 лет (37 %) является отсутствие возможностей для развития (26 %), неподходящий климат (22 %), ограниченные условия для профессионального роста (18 %).

Неподходящий климат является причиной желаний мигрировать для 30 % хабаровчан, а низкая зарплата — для 21 %. Наиболее важными жизненными ценностями респонденты назвали высокий доход и материальное благополучие. В качестве причин миграции респонденты указывают: уровень зарплаты, получение образования, карьерный

рост. Ценностные причины остаются: привычка к месту жительства, друзья, родственники [4, с. 121–123].

В рамках работы авторы в 2023–2024 годах проводили исследование онлайн опросом по теме «Исследование жизненных планов дальневосточной молодежи». Данные в возрастах 16–23 лет, проживающих в Хабаровске, взвешены по поло-возрастной структуре. Группа интересна как отражающая разные факторы, определяющие желание мигрировать в своих подгруппах.

В ответе на вопрос «Хотите ли Вы сами уехать с Дальнего Востока и начать жить в другом месте?» 26,9 % — очень хотят уехать, 36 % — скорее хотят уехать, 24,4 % — скорее не хотят уехать, 12,8 % — совсем не хотят уехать. Больше 60 % — хотят уехать с Дальнего Востока.

Интересны также ответы на вопрос: «В населенном пункте, в котором Вы сейчас живете, есть ли места, которые Вы любите посещать, по которым скучаете в случае отъезда, или таких мест нет?». Респондент мог отметить все подходящие варианты. Наиболее часто отмечаемые варианты: парки и скверы (48 %), торговые центры (45 %), что показывает наибольшую удовлетворенность этими местами. Клубы с развлекательными комплексами и природные достопримечательности отметили 27 %, 22 % отметили, что нет таких мест. Если сравнивать тех, у кого нет и кого есть любимые места, то из не имеющих любимых мест — 71 % ответили, что хотят или скорее хотят уехать с Дальнего Востока, из имеющих любимые места таких 61 % (рисунок 1). Можно сказать, что наличие любимого места уменьшает вероятность уехать с Дальнего Востока.

Среди желающих уехать с Дальнего Востока задавались следующие вопросы: «Если Вы хотите или скорее хотите уехать с Дальнего Востока, уверены ли Вы в том, что это сделаете, что у Вас это получится?». 23 % ответили, что обязательно уедут, приложат все усилия для того, чтобы уехать, 45 % — скорее всего уедут, сделают все для этого, 25 % — постараются уехать, но особо стараться для этого не будут, 7 % считают, что скорее всего уехать не получится. Из желающих уехать более половины относятся к этому серьезно. Всех респондентов

Рисунок 1. «В населенном пункте, в котором Вы сейчас живете, есть ли места, которые Вы любите посещать, по которым скучаете в случае отъезда, или таких мест нет?» (разработано авторами)

Figure 1. "In the town where you currently live, are there places you like to visit that you miss when you leave, or are there no such places?" (developed by the authors)

спрашивали: «По Вашему мнению, с чем, прежде всего, связано стремление молодых дальневосточников уехать с Дальнего Востока?». Можно было выбрать не более пяти вариантов ответов. Называли желание жить в более комфортном климате (38 %), начать больше зарабатывать (34 %), иметь больше перспектив для самореализации и карьерного роста (32 %). Факторы заработка и самореализации с карьерным ростом пересекаются, и назывались чаще (30 %). Наименее называемым было желание быстрее решить свои жилищные проблемы (9 %). Желание жить в месте с лучшей экологией, не на отшибе, дать детям больше возможностей для развития назвали 12 % опрошенных (рисунок 2).

Желающим уехать задавался вопрос: «Если Вы хотите или скорее хотите уехать с Дальнего Востока, то с чем, прежде всего, связано Ваше желание?». Отличие в том, что можно было выбрать не более трех вариантов ответа. Это делает выбранные варианты более важными. 36 % среди желающих уехать отмечают желание иметь большие перспективы для самореализации и карьерного роста, что превосходит 32 % в этом пункте, отмечавшиеся

в прошлом вопросе, что сходится с исследованием Я. Ю. Шашкова и С. Ю. Асеева [2, с. 97]. Хотят жить в более комфортном климате 31 %, что близко к 38 % в прошлом вопросе. Процент желающих начать больше зарабатывать сравнялся с процентом желающих жить там, где больше возможностей для разнообразного и интересного досуга — 22 %. Фактор желания зарабатывать уменьшился на $\frac{1}{3}$. Уменьшился процент желающих получить более качественное образование, в прошлом вопросе — 25 %, в текущем — 11 %. Повторяется низкий процент отмечающих желание жить в местах с более хорошей экологией, жить не на отшибе и решить жилищные проблемы — 8 % (рисунок 3).

Если смотреть на возрастные различия, то в вопросе желания жить в более комфортном климате этот показатель чаще всего отмечают респонденты в возрасте 22–23 лет — 41 %, 16–17 лет — 32 %, 18–19 лет — 30 %, 20–21 года — 27 %. В вопросе о желании получить более качественное образование сильно отличается группа респондентов в возрасте 20–21 год — лишь 5 %, 16–17 лет — 13 %, 18–19 лет — 14 %, 22–23 года — 14 %. Это связа-

Рисунок 2. «По Вашему мнению, с чем, прежде всего, связано стремление молодых дальневосточников уехать с Дальнего Востока?» (разработано авторами)

Figure 2. "In your opinion, what is the primary reason young Far Easterners want to leave the region?" (developed by the authors)

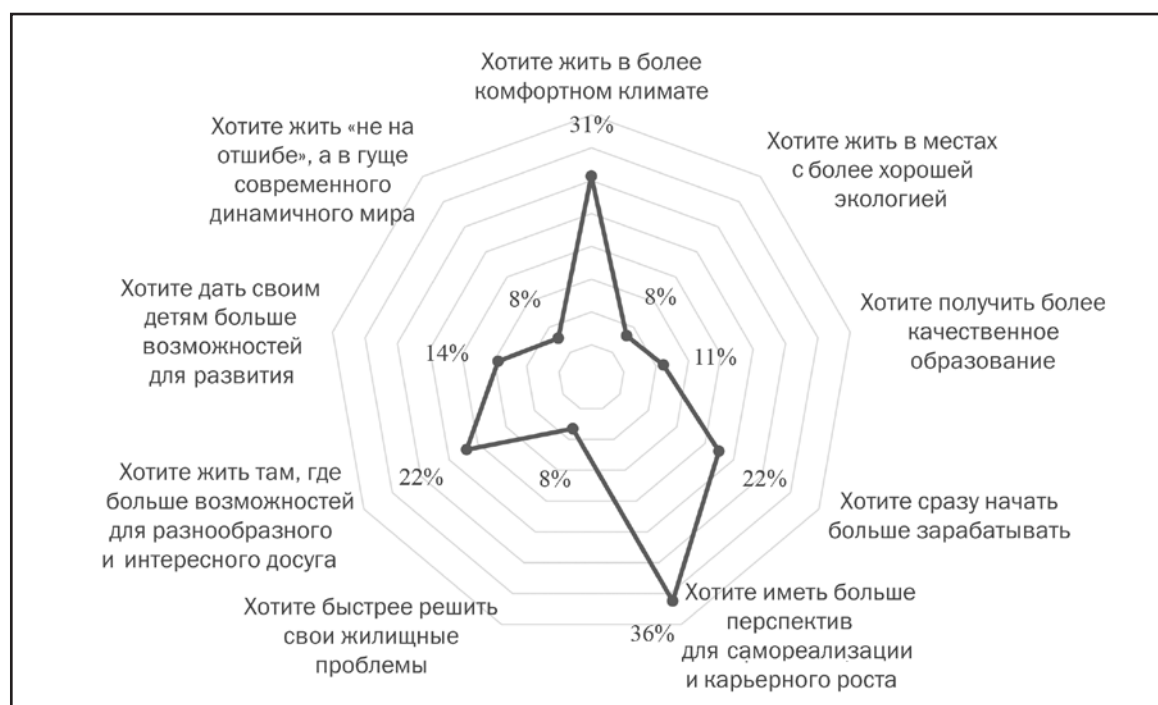

Рисунок 3. «Если Вы хотите или скорее хотите уехать с Дальнего Востока, то, с чем, прежде всего, связано Ваше желание?» (разработано авторами)

Figure 3. "If you want, or would rather, leave the Far East, what is the main reason for your desire?" (developed by the authors)

но с тем, что в возрасте 20–21 год нет перехода к новому уровню получения образования. Также это сходится с исследованием Е. М. Моисеева и С. Н. Мишука, где эта причина чаще отмечалась респондентами [1, с. 28]. В вопросе большего заработка сильно отличается группа 16–17 лет — лишь 14 %, 18–19 лет — 25 %, 20–21 год — 22 %, 22–23 года — 27 %. Это сходится с данными исследования [4, с. 122], где для младших возрастов менее важен заработок.

В вопросе про возможность быстрее решить жилищные проблемы, чем старше возрастная группа, тем значимее проблемы для миграции: в возрасте 16–17 лет — 5 %, 18–19 лет — 7 %, 20–21 год — 9 %, 22–23 года — 14 %, что связано с большей важностью для более старших возрастов разрешение жилищной проблемы.

Другой важный вопрос для уезжающих — это проблемы, с которыми они могут столкнуться на новом месте. Задавался вопрос: «С какими, прежде всего, трудностями Вы можете столкнуться, решившись уехать жить в другое место?» (рисунок 4). Можно было выбрать до трех вариантов ответа.

В вопросе трудностей в поисках жилья отличается группа 22–23 лет — 20 %, что мо-

жет быть связано с тем, что в данном возрасте больший процент респондентов работают, 16–17 лет — 25 %, 18–19 лет — 24 %, 20–21 год — 25 %.

В проблеме отсутствия близких людей, которые могут помочь с бытом, с увеличением возраста группы уменьшается важность этого фактора. Его отметили в группе 16–17 лет — 28 %, 18–19 лет — 24 %, 20–21 год — 18 %, 22–23 года — 18 % (рисунок 4).

В вопросе нехватки общения с друзьями наоборот, чем старше возрастная группа, тем важнее этот фактор. В группе 16–17 лет — 7 %, 18–19 лет — 8 %, 20–21 год — 8 %, 22–23 — 14 %. Проблема нехватки денег для обустройства на новом месте примерно на одном уровне по важности для всех возрастных групп.

Нехватка общения с родственниками наиболее важна для группы 16–17 лет — 17 %, у остальных групп этот показатель ниже: 18–19 лет — 13 %, 20–21 год — 12 %, 22–23 — 14 %. Значимость фактора отсутствия общения или помощи от родственников уменьшается с увеличением возраста.

Согласно исследованию Е. М. Моисеева и С. Н. Мишука причины остаться в основном ценностные, такие как привычка к месту жительства, привязанность к друзьям и род-

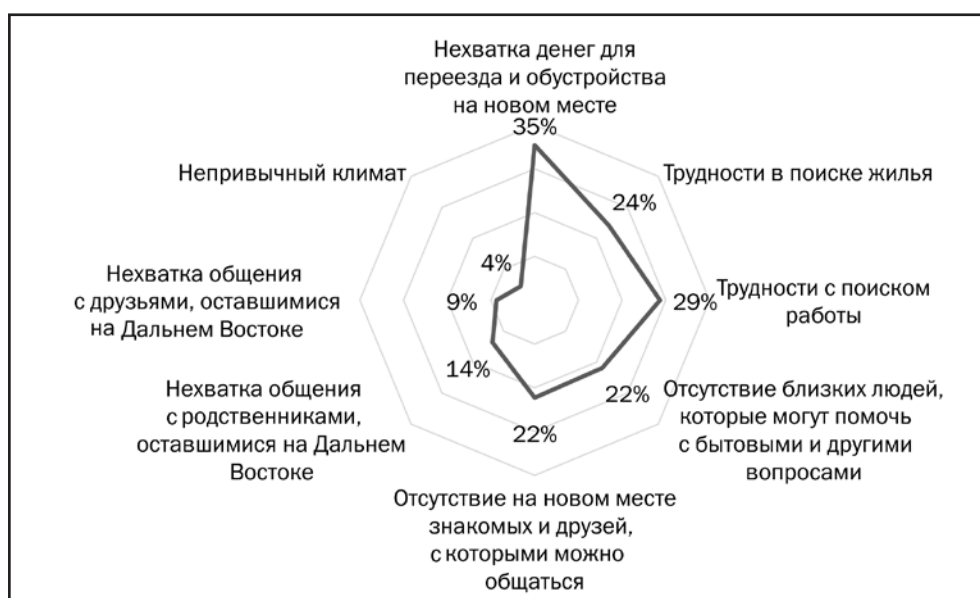

Рисунок 4. «С какими, прежде всего, трудностями Вы можете столкнуться, решившись уехать жить в другое место?» (разработано авторами)

Figure 4. "What are the main difficulties you might encounter if you decide to move to another place?" (developed by the authors)

ственники, но в исследовании, представленном в данной статье, респонденты чаще отметили материальные проблемы: нехватка денег, трудности в поиске жилья и работы.

Интересны ответы на вопрос: «Если Вы решитесь уезжать с Дальнего Востока, останется ли у Вас мечта, желание когда-нибудь, при изменении ситуации, вернуться на Дальний Восток?». У 49 % желание вернуться останется, 43 % считают, что вряд ли, 8 % считают, что ни в коем случае не вернутся. Данные свидетельствуют о потенциально большом числе уезжающих, которые не вернутся. Интересно сравнить с вопросом о мнении респондентов о том, вернутся ли уехавшие с Дальнего Востока. Считают, что вернутся немногие — 85 %, вернется достаточно много — 10 %, считают, что вернется большинство — 5 %. Оценка возможности вернуться для других значительно меньше, чем для себя.

Также интересен вопрос, задававшийся всем респондентам: «Куда в основном переезжает дальневосточная молодежь, решившая уехать с Дальнего Востока?». Предлагались варианты — Москва, Санкт-Петербург и Китай, а также вариант «другое», где респонденты сами писали города, регионы России или страны. Не было ограничений по количеству выбранных ответов. Москву и Санкт-Петербург называют основными направлениями миграции более 70 % респондентов. Из российских городов называли Краснодар, Калининград, Новосибирск, Екатеринбург, Волгоград, из ре-

гионов — Крым (рисунок 5). Краснодар, Волгоград — теплые города с населением больше 1 млн чел., Крым — также регион с теплым климатом, учитывая, что проблема климата является важной для желающих уехать с Дальнего Востока. Новосибирск и Екатеринбург — 3-й и 4-й города по населению в России и могут дать больше возможностей для досуга, самореализации и карьерного роста, большего заработка. Япония и Корея, как и Китай, расположены ближе к Дальнему Востоку, потому есть большая направленность на миграцию в эти страны на Дальнем Востоке.

Следующий вопрос, на который отвечали отметившие желание уехать: «Если Вы хотите или скорее хотите переехать с Дальнего Востока жить в другое место, то куда именно?». Процент считался от всей совокупности респондентов, в том числе от не желающих уехать.

Неожиданно большой процент из желающих уехать выбрали Санкт-Петербург — 40 %, а Москву — 35 %. 17 % выбрали направление Китая, Соотношение с Москвой и Санкт-Петербургом сильно увеличилось, по сравнению с прошлым вопросом. Япония и Корея, самостоятельно вписанные респондентами, тоже остались. Краснодар как теплый и большой город остался, остался и Новосибирск как крупный город, который может обеспечить определенный стиль жизни (рисунок 6).

Также интересные данные по ответу на вопрос: «Каким Вам видится населенный пункт, в котором Вы сейчас живете?», оценивая Хаба-

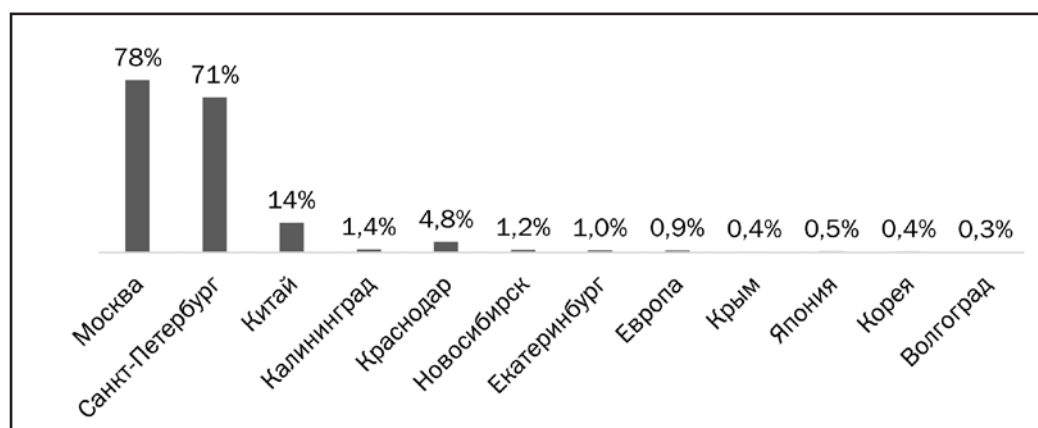

Рисунок 5. «Куда в основном переезжает дальневосточная молодежь, решившая уехать с Дальнего Востока?» (разработано авторами)

Figure 5 — "Where do young people from the Far East usually move to when they decide to leave the Far East?" (developed by the authors)

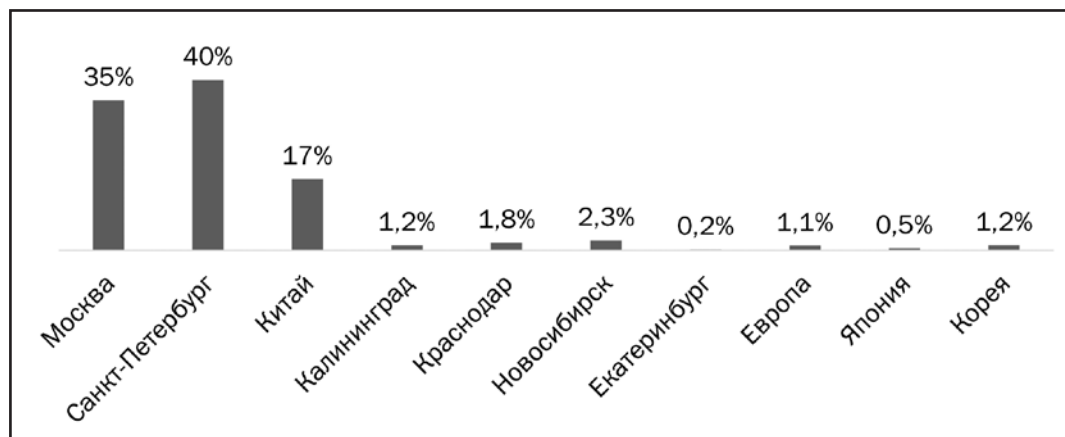

Рисунок 6. «Если Вы хотите или скорее хотите переехать с Дальнего Востока жить в другое место, то куда именно?» (разработано авторами)

Figure 6. "If you want, or would rather, move from the Far East to live somewhere else, then where exactly?" (developed by the authors)

ровск по разным параметрам от минус 3 до 3. Например, безопасный находится от 0 до 3, а не безопасный от 0 до минус 3.

Плохо оцениваемы климат с минус 0,1 и стоимость жизни в Хабаровске с 0,1. Климат чаще остальных назывался у всех респондентов. В вопросе о причинах миграции среди желающих уехать эта причина вторая по упоминаемости, она упоминается как важная в других источниках. Слабо оцениваются дороги — 0,5 и экология — 0,6. Уровень зарплат на 2-м месте у всех респондентов и на 3-м у желающих уехать. Хабаровск оценивается как красивый — 1,8 и родной — 1,9. Оценка красоты соотносится с 48 % респондентов, отметивших парки и скверы как места, которые любят посещать. Но согласно исследованию Ю. В. Березутского, ценность красоты природы и искусства не играет важную роль, ее отметили лишь 8 % респондентов. Слабо оценивается уровень зарплат — 0,5 (рисунок 7). Надо учитывать, что материальный достаток является важной частью ценностной ориентации молодежи Хабаровского края. В рейтинге ценностей-целей материально обеспеченная жизнь занимает 3-е место с 45 % показателем. Благосостояние воспринимается как база для реализации ценностей счастливой семьи и интересной работы. Уровень дохода, ассоциируемого с успехом у значительной части респондентов, от 200 до 500 тыс. руб. в месяц [3, с. 66]. В другом исследовании доход и ма-

териальное благополучие называются респондентами как главная жизненная ценность. Для группы 14 лет — 22 года в работе важнее интересность, чтобы она была по душе и приносила удовольствие, для группы 23–35 лет важнее хороший доход и адекватная нагрузка [4, с. 123].

Для молодежи образовательный мотив является одним из основных для миграции, в группе 14–19 лет является основным [4, с. 122]. Школьники, особенно 11-го класса, нацелены на поступление в престижные вузы, в том числе в других регионах страны. Треть школьников 9–10-х классов имеют установку на невозвратную миграцию, связанную с получением образования, воспринимаемую как стратегию на смену места жительства для жизни в более комфортной среде и получения более высоких зарплат [2, с. 97], что сходится со слабой оценкой уровня зарплат в Хабаровске. Хабаровский и Приморский края являются промежуточными пунктами, откуда выбывают и прибывают большое число молодежи. В Хабаровском крае отмечается миграционная убыль во всех возрастах, кроме возрастов в диапазоне 15–24 лет [1, с. 28]. Климат является важным фактором миграции, что отмечается и в других статьях.

На основе проведенных исследований можно сделать вывод, что обобщенной причиной миграции являются заинтересованность моло-

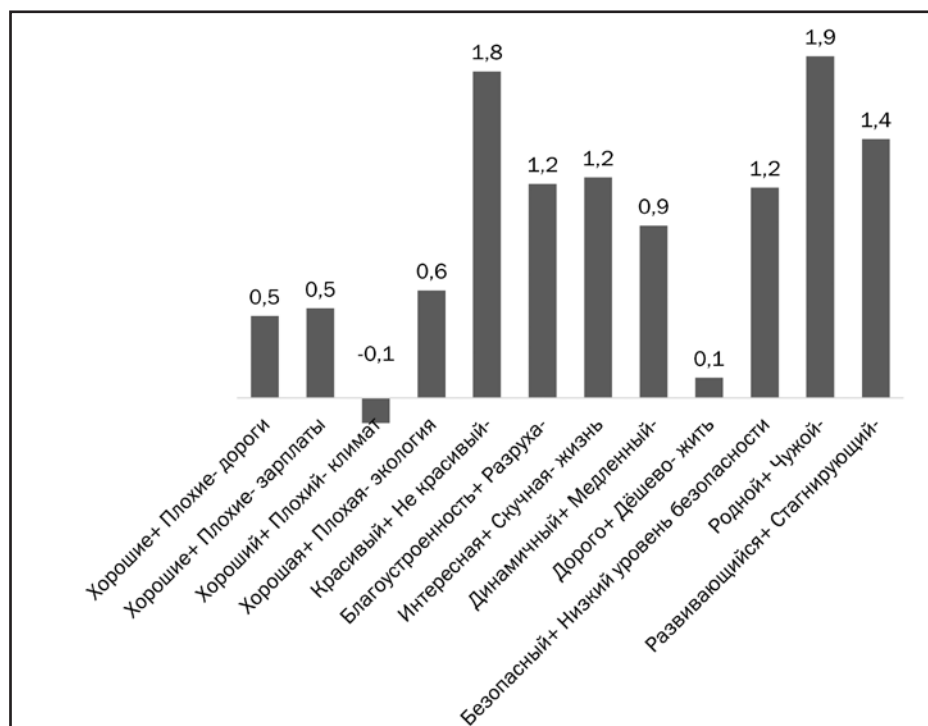

Рисунок 7. «Каким Вам видится населенный пункт, в котором Вы сейчас живете?». Оценка от минус 3 до 3 (разработано авторами)

Figure 7. "How do you see the locality where you currently live?" Rating from minus 3 to 3 (developed by the authors)

дежи в материальном плане: работа, образование, досуг, которую данный регион не может предоставить.

Материальная обеспеченность воспринимается не сама по себе, а как условие для реализации ценностей, но материальный аспект является ограничивающим миграцию. Возможности для самореализации и карьерного роста, интересного досуга, комфортный климат также выступают важными факторами миграции. Факторами, сдерживающими миграцию с Дальнего Востока, являются тесные свя-

зи с друзьями и родственниками на Дальнем Востоке.

Получение хорошего образования является ключевым для миграции молодежи. Его значимость зависит от возраста респондентов. Чем ближе переход на новую ступень образования, тем больше желание мигрировать.

Красота города, хотя и высоко оценивается респондентами и проявляется в любви посещать парки, скверы, природные достопримечательности, не является важным сдерживающим фактором для миграции.

Список источников

1. Моисеева Е. М., Мищук С. Н. Региональные особенности возрастной структуры миграции на Дальнем Востоке России // Народонаселение. 2024. Том 27, № 4. С. 18–33. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33.
2. Шашкова Я. Ю., Асеев С. Ю. Миграционные настроения и политические установки учащейся молодежи Сибири и Дальнего Востока: проблема соотношения // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 95–103. DOI: 10.31857/S013216250019429-4.
3. Березутский Ю. В. Молодежь Хабаровского края: «точка роста» или «точка невозврата»? // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 65–72. DOI: 10.31857/S013216250016668-7.
4. Зубков В. В. Миграционные представления молодежи как фактор развития дальневосточного региона // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1(110). С. 118–126. DOI: 10/22394/1818-4049-2025-110-1-118-126.

References

1. Moiseeva E. M., Mishchuk S. N. Regional features of the age structure of migration in the Russian Far East. *Narodonaselenie = Population*. 2024;27(4):18–33. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-4-18-33.
2. Shashkova Y. Y., Aseev S. Y. Migration sentiments and political attitudes of students in Siberia and the Far East: the problem of correlation. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2023;(2):95–103. DOI: 10.31857/S013216250019429-4.
3. Berezutsky Yu.V. Youth of the Khabarovsk Territory: "point of growth" or "point of no return"? *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2022;(2):65–72. DOI: 10.31857/S013216250016668-7.
4. Zubkov V. V. Migration perceptions of youth as a factor in the development of the Far Eastern region. *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii = Power and governance in the East of Russia*. 2025;(1(110)):118–126. DOI: 10/22394/1818-4049-2025-110-1-118-126.

Информация об авторах

А. В. Шайхитдинов — аспирант;

О. С. Кодис — кандидат филологических наук, доцент кафедры социологии и философии.

Information about the authors

A. V. Shaikhidinov — a postgraduate student;

O. S. Kodis — Candidate of Science (Philology), Associate Professor of the Department of Sociology and Philosophy.

Статья поступила в редакцию 24.06.2026; одобрена после рецензирования 23.07.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 24.06.2025; approved after reviewing 23.07.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 118–127
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72): 118–127

НАУЧНОЕ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО

Научная статья

УДК 337.5(470.57)

doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-118-127

СИСТЕМА СРЕДНЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Лилия Закировна Буранбаева^{1✉}, Алия Алифовна Атажанова²,
Гузель Азатовна Мусина³

¹Башкирская академия государственной службы и управления
при Главе Республики Башкортостан, Уфа, Россия, blz05101969@mail.ru✉

²Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия, Ata-aliya@yandex.ru

³Башкирский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации,
Уфа, Россия, g.a.musina@ruc.su

Аннотация. Предмет исследования — региональная система средне-профессионального образования. Цель исследования — теоретическое обоснование и эмпирический анализ трансформации системы среднего профессионального образования в Республике Башкортостан в условиях реализации федерального проекта «Профессионалитет» для выявления перспективных направлений ее развития на основе изучения практического опыта конкретного колледжа. Задачи исследования — дать оценку современного состояния системы среднего профессионального образования в Республике Башкортостан: раскрыть роль и сущность федерального проекта «Профессионалитет» как инструмента преодоления разрыва между системой образования и потребностями в кадрах у работодателей; на примере конкретного колледжа проанализировать практические возможности реализации проекта. Новизна исследования: исследование основано на результатах деятельности конкретного колледжа, что позволяет перейти от общих теоретических положений к оценке реальной эффективности внедренных практик на микроуровне. Выводы: Федеральный проект «Профессионалитет» активно трансформирует систему среднего профессионального образования в Республике Башкортостан. Он помогает устранить несоответствие между навыками выпускников и потребностями работодателей. Успешное внедрение практико-ориентированной модели в одном из колледжей республики, где создан образовательный кластер, подтверждает действенность этого подхода и его потенциал для распространения на другие образовательные организации системы среднего профессионального образования в республике.

Ключевые слова: образовательный кластер, Республика Башкортостан, система образования, среднее профессиональное образование (СПО), проект «Профессионалитет»

Для цитирования: Буранбаева Л. З., Атажанова А. А., Мусина Г. А. Система среднего профессионального образования в Республике Башкортостан: современное состояние и перспективы развития // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 118–127. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-118-127>.

Research article

THE SECONDARY VOCATIONAL EDUCATION SYSTEM IN THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Liliya Z. Buranbaeva^{1✉}, Aliya A. Atazhanova², Guzel A. Musina³

¹Bashkir Academy of Public Administration and Management
under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia, blz05101969@mail.ru✉

²Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia, Ata-aliya@yandex.ru

³Bashkir Cooperative Institute (Branch) of the Russian University of Cooperation, Ufa, Russia, g.a.musina@ruc.su

Abstract. The subject of the study is the regional system of secondary vocational education. The aim of the study is to provide a theoretical rationale and empirical analysis of the transformation of the secondary vocational education system in the Republic of Bashkortostan within the context of the federal project "Professionalism", in order to identify promising directions for its development based on the practical experience of a specific college. The research objectives are to assess the current state of the secondary vocational education system in the Republic of Bashkortostan; to elucidate the role and essence of the federal project "Professionalism" as a tool for bridging the gap between the education system and employer workforce needs; and to analyze the practical implementation possibilities of the project using a specific college as a case study. Research novelty: the study is based on the operational results of a specific college, allowing for a shift from general theoretical propositions to an assessment of the actual effectiveness of implemented practices at the micro-level. Conclusions: The federal project "Professionalism" is actively transforming the secondary vocational education system in the Republic of Bashkortostan. It helps to eliminate the mismatch between graduates' skills and employer needs. The successful implementation of a practice-oriented model at one of the republic's colleges — where an educational cluster has been established — confirms the effectiveness of this approach and its potential for replication across other secondary vocational education institutions in the republic.

Keywords: educational cluster, Republic of Bashkortostan, education system, secondary vocational education (SVE), project "Professionalism"

For citation: Buranbaeva L. Z., Atazhanova A. A., Musina G. A. The secondary vocational education system in the Republic of Bashkortostan: current state and development prospects. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)): 118–127. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-118-127>.

В 2026 году в России работодатели ожидают сохранения дефицита рабочих специальностей. При официально низком уровне безработицы (с января 2026 года — 2,3 %) дефицит работников оценивается миллионами и в прогнозе составит от 1,5 млн до 3,1 млн чел. к 2030 году. Одной из основных причин следует выделить демографические изменения, а именно — снижение уровня рождаемости и увеличение доли населения старших возрастов. На усиление нехватки работников и повышение стоимости труда оказывает влияние снижение притока мигрантов из-за рубежа (в том числе из Центральной Азии). Отдельной проблемой является дисбаланс спроса и предложения между «белыми»

(офисными работниками) и «синими воротничками» (сотрудниками средней квалификации): соотношение резюме по вакансиям составляет 11 [1]. Кроме того, потребность в кадрах увеличивается за счет роста доли частичной занятости теневой занятости, нежелания части населения работать официально, частичной мобилизации, роста числа индивидуальных предпринимателей (ИП) и самозанятых [2].

Отрасли с максимальным дефицитом: промышленность (машиностроение, металлургия, пищевая промышленность, обрабатывающий сектор); здравоохранение; логистика, транспорт; строительство; ИТ и технологический сектор; АПК. Для строительной отрасли

и промышленных предприятий востребованными вахтовыми работниками стали строители, операторы тяжелой техники, бурильщики, несмотря на высокие средние заработные платы (90 — 190 тыс. руб.). Зафиксирован дефицит кадров в сфере ЖКХ: спрос увеличился в 2,3 раза при росте заработной платы на 39 % (до 65 082 руб.).

Нехватка квалифицированных работников и специалистов среднего звена возникает, когда спрос работодателей в таких кадрах превышает количество подготовленных выпускников профессиональных учебных заведений. Это требует системного обновления образовательных программ среднего профессионального образования (СПО) для соответствия актуальным запросам рынка труда.

В настоящее время в Российской Федерации происходит возрождение СПО, и Республика Башкортостан по темпам модернизации ее образовательных организаций является одним

из лидеров в Приволжском федеральном округе (ПФО) и в целом по стране (таблица 1).

В Российской Федерации зарегистрированы 4541 образовательная организация и филиалы (в 2024 году — 3572), реализующие программы СПО для 3800,3 тыс. обучающихся (в 2024 году — 3711,1 тыс.).

В Республике Башкортостан популярность колледжей и техникумов среди школьников 9–11-х классов растет. Разветвленная сеть СПО занимает лидирующее первое место среди регионов ПФО как по количеству образовательных организаций и филиалов (142), так и по численности обучающихся (115 161 чел.). За последние двадцать лет численность обучающихся увеличилась почти вдвое (в 2005 году — 62 998 чел.). Образовательные услуги в государственных и муниципальных образовательных организациях (их 131) получают 94,8 % обучающихся, остальные выбрали частные образовательные организации.

Таблица 1. Рейтинг регионов Поволжского федерального округа в разрезе контингента обучающихся, количества образовательных организаций и филиалов, осуществляющих реализацию программ СПО в 2025 году*

Регион	Образовательные организации и филиалы, ед.	Ранг	Общая численность обучающихся, чел.	Ранг
ПФО, всего	1005	—	808 888	—
в том числе:				
Кировская область	64	8	31 975	9
Нижегородская область	103	3	78 517	5
Оренбургская область	75	7	57 001	7
Пензенская область	39	10	30 408	11
Пермский край	95	4	99 053	3
Республика Башкортостан	142	1	115 161	1
Республика Марий Эл	31	13	18 251	13
Республика Мордовия	33	12	18 015	14
Республика Татарстан	132	2	101 923	2
Самарская область	94	5	93 517	4
Саратовская область	77	6	60 324	6
Удмуртская Республика	57	9	44 061	8
Ульяновская область	37	11	28 866	12
Чувашская Республика	26	14	31 816	10

* Источник: разработано автором.

Подготовка кадров в системе СПО ведется по 170 специальностям и 88 рабочим профессиям. По программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих обучаются 22,2 % (в 2024 году — 22,3 %), специалистов среднего звена — 77,8 % (в 2024 году — 77,7 %).

Участники специальной военной операции (СВО) и их дети имеют преимущественное право зачисления в колледжи и техникумы вне зависимости от результатов освоения ими образовательной программы основного общего или среднего общего образования. В 2025 году зачислено 465 детей участников СВО и 25 участников СВО. В средних профессиональных организациях обучается 1944 ребенка и 269 участников СВО [3].

Из числа студентов СПО создаются студенческие отряды, организующие трудоустройство обучающихся, позволяющее совмещать им работу с учебой. В 2025 году в республике запущено 45 проектов для студенческих отрядов по пяти направлениям: медицина, педагогика, сельское хозяйство, производство и сервис, в 2026 году их число достигнет 52, в том числе имеющих статусы окружных и межрегиональных. Так, окружной проект будет реализован на базе Республиканской клинической психиатрической больницы, межрегиональный проект «Люди дела» предусматривает ремонт и обслуживание железных дорог.

Доля обучающихся, получающих образование за счет бюджетных средств, сокращается: в 2025 году — 66,2 % (76 290 чел.) из числа обучающихся, в 2024 году — 66,0 % (77 338 чел.). По договорам об оказании платных образовательных услуг обучаются 1/3 студентов. Увеличился контингент студентов, обучающихся по очной форме обучения: 106 523 чел. против 104 513 чел. (прирост — 1,9 %).

В городских поселениях сосредоточено наибольшее число образовательных организаций СПО — 56, остальные функционируют в столице (34), малых городах (15) и сельских поселениях (37).

В среднем по России 60 % девятиклассников поступают в СПО. По данному показателю есть и лидеры, и аутсайдеры (по данным 2024 года): Пермский край — 84,8 %, Тульская область — 79,3 %, Омская область — 74,1%, Удмуртская Республика — 74,0 %, Чукотский автономный округ — 25,8 %, Республика Тыва — 36,1 %, Тюменская область — 37,1 %, Чеченская Республика — 38,3 %. В Республике Башкортостан по результатам 2024 года приема 62,5 % выпускников 9-х классов сделали свой выбор в пользу СПО (в 2025 году — 63 %).

Ключевым драйвером развития системы СПО в регионе является федеральный проект «Профессионалитет» (с 2025 года включен в национальный проект «Молодежь и дети»), в рамках которого обучаются 68 099 студентов (для сравнения в 2024 году — 43 945 чел.). Проект направлен на создание современных учебно-производственных площадок, подготовку специалистов и рабочих с учетом запросов работодателей. В 86 регионах Российской Федерации насчитывается 506 кластеров по 24 отраслям, в том числе 323 образовательно-производственных кластера (таблица 2).

По числу образовательных кластеров Республика Башкортостан занимает первое место среди других образовательных организаций СПО [4].

В Республике Башкортостан с 2022 года действуют 19 кластеров СПО объемом финансирования за счет федеральных средств в размере 2,4 млрд рублей. Из республиканского бюджета направлено на ремонт учебных кор-

Таблица 2. Динамика развития показателей федерального проекта «Профессионалитет» в Российской Федерации*

	2022 год	2023 год	2024 год	2025 год
Количество кластеров	71	220	370	506
Количество предприятий	201	1006	1819	2485
Количество субъектов РФ	43	68	79	86

* Источник: разработано автором.

пусов действующих колледжей 1,3 млрд руб. (в среднем на один колледж 50 млн руб.) [5].

В течение 2026 года ожидается запуск восьми новых образовательных кластеров, учитывающих потребности в кадрах для топливно-энергетического комплекса, горнодобывающей и строительной отраслей, машиностроения и сельского хозяйства. На реализацию проекта планируется дополнительно привлечь 800 млн руб. федеральных средств и 400 млн руб. из республиканского бюджета. Кластеры будут заниматься подготовкой для 50 работодателей республики. Таким образом, общее число кластеров достигнет 27. Финансирование будет производиться за счет средств федерального бюджета. С 2022 года объем выделенных из федерального бюджета средств составил 2,4 млрд руб., из регионального — 1,2 млрд руб.

По итогам конкурсного отбора две образовательные организации СПО получили финансовые средства на модернизацию: Аксеновский агропромышленный колледж имени Н. Сибирцева и Зауральский агропромышленный колледж имени З. Акназарова. В целом модернизация затронет 10 колледжей [6].

В рамках федеральной программы капитального ремонта колледжей-грантополучателей федерального проекта «Профессионалитет» отремонтировано 29 образовательных организаций, в том числе в 2025 году — 15.

Наблюдается положительная динамика функционирования кластеров: работодатели участвуют в управлении образовательными организациями и разработке образовательных программ, в колледжах «Профессионалитета» увеличивается средний балл поступления (с 3,8 до 4,3) и конкурс на рабочие специальности (4 чел. на место (на специалистов — до 11 чел.)) [5], развивается практика целевого обучения и обеспечивается трудоустройство выпускников [7].

Наблюдается активность и по целевому обучению: если в 2022 году количество подписанных с работодателями договоров было 637, то в 2025 году их стало 4307. Четыре колледжа, осуществляющих подготовку обучающихся по проекту, показали хорошие результаты по трудоустройству своих выпускников: 67 % — трудоустроены, 9 % — продолжают обу-

чение в вузах, 14 % — проходят военную службу в рядах Вооруженных Сил Российской Федерации [5].

В Башкортостане успешно завершился первый год реализации федерального проекта «Кадры в АПК», направленного на обеспечение продовольственной безопасности страны. Республика продемонстрировала активное участие в формировании современной системы подготовки специалистов для аграрно-промышленного комплекса. Значительная часть финансирования (около 850 млн руб. в 2025 году) направлена на модернизацию и оснащение учебных заведений СПО, подчиненных Министерству сельского хозяйства Российской Федерации. Основная сумма (844 млн руб.) использована на капитальный ремонт и оборудование второго корпуса Башкирского государственного аграрного университета, и свыше 4 млн руб. — на развитие агроклассов.

28 мая 2025 г. Сибайский многопрофильный профессиональный колледж стал победителем федерального проекта «Профессионалитет». В 2027 году планируется выделить колледжу грант Министерства просвещения Российской Федерации в сумме 100 млн руб. На базе колледжа будет создан образовательный кластер «Центр подготовки кадров для горнодобывающей промышленности».

Субрегион Зауралье объединяет городской округ город Сибай Республики Башкортостан и Абзелиловский, Баймакский, Бурзянский, Зианчуринский, Зилаирский, Учалинский, Хайбуллинский муниципальные районы Республики Башкортостан.

Основными отраслями экономики Зауралья являются добывающая промышленность, обрабатывающая промышленность, сельское и лесное хозяйство. Предприятия горнодобывающей промышленности, расположенные в Зауралье (АО «Бурибаевский ГОК», ООО Новопетровское АО «Полиметалл УК», ООО «Шахтостроительное управление», АО «Бурибаевский ГОК», АО «Учалинский ГОК», АО «Башкирское шахтопроходческое управление», АО НПФ «Башкирская золотодобывающая компания», ООО «Башкирская медь») формируют спрос на рабочие специальности и профессии рынка труда Зауралья и пользуются спросом при трудоустройстве среди выпускников колледжей.

В связи с тем, что кластер будет находиться в близком расположении с опорными работодателями ООО «Новопетровское» АО «Полиметалл», АО «Бурибаевский ГОК», ООО «Шахтостроительное управление», это позволит повысить доступность и качество профессионального образования для кадрового обеспечения горнодобывающей отрасли Республики Башкортостан по запросам отраслевого работодателя, создания условий для индивидуализации образования и самореализации молодых людей, готовых к постоянному самообразованию и саморазвитию в профессиональной деятельности как важного фактора развития экономики региона.

Опорным работодателем выступает ООО «Новопетровское» АО «Полиметалл УК». Данное предприятие является стратегическим партнером колледжа в подготовке кадров горнодобывающей отрасли. Взаимодействие осуществляется на основе подписанного в 2025 году соглашения о взаимовыгодном сотрудничестве.

В рамках сотрудничества колледжа с ООО «Новопетровское» разработана инновационная образовательная программа «Развитие системы подготовки и переподготовки высококвалифицированных рабочих кадров и конкурентоспособных специалистов для высокотехнологичных производств предприятий горнорудной промышленности». Сотрудничество со стратегическим партнером ООО «Новопетровское» планируется осуществляться по следующим направлениям: участие специалистов базового предприятия в управлении колледжем в качестве членов Наблюдательного совета; участие в разработке образовательных программ; преподавательская деятельность специалистов предприятия в колледже по совместительству; оказание материальной, консультационной и информационной поддержки со стороны ООО «Новопетровское» с целью повышения качества подготовки специалистов; предоставление в подразделениях ООО «Новопетровское» рабочих мест для прохождения производственной практики студентов, руководство специалистов ООО «Новопетровское» производственной практикой; рецензирование выпускных квалификационных работ, участие руководителей структурных под-

разделений ООО «Новопетровское» в государственной итоговой аттестации выпускников; организация, проведение стажировки и повышения квалификации преподавателей и мастеров производственного обучения в подразделениях ООО «Новопетровское»; непосредственное участие ООО «Новопетровское» в формировании и совершенствовании материальной базы ГБПОУ «Сибайский многопрофильный профессиональный колледж».

В Сибайском многопрофильном профессиональном колледже приобретается современное оборудование, применяемое на предприятиях реального сектора экономики, в том числе программное обеспечение. Созданы мастерские и лаборатории, которые частично оснащены современным учебным и производственным оборудованием. Это позволяет применять практико-ориентированные технологии обучения, внедрять в учебный процесс элементы дуального обучения.

За последние три года колледж приобрел надежных социальных партнеров из числа ведущих отечественных и мировых компаний горнорудной отрасли. Партнеры принимают непосредственное участие в образовательном процессе, формировании материальной базы колледжа, современных лабораторий и мастерских, совершенствовании методического обеспечения в том числе оказывая материальную благотворительность.

В рамках федерального проекта «Профессионалитет» планируется реализация основных профессиональных образовательных программ по востребованным для организаций-участников центра специальностям и профессиям: электрослесарь подзеньный; гидрогеология и инженерная геология; геологическая съемка, поиск и разведка месторождений полезных ископаемых; маркшейдерское дело; шахтное строительство; землеустройство; защита в чрезвычайных ситуациях; поварское и кондитерское дело; экономика и бухгалтерский учет; слесарь-наладчик контрольно-измерительных приборов и автоматики.

Результативность деятельности кластера оценивается реализацией планируемых социально-экономических эффектов:

- количество обучающихся по образовательным программам СПО в рамках федераль-

ного проекта «Профессионалитет: 425 чел. в 2026 году, до 1270 чел. в 2028 году;

- количество профессий и (или) специальностей СПО, по которым реализуются образовательные программы в рамках федерального проекта «Профессионалитет» в интересах организаций-работодателей, участвующих в реализации программы деятельности кластера — 10 единиц;

- количество работников организаций, действующих в реальном секторе экономики (организаций-работодателей), являющихся участниками кластера, включенных в образовательный процесс в качестве преподавателей, мастеров производственного обучения, наставников, кураторов и др.: 15 чел. в 2026 году, до 35 в 2028 году;

- количество заключенных с гарантией трудоустройства выпускников договоров о целевом обучении: 60 чел. в 2026 году, до 100 договоров в 2028 году;

- создание учебно-производственного комплекса (УПК) на базе колледжа-грантополучателя — 1 ед.;

- численность обучающихся — участников молодежных медиацентров в образовательных организациях, реализующих программы СПО: 50 чел. в 2026 году, до 70 в 2028 году;

- численность обучающихся — участников команд Амбассадоров Профессионалитета в образовательных организациях, реализующих программы СПО: 40 чел. в 2026 году, до 60 в 2028 году;

- объем средств республиканского бюджета, на территории которого создается кластер, выделяемых дополнительно (сверх объема финансового обеспечения выполнения государственного задания) и внебюджетных средств, организаций реального сектора экономики, действующих в горнодобывающей отрасли, участвующих в реализации программы деятельности кластера, направляемых на развитие инфраструктуры кластера в части оснащения материально-технической базы и проведения капитального ремонта — 69 млн руб. [8].

В ходе оценки были выявлены риски реализации проекта, а также представлены возможные пути их минимизации (таблица 3).

Систематизация рисков, приведенная в таблице 3, демонстрирует комплексный харак-

тер изменений, происходящих в региональной системе СПО в ходе реализации проекта «Профессионалитет». Выделенные четыре категории — образовательные, контингентные, организационно-кадровые и социально-экономические — позволяют структурировать стратегию минимизации угроз и оценить ее практическое значение. Так, риски снижения качества подготовки, обусловленные сжатыми сроками обучения, нивелируются внедрением модульных программ, разрабатываемых совместно с работодателями. Это требует от педагогов высокого уровня методической компетенции. В свою очередь, риски, связанные с уровнем подготовки абитуриентов, решаются через предварительную профориентацию, что важно для горнодобывающего кластера Зауралья. Кроме того, организационно-кадровые риски, вызванные дефицитом квалифицированных кадров, требуют интеграции колледжей с производственными предприятиями: привлечения специалистов-практиков и создания гибких систем мотивации, что предполагает активное участие предприятий в образовательном процессе.

Анализ состояния и потребностей республики показывает, что созданный образовательный кластер в Сибайском многопрофильном профессиональном колледже объединит ресурсы колледжа, профильных предприятий-работодателей и органов власти, что позволит синхронизировать учебные программы с реальными производственными задачами и обеспечит целевой поток выпускников на ключевые предприятия республики.

Федеральный проект «Профессионалитет» продемонстрировал свою результативность в разрешении проблемы дефицита рабочих кадров. Благодаря ему выпускники быстрее адаптируются на производстве, колледжи получили современное оборудование, а бизнес активно участвует в формировании образовательных программ. Однако для обеспечения устойчивого роста всей системы СПО требуется дальнейшее развитие отраслевых кластеров, внедрение гибких образовательных модулей, ориентированных на специфические особенности предприятий, а также повышение статуса рабочих профессий за счет создания возможностей для карьерного роста и гаран-

Таблица 3. Риски реализации проекта и пути их минимизации*

Риски	Пути минимизации рисков
Снижение качества подготовки, в том числе и воспитательной, обучающихся за счет уменьшения сроков подготовки по программам «Профессионалитет»	Конструирование гибких программ по модульному принципу с применением современных технологий и учетом потребностей предприятий отрасли как по набору необходимых компетенций, так и по количеству необходимых специалистов
Уровень подготовки абитуриентов не достаточен для ускоренного освоения профессиональных образовательных программ в рамках проекта «Профессионалитет»	Расширение форм дополнительного предпрофессионального образования для обучающихся старших классов школ
Ухудшение в образовательной среде условий для полноценного развития обучающихся	Постоянный мониторинг качества преподавательской деятельности, информационное и методическое сопровождение преподавателей, своевременное повышение квалификации педагогических работников на предприятиях
Изменения социально-экономических условий развития горнодобывающей отрасли Республики Башкортостан и Российской Федерации	Проведение рекламных и имиджевых мероприятий с целью предоставления преимуществ новой системы профессиональной подготовки, демонстрация профессиональных компетенций выпускников на конкурсах профессионального мастерства, чемпионатах и проч., в процессе прохождения производственной и преддипломной практики на предприятии
Риск для выпускников, обучающихся по ускоренным программам, быть нетрудоустроенными. Сложности с организацией производственной практики для обучающихся и трудоустройством лиц, не достигших 18 лет на производства с опасными производственными факторами	Разработка и реализация проектов сопровождения, наставничество, программы трудоустройства несовершеннолетних
Призыв в Вооруженные силы Российской Федерации более 45 % выпускников, подлежащих призыву, сразу после выпуска из профессиональной образовательной организации	Необходимо законодательное закрепление отсрочки от призыва для выпускников, участвующих в проекте «Профессионалитет», или альтернативные формы службы, в том числе на предприятии
Снижение количества абитуриентов	Проведение профориентационной работы
Кадровый голод педагогического состава, недостаточная заинтересованность педагогов в участии в программе	Создание систем мотивации для повышения квалификации, переобучения, стажировка по профилю направления подготовки, прием по совместительству в качестве педагогов и мастеров производственного обучения работников организаций реального сектора экономики
Изменения, связанные с использованием инновационных технологий в образовании	Внедрение новых технологий в образование
Нарушение сроков поставки закупаемого товара по программе	Мониторинг и контроль выполнения заказов

* Разработано автором.

тированного трудоустройства. Реализация этих мер позволит республике не только устранить существующий кадровый голод, но и занять ли-

дирующие позиции в подготовке высококвалифицированных специалистов для отраслей экономики.

Список источников

1. Дефицит кадров в 2026 году: почему не хватает 3 млн работников и что делать бизнесу // ruqi.ru : сайт. URL: <https://ruqi.ru/blog/prkjkm51-3-milliona-ne-hvataet-kak-defitsit-kadro>. Дата публикации: 10.02.2026.
2. Шилова Наталья. Основные причины дефицита кадров в России в 2026 году // Всем!ру : сайт. URL: https://wsem.ru/publications/osnovnye_prichiny_defitsita_kadrov_v_rossii_v_2026_godu_43642/. Дата публикации: 26.03.2026.
3. Сабирова, З. Э. Образовательные кадровые программы и проекты в системе поддержки участников СВО // Экономика и управление. 2025. № 5(185). С. 139–142. DOI: 10.34773/eu.2025.5.23.
4. Республика Башкортостан вошла в число регионов-лидеров по числу кластеров «Профессионалитета» // Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы : официальный сайт. URL: <https://bspu.ru/news/40709>. Дата публикации: 13.02.2026.
5. В Башкортостане студентов колледжей стало больше, чем студентов вузов // Рамблер/новости : сайт. URL: <https://news.rambler.ru/community/55546424-v-bashkortostane-studentov-kolledzhey-stalo-bolshechem-studentov-vuzov>. Дата публикации: 30.10.2025.
6. Башкирия укрепляет лидерские позиции в сфере СПО // birskpress.ru : сайт. URL: <https://birskpress.ru/articles/natsionalnye-proekty/2026-02-16/bashkiriya-ukreplyaet-liderskie-pozitsii-v-sfere-spo-4580422>. Дата публикации: 16.02.2026.
7. О модернизации образования: итоги и перспективы развития СПО в Башкирии // Молодежная газета : сайт. URL: <https://mgazeta.com/news/novosti/2026-02-16/o-modernizatsii-obrazovaniya-itogi-i-perspektivy-razvitiya-spo-v-bashkirii-4579889>. Дата публикации: 16.02.2026.
8. Программа развития государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения Сибайский многопрофильный профессиональный колледж на 2023–2025 годы // Сибайский многопрофильный профессиональный колледж : официальный сайт. URL: https://sibaipolitech.ucoz.ru/Document/2023/programma_razvitija_gbpou_smpk_2023-2025.pdf (дата обращения: 31.05.2026).

References

1. Labor Shortage in 2026: Why 3 million workers are missing and what businesses should do. ruqi.ru (website). (In Russ.). Available from: <https://ruqi.ru/blog/prkjkm51-3-milliona-ne-hvataet-kak-defitsit-kadro>. Publication date: February 10, 2026.
2. Shilova Natalia. Main causes of the labor shortage in Russia in 2026. Vsem.ru (website). (In Russ.). Available from: https://wsem.ru/publications/osnovnye_prichiny_defitsita_kadrov_v_rossii_v_2026_godu_43642/. Publication date: March 26, 2026.
3. Sabirova Z. E. Educational and workforce programs and projects within the support system for Special Military Operation participants. *E`konomika i upravlenie = Economics and Management*. 2025;(5(185)): 139–142. (In Russ.). DOI: 10.34773/eu.2025.5.23.
4. Republic of Bashkortostan among leading regions for number of "Professionalitet" clusters. M. Aknulla Bashkir State Pedagogical University: official website. (In Russ.). Available from: <https://bspu.ru/news/40709>. Publication date: February 13, 2026.
5. Bashkiria strengthens leading position in secondary vocational education. birskpress.ru (website). (In Russ.). Available from: <https://birskpress.ru/articles/natsionalnye-proekty/2026-02-16/bashkiriya-ukreplyaet-liderskie-pozitsii-v-sfere-spo-4580422>. Publication date: February 16, 2026.
6. College students in Bashkortostan now outnumber university students. Rambler/news : website. (In Russ.). Available from: <https://news.rambler.ru/community/55546424-v-bashkortostane-studentov-kolledzhey-stalo-bolshechem-studentov-vuzov>. Publication date: October 30, 2025.
7. On the modernization of education: results and development prospects for secondary vocational education in Bashkiria. Molodezhnaya Gazeta : website. (In Russ.). Available from: <https://mgazeta.com/news/novosti/2026-02-16/o-modernizatsii-obrazovaniya-itogi-i-perspektivy-razvitiya-spo-v-bashkirii-4579889>. Publication date: February 16, 2026.

8. Development program of the state budgetary professional educational institution "Sibay Multidisciplinary Vocational College" for 2023–2025. Sibay Multidisciplinary Vocational College: official website. (In Russ.). Available from: https://sibaipolitech.ucoz.ru/Document/2023/programma_razvitija_gbpou_smpk_2023-2025.pdf (date of access: May 31, 2026).

Информация об авторах

Л. З. Буранбаева — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления;
А. А. Атажанова — старший преподаватель кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин;
Г. А. Мусина — старший преподаватель кафедры экономики и предпринимательства.

Information about the authors

L. Z. Buranbaeva — Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of Economics and Management;
A. A. Atazhanova — Senior Lecturer of the Department of Socio-Economic and Humanities Disciplines;
G. A. Musina — Senior Lecturer of the Department of Economics and Entrepreneurship.

Статья поступила в редакцию 01.06.2026; одобрена после рецензирования 23.07.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 01.06.2026; approved after reviewing 23.07.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 128–135
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):128–135

Научная статья

УДК 005.8:332.02

doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-128-135

ВНЕДРЕНИЕ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ВУЗАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ: СТРАТЕГИЯ И РЕАЛИЗАЦИЯ

Зиляра Жановна Гумерова¹, Айгуль Калашовна Мухамадиярова²✉

¹Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, lapa28@rambler.ru

²Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия, ai_mukhamad@rambler.ru✉

Аннотация. В статье рассматривается комплексный подход к внедрению здоровьесберегающих технологий в вузах Российской Федерации в контексте реализации национальных проектов. Анализируются стратегические цели, ключевые показатели и механизмы стратегического управления, направленные на формирование у учащейся молодежи навыков физической культуры, что будет способствовать росту качества и продолжительности жизни граждан, а также активному долголетию. Особое внимание уделяется модернизации учебных планов путем интеграции в них дисциплин, направленных на повышение осознанного выбора здорового образа жизни и привычки к физическим нагрузкам и спорту.

Ключевые слова: здоровьесберегающие технологии, образовательные программы, обучающиеся, образовательные учреждения, стратегическое управление, культура физической активности, культура активного долголетия, национальные проекты, профилактика профессиональных заболеваний, цифровизация здравоохранения

Для цитирования: Гумерова З. Ж., Мухамадиярова А. К. Внедрение здоровьесберегающих технологий в вузах Российской Федерации для формирования культуры активного долголетия: стратегия и реализация // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 128–135. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-128-135>.

Research article

INTRODUCTION OF HEALTH-SAVING TECHNOLOGIES IN RUSSIAN UNIVERSITIES TO CREATE A CULTURE OF ACTIVE LONGEVITY: STRATEGY AND IMPLEMENTATION

Zilyara Zh. Gumerova¹, Aigul K. Mukhamadiyarova²✉

¹Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, lapa28@rambler.ru

²Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, ai_mukhamad@rambler.ru✉

Abstract. The article considers an integrated approach to the introduction of health-saving technologies in higher education institutions of the Russian Federation in the context of the implementation of national projects. The article analyzes strategic goals, key indicators and strategic management mechanisms aimed at developing physical education skills among young students, which will contribute to an increase in the quality and life expectancy of citizens, as well as active longevity. Special attention is paid to the modernization of curricula by integrating disciplines into them aimed at increasing the conscious choice of a healthy lifestyle and habits of physical activity and sports.

Keywords: health-saving technologies, educational programs, university students, educational institutions, strategic management, culture of physical activity, culture of active longevity, national projects, prevention of occupational diseases, digitalization of healthcare

For citation: Gumerova Z. Zh., Mukhamadiyarova A. K. Introduction of health-saving technologies in Russian universities to create a culture of active longevity: strategy and implementation. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'nykh tekhnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)):128–135. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-128-135>.

В нашей стране на краткосрочный период до 2030 года включительно и стратегический срок до 2036 года для успешной реализации национальных целей развития Российской Федерации установлен ряд показателей и индикаторов [1], с помощью которых отслеживается прогресс достижения стратегических целей, дается оценка изменения качества жизни всех категорий населения страны, включая те показатели и индикаторы, которые дают информацию об увеличении продолжительности жизни граждан, росте активного долголетия, снижении смертности от заболеваний, обусловленных возрастными физиологическими изменениями организма. В текущей ситуации необходимость работы в направлении позитивных демографических изменений, обеспечения роста количества активного пожилого населения в составе общества, достижения целей сохранности здоровья и активизации действий по обеспечению долголетия должны быть не просто включены в государственный план существования общества, но и должны быть декомпозированы в конкретные задачи планов развития территорий, городских округов и всех видов поселений.

С позиции стратегического управления государством, здоровье нации в целом и отдельных возрастных групп населения со временем переходят из медицинской категории в категорию экономического и социального потенциала страны. Успешность системы здравоохранения и эффективность деятельности отдельных учреждений системы здравоохранения существенно влияют на такие показатели, как количество дней листков нетрудоспособности, повторные обращения по тому же поводу в учреждения здравоохранения, производительность и качество труда, устойчивостью пенсионной системы страны [1]. В связи с этим считаем, что разработка здоровьесберегающих технологий, грамотное внедрение и управление эти-

ми технологиями должны получить статус государственного приоритета, что в свою очередь потребует системности, комплексности и межведомственной координации.

В настоящем исследовании авторы ставят и решают задачи, способствующие научно обоснованию подходов решения вопросов обеспечения эффективности управления здоровьесберегающими технологиями:

- проведение междисциплинарного анализа для уточнения ряда определений, в том числе: «здоровьесберегающие технологии», «стратегическое управление внедрением здоровьесберегающих технологий», «методы оценки эффективности стратегического управления внедрением здоровьесберегающих технологий», «планирование, организация, мотивирование и контроль внедрения здоровьесберегающих технологий»;
- разработка схемы стратегического управления внедрением и развитием здоровьесберегающих технологий в образовательных учреждениях с точки зрения модернизации учебного процесса и учебных планов;
- формирование системы ключевых показателей эффективности внедрения здоровьесберегающих технологий в образовательных учреждениях, включая показатели оценки формирования у обучающихся знаний, умений и навыков здорового образа жизни.

Прежде, чем перейти к описанию элементов и схемы стратегического управления внедрением здоровьесберегающих технологий в образовательных учреждениях, необходимо рассмотреть ряд понятий, связанных с обозначенной темой, а также законодательные и нормативные документы федерального уровня как основы построения комплекса мероприятий по обеспечению приверженности граждан Российской Федерации здоровому образу жизни и активному долголетию. Понятия «здоровьесберегающие технологии», «strate-

гическое управление внедрением здоровьесберегающих технологий», «активное долголетие», «приверженность здоровому образу жизни» и «социальное проектирование» возникли и активно используются в последние несколько лет в законодательстве Российской Федерации, в направлениях научных исследований, СМИ — не случайно. Причин можно назвать несколько, от глобальных мировых тенденций до изменения личного отношения человека к себе и своему здоровью. К глобальным причинам считаем возможным отнести: научные открытия в генетике, инновации в фармацевтике, пандемия COVID-19 в 2019–2022 гг., подвижки в управлении сферой здравоохранения в Российской Федерации, социально-политические факторы, структурные сдвиги в мировой экономике, развитие сначала Интернета, а затем — роботизация и внедрение искусственного интеллекта во многие сферы жизни человека. Указанные причины начали менять уклад жизни как городских, так и сельских жителей, что потребовало, в свою очередь, необходимость изменения мышления и приспособления к новым технологическим и геополитическим вызовам.

В современных условиях внедрение здоровьесберегающих технологий перестало быть сугубо медицинским вопросом и задачей системы здравоохранения Российской Федерации. Это комплексная задача, решение которой должно быть расширено за счет сферы педагогики, андрологии, стратегического управления и экономики. Последняя сфера позволяет перевести понятие «активное долголетие» в понятие «трудовое долголетие», которое исследуется в ряде работ по управлению кадровым потенциалом отраслей и регионов Российской Федерации [2]. «В современном обществе проблематика здоровья и здорового образа жизни приобретает не просто индивидуальное, а общенациональное, стратегическое значение. Гуманизация жизни, гуманистические установки на приоритет личности и ее благополучия, качественные изменения в социокультурной среде диктуют необходимость пересмотра не только государственной политики в сфере здравоохранения, но и массовых жизненных стратегий. Именно здоровье становится системообразующим фактором

жизнеспособности нации и залогом ее экономического и социального потенциала» [3].

На наш взгляд, университеты должны стать флагманами образования и культуры, отвечающими новым условиям, должны помочь адаптироваться учащейся молодежи к ситуации, когда отдельный кризис достаточно сложно выделить по времени и масштабу влияния, цепь разнохарактерных и разноуровневых кризисов начинает сливаться в один бесконечный кризис (так называемый «перманентный кризис»), и целью отдельного человека становится выдержать постоянный стресс и проявить гибкость и быструю адаптивность, чтобы продолжать процесс обучения и/или работы, параллельно создавать семью, строить карьеру, несмотря на неблагоприятные внешние факторы и прогнозную информацию о новых кризисах. Перед образовательными учреждениями всех уровней образования стоит задача выстраивания системы стратегического управления внедрением здоровьесберегающих технологий, изменения мышления обучающихся и сотрудников для роста их приверженности здоровому образу жизни, что возможно через социальное проектирование и внедрение понятий «здоровьесбережение», «здоровый образ жизни» и «активное долголетие». Университеты не одиноки в решении этой задачи. Специалисты в данной области, российские ученые Н. П. Абаскалова, Э. Н. Вайнер, И. А. Растворцева и другие отмечают, что перечисленные понятия должны быть знакомы студентам до обучения в вузе, то есть в дошкольных учреждениях и школах должны применяться методики здоровьесбережения и выработки здоровых привычек. В монографии «Системный подход в формировании здорового образа жизни субъектов образовательного процесса „школа-вуз“» Н. П. Абаскалова пишет о высокой значимости знаний о здоровьесбережении, что «зачастую, отрывочные знания, получаемые студентами в этой области знаний, остаются сугубо теоретическими, никак не влияя на их повседневную жизнь, способы решения возникающих проблем со здоровьем... данное образование даст возможность приобрести будущим специалистам те знания, умения, навыки и качества личности, которые обеспечат им возможность в течение всей жизни осуществлять эффективную профессиональную деятельность

и реализацию жизненных планов, основанных на приоритете здоровья» [3].

1. Стратегические цели и национальные проекты в сфере активного долголетия.

Современная парадигма государственного управления в сфере здравоохранения базируется на переходе от модели лечения заболеваний к модели управления здоровьем на протяжении всего жизненного цикла человека. Этот подход нашел свое отражение в обновленных национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и перспективу до 2036 года.

Центральным элементом данной стратегии является национальный проект «Продолжительная и активная жизнь», стартовавший в 2025 году [4]. Его главная цель — создание условий для здорового долголетия граждан. Проект декомпозируется на ряд федеральных проектов, охватывающих все аспекты здоровьесбережения: от профилактики и ранней диагностики до высокотехнологичной помощи и реабилитации.

Основой для реализации задачи увеличения количества людей, выбравших здоровый образ жизни стали государственные программы последних лет [5–6].

Так, главной целью национального проекта «Здравоохранение» (2019–2024 гг.) являлась в том числе профилактика заболеваний и формирование здорового образа жизни. На пятилетний период целевыми индикаторами национального проекта «Здравоохранение» были:

- рост продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году и до 81 года к 2036 году;
- снижение смертности населения от всех причин и прежде всего от заболеваний системы кровообращения и сердца, онкологических заболеваний;
- увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни (ЗОЖ): посредством обеспечения условий для занятий спортом и физкультурой, через изменение мышления и личного ответственного отношения людей к образу жизни, здорового питания, что в целом должно привести к изменению уровня здоровья;
- создание условий, когда все категории населения имеют 100 % доступ к первичной

медико-санитарной помощи, включая жителей отдаленных территорий.

Продолжением национального проекта «Здравоохранение» с 2025 года стал национальный проект «Новые технологии сбережения здоровья», включающий в том числе ориентацию на технологический суверенитет Российской Федерации [7].

Целевыми индикаторами стали:

- достижение к 2030 году доли отечественных медицинских изделий на внутреннем рынке в размере 40 %;
- доли радиофармацевтических лекарств российского производства в размере 95 %;
- доли стратегически значимых лекарств, производимых в Российской Федерации по полному циклу в размере 80 %.

2. Основные направления реализации здоровьесберегающих технологий.

Реализация национального проекта «Новые технологии сбережения здоровья» будет оцениваться через достижение стратегических целей и за счет проведения комплекса взаимосвязанных мероприятий. Комплекс мероприятий условно можно распределить на пять групп, основой каждой из которых являются здоровьесберегающие технологии нового поколения. Часть факторов каждой группы полностью или частично являются медицинскими, часть факторов зависят от системы управления, организации и контроля со стороны управленческих структур разного уровня: по нисходящей линии управления от государственного уровня до системы управления отдельными организациями и учреждениями.

2.1. Реформирование первичного звена здравоохранения и усиление профилактики.

2.2. Изменение технологий и схем медицинской помощи для снижения влияния заболеваний, относящихся к ключевым причинам.

2.3. Расширение цифровизации здравоохранения, включая создание единых алгоритмов, обеспечивающих единство информационного пространства для создания национальной цифровой платформы «Здоровье».

2.4. Изменение парадигмы воспитания и обучения на всех уровнях системы образования, направленной на расширение физической и спортивной нагрузки в процессе обуче-

ния, воспитание людей, стремящихся к активной здоровой жизни.

2.5. Социальные проекты активного долголетия.

При разработке этих программ акцент должен бы перенесен с сохранения здоровья уже достигшими «серебряного возраста» граждан на воспитание молодежи в парадигме нового представления о себе, своем здоровье, активной жизни не только в сфере профессиональных интересов, но и физической культуры.

Здоровьесбережение не должно ограничиваться ни медицинскими, ни возрастными рамками. Параллельно с Программами типа «Активное долголетие», которые мотивируют граждан старшего возраста к систематическим занятиям физкультурой, спортом и волонтерством, должны более активно разрабатываться и внедряться программы для всех возрастных групп населения и типов (категорий) организаций. В качестве примера можно привести возрождение системы сдачи норм ГТО для разных возрастных ступеней (всего 18 ступеней) — от 6 лет включительно до граждан от 70 лет и старше. Также в разных регионах Российской Федерации разработаны и успешно реализуются социальные проекты для студентов, работающих граждан, пенсионеров и акции по вручению памятных подарков наиболее активным участникам [8–9], что демонстрирует комплексный подход государства к поддержанию социального и физического здоровья.

Оценку успешности и эффективности внедрения здоровьесберегающих технологий в вузах России можно провести по следующим показателям:

1. Снижение процента студентов, имеющих привычку табакокурения (в том числе электронные сигареты и прочие приспособления для вдыхания никотиносодержащих веществ) по результатам входной диагностики в начале семестра (обучения) и итоговой диагностики в конце семестра (обучения);

2. Рост процента студентов, имеющих привычку делать утреннюю зарядку или разминку (физическую активность) в течение дня по результатам входной диагностики в начале семестра (обучения) и итоговой диагностики в конце семестра (обучения);

3. Рост количества студентов, занимающихся регулярно в специализированных спортивных секциях в вузе и/или вне вуза по отчетности кафедры физической культуры вуза;

4. Рост количества студентов, участвующих в спортивных соревнованиях различных уровней и занимающих призовые места в вузе и/или вне вуза по отчетности кафедры физической культуры вуза.

Предложенных показателей вполне достаточно для первичной оценки отдачи от действий по внедрению здоровьесберегающих технологий в вузах и определения, какие именно программы, мероприятия, активности наиболее интересны для студентов, сотрудников и преподавателей. По мере необходимости система показателей может дополняться любыми информативными и удобными для сбора и обработки показателями.

В качестве выводов авторы статьи хотели бы акцентировать внимание на том, что внедрение здоровьесберегающих технологий в образовательных учреждениях России не является набором стандартных мероприятий и процедур проведения одноразовых спортивных мероприятий для отчетности, а должно стать как целостной системой стратегического планирования, внедрения и управления целенаправленной работы административных и образовательных структур университетов, связанных с организацией и реализацией учебного процесса и формированием учебных планов, так и системной работой по изменению мышления, а значит, и изменению отношения к занятиям спортом и правильным привычкам. Должно измениться понимание, что отношение к физической культуре каждого участника образовательного процесса определяет не только личную позицию человека, но и влияет на общий уровень показателей национальных программ Российской Федерации, направленных на улучшение здоровья нации в целом.

С позиции стратегического управления внедрением здоровьесберегающих технологий в вузе ключевым фактором успеха является комплексный проектный подход изменения учебных планов и внедрения в учебные программы дисциплин, направленных на изменение мышления и отношения обучающихся

к своему здоровью и образу жизни. А в рамках учебных дисциплин — введение специальных тем, рассматривающих как теорию, так и практические подходы и методы формирования полезных привычек, ведущих к осознанию студентами взаимосвязи здорового образа жизни и конкурентоспособности на рынке труда и профессионального роста. Так, например, по дисциплине «Основы саморазвития» могут быть изучены темы «Методики личного менеджмента», «Алгоритмы ухода от вредных привычек и формирования полезных привычек». Экономическим стимулом для того, чтобы сохранять свое здоровье для студентов может стать отношение работодателей к строчке в резюме о занятиях каким-либо видом спорта или просто о ведении активного образа жизни. Что в свою очередь должно стать важным и экономически обоснованным для работодателя при принятии решения о приеме конкретного человека на работу.

Внедрение здоровьесберегающих технологий в России сегодня — это не просто набор медицинских процедур, а целостная система стратегического управления, интегрирован-

ная в национальные проекты развития страны. Достижение целевых показателей по увеличению продолжительности жизни невозможно без синергии усилий государства, медицинского сообщества, образовательных организаций, бизнеса и самих граждан.

С точки зрения государственного управления, ключевым фактором успеха является переход от реактивной модели здравоохранения к проактивному управлению здоровьем населения на основе данных (*data-driven approach*), что требует дальнейшего развития цифровых платформ, кадрового потенциала и межведомственного взаимодействия. В работе с населением успех должен обеспечиваться на всех уровнях государственного/муниципального управления за счет создания условий и возможностей для занятий спортом всех возрастных категорий, продвижения идеи личного ответственного отношения людей к своему здоровью. Успешная реализация этих мер позволит не только достичь формальных показателей долголетия, но и обеспечить его высокое качество — активное, продуктивное и социально вовлеченное.

Список источников

1. «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» : Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Официальное опубликование правовых актов : официальный сайт. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015>.
2. Асмолова, Л. А. Проблемы внедрения здоровьесберегающих технологий в образовательный процесс вуза // Инновации в образовании: ориентиры и тенденции : сборник статей XI Международной научно-практической конференции «Инновации в образовании: ориентиры и тенденции», Усть-Каменогорск, 26–27 апреля 2019 года. Усть-Каменогорск : Академия педагогических наук Казахстана, 2019. С. 48–52.
3. Абаскалова Н. П. Системный подход в формировании здорового образа жизни субъектов образовательного процесса «школа-вуз» : монография. Новосибирск, 2001. 316 с.
4. Национальный проект «Продолжительная и активная жизнь» // Национальные проекты РФ : официальный сайт. URL: <https://национальныепроекты.пф/new-projects/prodolzhitelnaya-i-aktivnaya-zhizn/?ysclid=mttl0meh1951038976>.
5. Структура и ключевые мероприятия федерального проекта «Национальная платформа «Здоровье» // Министерство здравоохранения Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsionalnye-proekty-rossii-prodolzhitelnaya-i-aktivnaya-zhizn-novye-tehnologii-sberezheniya-zdorovya/fp-natsionalnaya-tsifrovaya-platforma-zdorovi>. Дата публикации: 04.07.2025.
6. Структура и ключевые мероприятия федерального проекта «Здоровье для каждого» // Министерство здравоохранения Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsionalnye-proekty-rossii-prodolzhitelnaya-i-aktivnaya-zhizn-novye-tehnologii-sberezheniya-zdorovya/struktura-i-klyucheveye-meropriyatiya-federalnogo-proekta-zdorovie-dlya-kazhdogo>. Дата публикации: 08.08.2025.
7. Национальный проект «Новые технологии сбережения здоровья» // Национальные проекты РФ : официальный сайт. URL: <https://национальныепроекты.пф/new-projects/tekhnologii-zdorovya/?ysclid=mttmw831og760934929>.

8. Экономика трудового долголетия: как российский малый бизнес превращает возраст в конкурентное преимущество // Ведомости : сайт. URL: Экономика трудового долголетия: как российский малый бизнес превращает возраст в конкурентное преимущество. Дата публикации: 16.04.2026.

9. Здоровье населения как национальный ресурс: социокультурные и экономические аспекты формирования здорового образа жизни в современной России // Ведомости : сайт. URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/06/18/zdorove-naseleniya-kak-natsionalnii-resurs-sotsiokulturnie-i-ekonomicheskie-aspekti-formirovaniya-zdorovogo-obraza-zhizni-v-sovremennoi-rossii?ysclid=mq3z7g9558340888378. Дата публикации: 18.06.2025.

References

1. "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and the Perspective up to 2036": Decree of the President of the Russian Federation No. 309 dated May 7, 2024. Official Publication of Legal Acts: official website. (In Russ.) Available from: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015>.

2. Asmolova, L. A. Problems of implementing health-preserving technologies in the university educational process. *Innovacii v obrazovanii: orientiry` i tendencii` : sbornik statej XI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Innovacii v obrazovanii: orientiry` i tendencii», Ust`-Kamenogorsk, 26–27 aprelya 2019 goda = Innovations in Education: Guidelines and Trends: Collection of articles from the 11th International Scientific and Practical Conference "Innovations in Education: Guidelines and Trends," Ust-Kamenogorsk, April 26–27, 2019.* Ust-Kamenogorsk: Academy of Pedagogical Sciences of Kazakhstan; 2019. P. 48–52. (In Russ.).

3. Abaskalova, N. P. A Systems Approach to Forming a Healthy Lifestyle among Participants in the "School-University" Educational Process: monograph. Novosibirsk; 2001. 316 p. (In Russ.).

4. National Project "Long and Active Life". National Projects of the Russian Federation: official website. (In Russ.) Available from: <https://национальныепроекты.пф/new-projects/prodolzhitelnaya-i-aktivnaya-zhizn/?ysclid=mtll0meh1951038976>.

5. Structure and key activities of the Federal Project "National 'Health' Platform". Ministry of Health of the Russian Federation: official website. (In Russ.) Available from: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsionalnye-proekty-rossii-prodolzhitelnaya-i-aktivnaya-zhizn-novye-tehnologii-sberezheniya-zdorovya/fp-natsionalnaya-tsifrovaya-platforma-zdorovi>. Publication date: July 4, 2025.

6. Structure and key measures of the "Health for Everyone" Federal Project Ministry of Health of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from: <https://minzdrav.gov.ru/poleznye-resursy/natsionalnye-proekty-rossii-prodolzhitelnaya-i-aktivnaya-zhizn-novye-tehnologii-sberezheniya-zdorovya/struktura-i-klyuchevye-meropriyatiya-federalnogo-proekta-zdorovie-dlya-kazhdogo>. Publication date: August 8, 2025.

7. National Project "New Health Preservation Technologies". National Projects of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from: <https://национальныепроекты.пф/new-projects/tehnologii-zdorovya/?ysclid=mttmw831og760934929>.

8. The economics of working longevity: how Russian small business turns age into a competitive advantage. Vedomosti: website. (In Russ.). Available from: The economics of working longevity: how Russian small business turns age into a competitive advantage. Publication date: April 16, 2026.

9. Population health as a national resource: sociocultural and economic aspects of fostering a healthy lifestyle in modern Russia. Vedomosti: website. (In Russ.) Available from: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/06/18/zdorove-naseleniya-kak-natsionalnii-resurs-sotsiokulturnie-i-ekonomicheskie-aspekti-formirovaniya-zdorovogo-obraza-zhizni-v-sovremennoi-rossii?ysclid=mq3z7g9558340888378. Publication date: June 18, 2025.

Информация об авторах

З. Ж. Гумерова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры стратегического управления ИНЭБ;

А. К. Мухамадиярова — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры информационного и технического обеспечения в органах внутренних дел.

Information about the authors

Z. Zh. Gumerova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Strategic Management at INEB;

A. K. Mukhamadiyarova — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Information and Technical Support for Internal Affairs Agencies.

Статья поступила в редакцию 31.08.2026; одобрена после рецензирования 18.09.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 31.08.2026; approved after reviewing 18.09.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 136–145
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):136–145

Научная статья

УДК 378.1

doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-136-145

ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ КЛИЕНТООРИЕНТИРОВАННОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Игорь Ярославович Рувенный

Институт экономики, управления и бизнеса Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия,
ruvenny@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью перехода российских вузов к клиентоориентированной модели обучения, что требует переосмысления роли преподавателя как ключевого субъекта образовательного процесса. Существующие подходы к клиентоориентированности преподавателей носят фрагментарный характер и не учитывают институциональные ограничения. Цель исследования состоит в разработке интегративной модели, объединяющей внутренние и внешние детерминанты клиентоориентированного поведения. Предложена модель, включающая ценностный, личностный, процессный, контекстный и рефлексивный компоненты. Выявлены системные ограничения российской образовательной практики. Сделан вывод о необходимости институциональной поддержки для реализации предложенной модели.

Ключевые слова: клиентоориентированность преподавателя, высшее образование, интегративная модель, компетенции преподавателя, внутренний маркетинг, бренд преподавателя

Для цитирования: Рувенный И. Я. Интегративная модель клиентоориентированности преподавателя вуза // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 136–145. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-136-145>.

Research article

INTEGRATIVE MODEL OF UNIVERSITY TEACHER CUSTOMER ORIENTATION

Igor Ya. Ruvenny

Institute of Economics, Management and Business, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,
ruvenny@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is due to the need for the transition of Russian universities to a client-oriented model of education, which requires a rethinking of the role of the teacher as a key subject of the educational process. Existing approaches to teacher client orientation are fragmented and do not take into account institutional limitations. The goal of the study is to develop an integrative model that combines internal and external determinants of customer-oriented behavior. Proposed model includes value, personal, process, contextual and reflective components. Systemic limitations of Russian educational practice have been identified. It concluded that institutional support was needed to implement the proposed model.

Keywords: teacher's customer orientation, higher education, integrative model, teacher's competencies, internal marketing, teacher's brand

For citation: Ruvenny I. Ya. Integrative model of university teacher customer orientation. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;3(72):136–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-136-145>.

Введение

В современном высшем образовании заметная часть конкурентных преимуществ вузов приобретается с помощью использования разнообразных маркетинговых технологий. При этом конкуренция на рынке образовательных услуг и эволюция принципов высшего образования от классического преподавания к обучению как изменению в самом обучающемся актуализируют клиентоориентированность в качестве фактора конкурентоспособности вузов. В мировой практике данная тенденция реализуется через системы тьюторства, академического консультирования, универсального дизайна обучения и предиктивной аналитики [1–2]. Однако в России, несмотря на декларируемый переход к студентоцентрированной модели обучения, ее принципы зачастую на практике системно не реализуются. Как следствие, клиентоориентированность преподавателей остается просто лозунгом. По-прежнему преподаватели выступают источником знаний, а студент — пассивным их получателем. В то же время именно преподаватель как представитель «фронт-офиса» образовательной организации определяет воспринимаемое качество услуги, формирует удовлетворенность и лояльность студентов [3–4]. Более того, он способен обеспечить обучающимся персонализированное внимание и своевременную поддержку [5].

Необходимо отметить, что существующие подходы к клиентоориентированности в рос-

сийском высшем образовании во многом фрагментарны. Так, одни исследователи выделяют в качестве основных в клиентоориентированности личностные качества преподавателя, другие — методические аспекты преподавания, третьи — организационную культуру вуза [6–8]. При этом отсутствует комплексное понимание клиентоориентированности, обеспечивающее ее устойчивое внедрение в практику деятельности преподавателей. Кроме того, попытки прямого переноса зарубежных подходов без учета российских реалий (высокая аудиторная нагрузка, жесткость требований федеральных государственных образовательных стандартов, зависимость преподавателей от условий «эффективного контракта» в вузе) часто оказываются тщетными [9].

Цель исследования заключается в формировании интегративной модели клиентоориентированности преподавателя высшей школы, систематизирующей внутренние и внешние детерминанты его профессионального поведения. Реализация поставленной цели потребовала решения ряда последовательных задач: критического анализа теоретических подходов к проблеме, обоснования системного характера разрабатываемой модели, верификации ее ключевых компонентов и индикаторов, а также определения институциональных барьеров и перспектив ее практического внедрения в российских вузах.

Методы

Теоретико-методологической основой исследования стали: системный подход, в соответствии с которым клиентоориентированность преподавателя, являющаяся значимой частью управленческой деятельности вуза, рассмотрена как комплексная характеристика; субъект-субъектный подход в виде концепции сервисно-доминантной логики, понимающей образовательный процесс как совместное создание ценности вузом и обучающимся; маркетинговый (сервисный) подход, проявившийся в переносе концепции внутреннего маркетинга на академическую среду. Для мо-

делирования структуры клиентоориентированности преподавателя были использованы принципы компетентностного подхода в высшем образовании, имиджевого и эмоционального маркетинга и инструменты менеджмента качества в образовательной среде.

Исследование реализовано в два ключевых этапа. Сначала в ходе критического анализа отечественной и зарубежной литературы были систематизированы базовые элементы клиентоориентированности преподавателя. Затем на основе сопоставления мировых образовательных практик с российскими инсти-

туцио-нальными условиями, определены границы и возможности применения выявленных компонентов. В результате синтеза полученных данных автором сформулировано опреде-

ление клиентоориентированности научно-педагогического работника, а также разработана пятикомпонентная модель, каждый элемент которой выражен через систему индикаторов.

Результаты

В условиях трансформации современной высшей школы образовательный процесс все чаще интерпретируется в контексте сервисной парадигмы. В рамках данной концепции деятельность преподавателя выходит за рамки трансляции систематизированного знания и приобретает признаки интеллектуально-эмоциональной услуги. Обучающийся, в свою очередь, позиционируется как активный субъект академического взаимодействия, основанного на принципах маркетингового обмена. В процессе коммуникации преподаватель инвестирует собственные компетенции, мотивационные ресурсы и внимание, тогда как студент аккумулирует время и интеллектуальные усилия, обеспечивая обратную связь и формируя лояльность к образовательной организации.

Преподавательская деятельность представляет собой процесс оказания информационной услуги, в котором студент выступает в качестве клиента, а преподаватель в качестве работника сферы услуг. На практике это означает в том числе и то, что преподавателю необходимо развивать эмпатию, следить за своей репутацией и мотивировать студентов. Следовательно, модель клиентоориентированности преподавателя целесообразно интегрировать с концепциями эмоционального и имиджевого маркетинга. Эмоциональные и имиджевые компетенции преподавателя связывают его внутреннюю удовлетворенность своим трудом с внешним клиентоориентированным поведением. Когда преподаватель доволен условиями работы, он лучше взаимодействует со студентами.

Маркетинг эмоций и чувств нацелен на создание устойчивой эмоциональной связи между субъектом и объектом для повышения совместной ценности взаимодействия. Применительно к преподавателю высшей школы это выражается в том, что важной профессиональной компетенцией становится эмоциональный интел-

лект (способность понимать настроение учебной группы, управлять собственными эмоциями, создавать психологически комфортную среду). Кроме того, эмоциональные впечатления от занятий напрямую влияют на когнитивное восприятие материала (студент запоминает не только информацию, но и переживания, связанные с ней). В свою очередь, эмпатия и забота формируют доверие, являющееся основой для долгосрочных образовательных отношений.

В маркетинге эмоций и чувств, рассматривающем потребление как процесс впечатлений и переживаний, выделяются такие инструменты, как сторителлинг, референтный маркетинг, сообщества и клубы приверженцев, эмоции цвета и геймификация [10]. Адаптируя основные идеи и инструменты маркетинга эмоций к клиентоориентированности преподавателя, под ней понимается способность выстраивать образовательный процесс так, чтобы он был максимально полезен и комфортен для студента. Рассмотрим ключевые инструменты маркетинга эмоций и их адаптацию к клиентоориентированности преподавателя (таблица 1).

Использование идей и инструментов маркетинга эмоций позволяет преподавателю перейти от роли ретранслятора знаний к роли партнера по созданию ценного и запоминающегося опыта. Успех образования определяется не столько итоговой оценкой, сколько удовлетворенностью, вовлеченностью и лояльностью студентов.

Имиджевый маркетинг основывается на том, что целенаправленное формирование образа (имиджа) повышает узнаваемость, доверие и привлекательность. При этом имидж преподавателя — не только внешние атрибуты (манера одеваться, стиль презентаций), но и реальная ценность, которую он создает. Применительно к преподавателю высшей школы это выражается в том, что профессиональный имидж (научная репутация, стиль обще-

Таблица 1. Адаптация идей и инструментов маркетинга эмоций и чувств к клиентоориентированности преподавателя*

Идея/инструмент маркетинга эмоций	Адаптация к клиентоориентированности преподавателя
Потребление как процесс впечатлений	Обучение — это процесс, насыщенный впечатлениями. Клиентоориентированный преподаватель создает на занятиях запоминающуюся атмосферу, стимулирует интерес и эмоциональный отклик, а не просто транслирует информацию.
Учет эмоционального аспекта	Обучение сопровождается различными эмоциональными состояниями студентов (страх, скука, неуверенность). Клиентоориентированный преподаватель снижает тревожность, создает и закрепляет ситуации успеха.
Сторителлинг	Дополнительно к изложению теории преподаватель использует истории из практики, кейсы, жизненные примеры. Это оживляет материал, помогает его запомнить и показывает практическую ценность.
Референтный маркетинг	Преподаватель приглашает на занятия представителей профессии. Их успешный опыт служит дополнительным эмоциональным стимулом, показывает к чему можно прийти и повышает ценность обучения.
Формирование сообщества	Преподаватель создает комьюнити вокруг учебной дисциплины или кафедры (например, группы в соцсетях, научные кружки), что дает студентам чувство принадлежности, общности, поддержки и усиливает лояльность.
Геймификация	Внедрение игровых элементов (рейтинги, квесты, деловые игры, баллы за активность) повышает вовлеченность и делает обучение более увлекательным.

*Составлено автором.

ния, внешние атрибуты) является частью его бренда. Некоторые имиджевые характеристики (коммуникабельность, открытость, харизма, этичность) влияют на восприятие качества образования, а следовательно, и на общий рейтинг вуза. В условиях конкуренции между вузами личный бренд преподавателя становится нематериальным активом, привлекающим абитуриентов и партнеров.

Имиджевый маркетинг основывается на модели *VIEW*, включающей четыре элемента:

- V* (ценность/полезность),
- I* (информация/коммуникации),
- E* (эмоции/впечатления),
- W* (благополучие) [11].

Адаптация модели имиджевого маркетинга *VIEW* к деятельности преподавателя приведена в таблице 2.

Модель *VIEW* дает преподавателю конкретные направления выстраивания своего клиентоориентированного имиджа: пропаганда ценности знаний, обеспечение прозрачности коммуникаций, создание положительных эмоций и забота о профессиональном благополучии

студентов. В результате имидж преподавателя становится отражением реальной клиентоориентированности. Следовательно, разрабатываемая модель клиентоориентированности должна содержать и имиджевый блок.

Итак, маркетинг эмоций отвечает за процесс взаимодействия, имиджевый маркетинг — за образ и результат этого взаимодействия. Совместно они обеспечивают инструментальную (методики преподавания) и ценностную (миссия, этика, культура) стороны клиентоориентированности.

Прежде чем перейти к непосредственному описанию предлагаемой модели, сформулируем расширенное авторское понимание клиентоориентированности преподавателя вуза как совокупности профессионально-личностных качеств, выражающихся в устойчивой ориентации на создание образовательной ценности для обучающегося как равноправного партнера и проявляющихся в эмпатическом взаимодействии, владении технологиями индивидуального обучения и способности к рефлексивной коррекции поведения для формиро-

Таблица 2. Адаптация модели имиджевого маркетинга *VIEW* к клиентоориентированности преподавателя*

Элемент модели имиджевого маркетинга	Адаптация к клиентоориентированности преподавателя
V (ценность/полезность)	Клиентоориентированный преподаватель способен ответить на вопрос студента: «Зачем мне это?». Он показывает практическую пользу знаний для будущей деятельности и нацелен на осознаваемую студентами ценность каждого занятия.
I (информация/коммуникации)	Клиентоориентированность требует прозрачности и доступности информации, в частности, необходимы структурированный набор учебных материалов, понятные критерии оценки, оперативная обратная связь, открытость к вопросам.
E (эмоции/впечатления)	Для преподавателя важно создание позитивной образовательной атмосферы: поддержка вместо страха, интерес вместо скуки, вовлеченность вместо пассивности.
W (благополучие)	Клиентоориентированный преподаватель помогает студенту не просто сдать экзамен, а стать более компетентным, уверенным в себе и готовым к профессиональной деятельности. Результат обучения – будущее благополучие студента.

*Составлено автором.

ния долгосрочных отношений доверия, лояльности и взаимного развития.

Предлагаемая интегративная модель клиентоориентированности преподавателя вуза включает пять компонентов: ценностный, личностный, процессный, контекстный и рефлексивный. Содержание компонентов и поведенческие индикаторы представлены в таблице 3.

Ценностный компонент выступает фундаментом предлагаемой модели. Наличие этого компонента в модели клиентоориентированности основывается на концепции научно-педагогического сопровождения Л. Н. Бережновой и В. И. Богословского, обосновывающей приоритетность образовательных потребностей обучающегося и субъект-субъектный характер взаимодействия [6], и положениях сервисно-доминантной логики S. L. Vargo и R. F. Lusch, согласно которой ценность формируется в процессе совместной деятельности поставщика и потребителя [12]. Применительно к высшей школе это означает переход от трансляции готовых знаний к созданию общего образовательного результата, имеющего повышенную ценность.

Личностный компонент предполагает, что клиентоориентированность преподавателя

должна проявляться не только в выполнении существующих в вузе сервисных регламентов, но и во внутренней ценностно-смысловой структуре самого преподавателя. В данном отношении возрастает значимость эмоционального интеллекта, гибкости и психологической устойчивости научно-педагогического работника. Выстраивание партнерских отношений со студентами требует от педагога развитой эмпатии, открытости к деструктивной обратной связи и способности к оперативной самокоррекции профессиональной деятельности. Вместе с тем дефицит эмоциональной саморегуляции и риски снижения профессионального авторитета нередко выступают внутренними барьерами, блокирующими внедрение инструментов интерактивного взаимодействия.

Процессный компонент содержит методики и инструменты, позволяющие преподавателю воплощать клиентоориентированные установки на практике. А. С. Бугреева доказывает, что систематическая и конструктивная обратная связь значительно повышает удовлетворенность студентов учебным процессом и становится одним из ключевых индикаторов учета преподавателем запросов обучающихся, стремления к диалогу, корректировки траектории обучения [7]. В зарубежном высшем

Таблица 3. Компоненты и индикаторы интегративной модели клиентоориентированности преподавателя*

Компонент модели	Содержание компонента	Индикаторы
Ценностный	Обучающийся — равноправный субъект образовательного процесса; эмпатия с сохранением границ; направленность на развитие; профессиональная открытость.	Формулирование целей изучения дисциплин на языке выгод для студента; признание за студентом права на альтернативные форматы освоения материала; открытость к конструктивной критике.
Личностный	Эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость, коммуникативная гибкость, проактивность, рефлексивность.	Способность сохранять спокойствие в конфликтных ситуациях; инициативное выявление студентов с трудностями; готовность признавать собственные ошибки.
Процессный	Умение поддерживать обратную связь; создание учебных материалов понятных для всех; владение проектными и тренинговыми методами.	Проведение промежуточных опросов «стоп-старт-продолжай» с видимой корректировкой курса; дублирование учебных материалов в текстовом, аудио- и видеоформатах; регулярное использование формирующей обратной связи.
Контекстный	Величина аудиторной нагрузки; система мотивации («эффективный контракт»); методическая поддержка; уровень бюрократизации; организационная культура вуза.	Доля учебной нагрузки, приходящаяся на индивидуальные консультации; наличие в показателях «эффективного контракта» клиентоориентированности; наличие внутривузовских мастер-классов педагогического мастерства.
Рефлексивный	Удовлетворенность и вовлеченность студентов; качество учебных результатов; лояльность; способность преподавателя к самоанализу.	Динамика показателей успеваемости и сохранения контингента; результаты анкетирования «Преподаватель глазами студентов»; наличие в отчетах преподавателя анализа обратной связи и плана саморазвития.

*Составлено автором.

образовании широко применяется типология процессов восприятия обратной связи, разработанная *N. E. Winstone* и др., которая подчеркивает, что эффективная обратная связь требует от преподавателя не только передачи информации, но и создания условий для ее осмысления и использования студентом [5]. Помимо обратной связи, процессный компонент модели включает гибкие технологии обучения и инструменты адаптации учебных курсов под запросы усредненной студенческой аудитории.

Контекстный компонент определяет условия, способствующие клиентоориентированному поведению преподавателя. Определяющая роль в этом принадлежит организационной культуре вуза. Как отмечает И. А. Демененко, развитие клиентоориентированности требует улучшения формальных и неформальных взаимодействий в рамках организационной

культуры вуза [8], что повышает удовлетворенность академического персонала, которая, по мнению К.Г. Афанасиади и др., непосредственно влияет на качество образовательного процесса [13]. К сожалению, в российской практике в рамках данного компонента существуют определенные барьеры. В первую очередь это высокая аудиторная нагрузка, которая не оставляет времени для индивидуального консультирования обучающихся. Кроме этого, М. В. Курбатова и С. Н. Левин обращают внимание, что внедрение эффективного контракта, практически, без учета качественных показателей эффективности именно учебной работы не отражает реальный вклад преподавателя и приводит к формализации отчетности [9]. В результате клиентоориентированная деятельность преподавателей носит преимущественно инициативный характер.

Рефлексивный компонент модели связан с непрерывным профессиональным саморазвитием преподавателя. Необходимость саморазвития в направлении клиентоориентированности требует точной первоначальной диагностики. Процедуры такой диагностики могут опираться на концепции оценки качества услуг на основе потребительского восприятия А. Л. Dolinsky [14] и персонализации образовательного процесса F. Rucciarelli и A. Kaplan [1],

ориентированные на важнейший, по мнению M. Tight, результат в виде повышения вовлеченности студентов в образовательный процесс [2]. Показатели удовлетворенности и достижений обучающихся должны быть объектом постоянного самоанализа. В рамках модели рефлексивный компонент предполагает мониторинг педагогом собственной деятельности для коррекции возможных профессиональных дефицитов.

Обсуждение

Новизна предлагаемой модели клиентоориентированности преподавателя заключается в ее интегративном характере, то есть признании того факта, что клиентоориентированность не может быть сведена к единственной группе факторов. Ценности без процессной поддержки остаются нереализованными намерениями. Процессы без ценностной основы превращаются в формальные процедуры. Но даже обладающий ценностями и инструментами преподаватель профессионально выгорает, если окружающая среда вуза сопротивляется клиентоориентированному поведению (например, требуя излишней отчетности и не оставляя времени на решение реальных задач). Наконец, без рефлексии результатов невозможно корректировать дальнейшее поведение.

Стабильное клиентоориентированное поведение закономерно создает позитивный клиентский опыт, который, в свою очередь, работает на личный бренд преподавателя. В логике маркетинга взаимоотношений, описанной И. В. Котляревской и Ю. А. Мальцевой, долгосрочное партнерство и доверие между преподавателем и студентом создают репутационный капитал [3]. Ценностный компонент обеспечивает аутентичность бренда преподавателя. Студенты безошибочно распознают искренность и отвечают на нее лояльностью. Личностный компонент формирует эмоциональную привлекательность образа преподавателя, делая его запоминающимся и вызывающим желание рекомендовать его другим. Процессный компонент в виде владения современными инструментами персонализации подтверждает высокий профессионализм и вызывает ува-

жение. Контекстный компонент дает бренду преподавателя институциональную поддержку, если вуз создает условия для клиентоориентированности. Рефлексивный компонент обеспечивает коррекцию поведения и непрерывное совершенствование, необходимое для развития бренда преподавателя. Таким образом, личный бренд преподавателя, базирующийся на подлинной клиентоориентированности, становится долгосрочной инвестицией в профессиональное долголетие и конкурентоспособность преподавателя и вуза.

При использовании предлагаемой модели по каждому ее компоненту необходимо учитывать ограничения, накладываемые российской практикой: патерналистская традиция «преподаватель-начальник», недоверие к клиентоориентированной риторике, опасение потери академической фундаментальности (ценностный компонент); отсутствие целенаправленного отбора преподавателей по эмоциональному интеллекту, профессиональное выгорание из-за перегрузки, отрицание обращения за психологической поддержкой (личностный компонент); дефицит цифровых компетенций у части преподавательского состава, низкая осведомленность о технологиях быстрой обратной связи, эпизодическое применение аналитики цифрового следа (процессный компонент); нагрузка до 900 академических часов, отсутствие корректных нормативов на индивидуальную работу, эффективный контракт, опирающийся на количественные показатели в ущерб качественным (контекстный компонент); формальное анкетирование студентов без петли обратной связи, отсутствие учета результатов оценки преподавания в управлении

карьерой и вознаграждением (рефлексивный компонент).

По нашему мнению, российские ограничения носят системный характер и не могут быть преодолены только за счет усилий отдельных преподавателей. Следовательно, интегративная модель должна использоваться не только на уровне отдельного преподавателя, но и стать основой для институциональных преобразований в вузах (пересмотр норм нагрузки, совершенствование стимулирующих механизмов, создание системы методической поддержки). Включение контекстного компонента в модель актуализирует ответственность руководства

вузов за создание условий, без которых клиентоориентированные изменения преподавателей будут невозможны. Ограничением данного исследования является его преимущественно теоретический характер и ограниченная эмпирическая база. Автор не ставил цель провести масштабную статистическую проверку, поэтому требуется дальнейшая верификация модели, в частности, проверка гипотезы о взаимном усилении компонентов и их совместном вкладе в образовательные результаты. Кроме того, перспективным направлением выступает лонгитюдное исследование эффектов внедрения модели в рамках пилотных проектов вузов.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет перейти от фрагментарных представлений о клиентоориентированности преподавателя высшей школы к единой интегративной модели, учитывающей баланс внутренних установок личности и факторов внешней среды. Интеграция сервисно-доминантной логики, концепций внутреннего, эмоционального и имиджевого маркетинга позволила предложить структуру клиентоориентированности преподавателя, включающую ценностный, личностный, процессный, контекстный и рефлексивный элементы. При этом ключевыми факторами устойчивого проявления клиентоориентированности выступают институцио-

нальная среда вуза и рефлексивная практика педагога. Выявленные ограничения подтверждают, что индивидуальных усилий преподавателей недостаточно без целенаправленной трансформации системы управления вузом. Разработанная модель имеет практическую ценность для диагностики профессиональных дефицитов педагогических работников и может быть использована для совершенствования системы материального и нематериального стимулирования. В долгосрочной перспективе использование модели обеспечит комплексное повышение качества образовательного процесса и рост лояльности студентов.

Список источников

1. Pucciarelli F., Kaplan A. Competition and strategy in higher education: managing complexity and uncertainty // *Business Horizons*. 2016. Vol. 59, No. 3. P. 1–10. DOI: 10.1016/j.bushor.2016.01.003.
2. Tight M. Student retention and engagement in higher education // *Journal of Further and Higher Education*. 2020. Vol. 44, No. 5. P. 689–704. DOI: 10.1080/0309877X.2019.1576860
3. Котляревская И. В., Мальцева Ю. А. Особенности взаимодействия участников образовательного пространства в маркетинговой деятельности вуза // *Известия Уральского государственного экономического университета*. 2011. № 3 (35). С. 147–151. EDN: OONVIJ.
4. Новаторов Э. В. Альтернативные подходы к изучению маркетинга некоммерческих организаций // *Маркетинг и маркетинговые исследования*. 2004. № 4. С. 69–79.
5. Winstone N. E., Nash R. A., Parker M., Rowntree J. Supporting learners' agentic engagement with feedback: a systematic review and a taxonomy of recipience processes // *Educational Psychologist*. 2016. Vol. 52, No. 1. P. 17–37. DOI: 10.1080/00461520.2016.1207538.
6. Бережнова Л. Н., Богословский В. И. Сопровождение в образовании как технология разрешения проблем развития // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2005. Т. 5, № 12. С. 109–123. EDN: KVHGFZ.
7. Бугреева А. С. Реализация эффективной обратной связи от преподавателя к студенту в сфере высшего профессионального образования // *Мир науки, культуры, образования*. 2024. № 3. С. 45–47.

8. Демененко И. А. Формирование клиентоориентированной организационной культуры вуза в условиях модернизации института образования. Белгород: БГТУ имени В. Г. Шухова, 2018. 148 с. EDN: UWGQHM.
9. Курбатова М. В., Левин С. Н. Эффективный контракт в системе высшего образования РФ: теоретические подходы и особенности институционального проектирования // Журнал институциональных исследований. 2013. Т. 5, № 1. С. 55–80.
10. Рувенный И. Я., Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В. Сущность и технологии маркетинга эмоций // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1 (58). С. 59–63. DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.118.
11. Касимова Э. Р., Кузнецова Е. В., Рувенный И. Я. Концептуальная модель имиджевого маркетинга // Бизнес. Образование. Право. 2024. № 3 (68). С. 46–51. DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1033.
12. Vargo S. L., Lusch R. F. Service-dominant logic: continuing the evolution // Journal of the Academy of Marketing Science. 2008. Vol. 36, No. 1. P. 1–10. DOI:10.1007/s11747-007-0069-6.
13. Афанасиади К. Г., Завьялова Н. Б., Сагинова О. В. Инновационные методики управления организациями сферы услуг на примере образовательного учреждения // Креативная экономика. 2014. № 5 (89). С. 70–83. EDN: SDFKAD.
14. Dolinsky A. L. A consumer complaint framework with resulting strategies: an application to higher education // Journal of Services Marketing. 1994. Vol. 8, No. 3. P. 27–39.

References

1. Pucciarelli F., Kaplan A. Competition and strategy in higher education: managing complexity and uncertainty. *Business Horizons*. 2016;59(3):1–10. DOI: 10.1016/j.bushor.2016.01.003.
2. Tight M. Student retention and engagement in higher education. *Journal of Further and Higher Education*. 2020;44(5):689–704. DOI: 10.1080/0309877X.2019.1576860.
3. Kotlyarevskaya I. V., Maltseva Yu. A. Features of interaction between participants in the educational space in the marketing activities of a university. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo e'konomicheskogo universiteta = Journal of the Ural State University of Economics*. 2011;(3(35)):147–151. (In Russ.). EDN: OONVIJ.
4. Novatorov E. V. Alternative approaches to studying the marketing of non-profit organizations. *Marketing i marketingovye issledovaniya = Marketing and marketing research*. 2004;(4):69–79. (In Russ.).
5. Winstone N. E., Nash R. A., Parker M., Rowntree J. Supporting learners' agentic engagement with feedback: a systematic review and a taxonomy of recipience processes. *Educational Psychologist*. 2016;52(1):17–37. DOI: 10.1080/00461520.2016.1207538.
6. Berezhnova L. N., Bogoslovsky V. I. Support in education as a technology for resolving development problems. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena = Bulletin of the Herzen State Pedagogical University of Russia*. 2005;5(12):109–123. (In Russ.). EDN: KVHGFZ.
7. Bugreeva A. S. Implementation of Effective Feedback from Teacher to Student in Higher Professional Education. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, and Education*. 2024;(3):45–47. (In Russ.).
8. Demenenko I. A. Formation of a Client-Oriented Organizational Culture of a University in the Context of Education Institute Modernization. Belgorod: BSTU imtyb V. G. Shukhova; 2018. 148 p. (In Russ.). EDN: UWGQHM.
9. Kurbatova M. V., Levin S. N. Effective Contract in the Higher Education System of the Russian Federation: Theoretical Approaches and Features of Institutional Design. *Zhurnal institucional'ny'x issledovanij = Journal of Institutional Studies*. 2013;5(1):55–80. (In Russ.).
10. Ruvenny I. Ya., Kasimova E. R., Kuznetsova E. V. The essence and technologies of emotional marketing. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2022;(1(58)):59–63. (In Russ.). DOI: 10.25683/VOLBI.2022.58.118.
11. Kasimova E. R., Kuznetsova E. V., Ruvenny I. Ya. Conceptual model of image marketing. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2024;(3(68)):46–51. (In Russ.). DOI: 10.25683/VOLBI.2024.68.1033.
12. Vargo S. L., Lusch R. F. Service-dominant logic: continuing the evolution. *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2008;36(1):1–10. DOI:10.1007/s11747-007-0069-6.
13. Afanasiadi K. G., Zavyalova N. B., Saginova O. V. Innovative methods of managing service organizations: the example of an educational institution. *Kreativnaya e'konomika = Creative Economy*. 2014;(5(89)):70–83. (In Russ.). EDN: SDFKAD.
14. Dolinsky A. L. A consumer complaint framework with resulting strategies: an application to higher education. *Journal of Services Marketing*. 1994;8(3):27–39.

Информация об авторе

И. Я. Рувенный — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры стратегического управления.

Information about the author

Ya. Ruvenny — Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Strategic Management.

Статья поступила в редакцию 27.07.2026; одобрена после рецензирования 24.08.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 27.07.2026; approved after reviewing 24.08.2026; accepted for publication 22.09.2026.

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3(72). С. 146–154
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2026;3(72):146–154

ЦЕНТР UNEVOC В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НА БАЗЕ БИСТ (ФИЛИАЛА) ОУП ВО «АТИСО»

Научный обзор
УДК 378.014.5
doi: 10.47598/2078-9025-2026-3-72-146-154

**ПРОБЛЕМАТИКА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО РЕЙТИНГА УНИВЕРСИТЕТОВ
КАК ИНСТРУМЕНТА ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**

Максим Борисович Ребезов

Федеральный научный центр пищевых систем имени В. М. Горбатова Российской академии наук,
Москва, Россия, m.rebezov@fncps.ru

Аннотация. Международные рейтинги университетов стали неотъемлемым элементом системы высшего образования, оказывая влияние на стратегическое позиционирование вузов, национальную образовательную политику и восприятие качества образования. В статье рассматривается проблематика использования международных рейтингов (на примере QS, THE, ARWU, U. S. NWR) в качестве инструмента оценки качества высшего образования. Анализируются методологические основания ведущих рейтинговых систем, их показатели. Показано, что рейтинги наиболее полно отражают научно-исследовательскую деятельность и академическую репутацию университетов, тогда как непосредственные результаты обучения студентов — знания, навыки и компетенции — остаются практически не представленными. Выявлены основные ограничения рейтингов: агрегирование разнородных показателей, субъективность репутационных оценок, недостаточный учет различий в миссиях и специализации вузов, а также влияние рейтингов на управленческое поведение университетов.

Ключевые слова: международные рейтинги университетов, качество высшего образования, QS, THE, ARWU, U. S. NWR, методология рейтингования, результаты обучения, образовательная политика, «5–100», «Приоритет 2030»

Для цитирования: Ребезов М. Б. Проблематика использования международного рейтинга университетов как инструмента оценки качества высшего образования // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2026. № 3 (72). С. 146–154. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-146-154>.

BASHKIR INSTITUTE OF SOCIAL TECHNOLOGIES (BRANCH)
EDUCATIONAL INSTITUTION OF THE TRADE UNIONS OF HIGHER EDUCATION
"ACADEMY OF LABOR AND SOCIAL RELATIONS" UNEVOC CENTER

Scientific review

**PROBLEMS OF USING INTERNATIONAL UNIVERSITY RANKINGS
AS A TOOL FOR ASSESSING THE QUALITY OF HIGHER EDUCATION**

Maxim B. Rebezov

Gorbatov Federal Research Center for Food Systems of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, m.rebezov@fncps.ru

Abstract. International university rankings have become an integral part of the higher education system, influencing the strategic positioning of universities, national educational policies, and the perception

of education quality. This article examines the use of international rankings (using QS, THE, ARWU, and U. S. National Research University Rankings as examples) as a tool for assessing the quality of higher education. The methodological foundations of leading ranking systems and their indicators are analyzed. It is shown that rankings most fully reflect the research activities and academic reputation of universities, while the direct learning outcomes of students – knowledge, skills, and competencies — remain virtually unrepresented. The main limitations of rankings are identified: aggregation of heterogeneous indicators, subjectivity of reputational assessments, insufficient consideration of differences in the missions and specializations of universities, and the influence of rankings on the management behavior of universities.

Keywords: international university rankings, higher education quality, QS, THE, ARWU, U.S. NWR, ranking methodology, learning outcomes, educational policy, «5-100», «Priority 2030»

For citation: Rebezov M. B. Problems of using international university rankings as a tool for assessing the quality of higher education. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social'ny`x texnologij) = Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2026;(3(72)):146–154. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2026-3-72-146-154>.

В условиях интернационализации высшего образования и усиления конкуренции между университетами международные рейтинги стали одним из наиболее заметных инструментов сравнительной оценки высших учебных заведений, берущим свое начало в 2003 году с появления *Academic Ranking of World Universities (ARWU)*. Результаты *ARWU*, *QS World University Rankings (QS)* и *Times Higher Education World University Rankings (THE)* используются абитуриентами, университетами и государственными органами [1–2]. Рыночные отношения диктуют вузам необходимость участия в конкурентной борьбе за абитуриентов и различные формы финансирования, поэтому рейтинги прочно интегрированы в стратегию позиционирования университетов, механизмы внутренней политики и национальные нормативные акты [3]. Кроме того, высокие позиции вуза в мировом рейтинге — это вклад и в формирование соответствующего имиджа страны.

Одновременно возникает вопрос о том, насколько рейтинговая позиция действительно характеризует качество высшего образования. Университет выполняет образовательную, научную и общественную функции, тогда как рейтинг сводит множество характеристик к ограниченному набору показателей в итоговой оценке [4]. Различия в составе индикаторов и способах их расчета приводят к разным позициям одних и тех же университетов [4–5].

Значительную долю в методологиях занимают наукометрические и репутационные показатели, тогда как непосредственные результаты обучения — знания, навыки и компетен-

ции студентов — оказываются практически не представленными [6]. Кроме того, рейтинги ориентированы преимущественно на исследовательские университеты и не в полной мере учитывают различия в миссиях, специализации и региональных функциях вузов [3]. Сами рейтинги способны влиять на поведение университетов, смещая управленческое внимание с содержательных задач на достижение формальных показателей [1–2]. Указанные проблемы определяют необходимость критического осмысления того, какие именно аспекты деятельности университетов отражаются в рейтингах и насколько правомерно использовать их в качестве универсального инструмента оценки качества высшего образования.

Цель настоящего мини обзора — определить, какие характеристики университетов отражают международные рейтинги и каковы основные ограничения их использования как комплексного инструмента оценки.

1. Качество высшего образования как объект оценки.

Понятие качества высшего образования не имеет единственного общепринятого определения, что связано с многообразием функций университета и различиями в интересах заинтересованных сторон. К важным компонентам качества относятся результаты обучения, вовлеченность студентов, качество образовательных услуг и удовлетворенность обучающихся [7–8].

В рамках данной статьи рассмотрим качество высшего образования как многомерную характеристику, включающую ресурсы образо-

вательного процесса, качество преподавания и среды, результаты обучения студентов, научную деятельность, профессиональные результаты выпускников и взаимодействие с внешней средой [7–8].

При выборе показателей необходимо учитывать также интересы различных групп заинтересованных сторон. Для студента важны содержание и результаты обучения, для работника — материальная выгода и удобство среды преподавания, для будущего работодателя — профессиональная подготовка выпускника, для исследовательского сообщества — научная продуктивность, а для государства — вклад университета в развитие экономики и общества. Вследствие этого единая система показателей неизбежно предполагает определенный баланс между различными целями университета [7–8].

2. Международные рейтинги университетов и используемые показатели.

В настоящее время в мире насчитывается более двадцати международных университетских рейтингов.

Рейтинг *U. S. News & World Report (U. S. NWR)* является одной из старейших систем оценки университетов. В 1983 году был опубликован первый национальный рейтинг американских колледжей, основанный исключительно на экспертных опросах. С 1988 года методология стала включать объективные статистические показатели, а в 2014 году была запущена глобальная версия рейтинга, ориентированная на оценку исследовательской деятельности университетов по всему миру. В настоящее время методология *U. S. NWR* опирается на широкий набор наукометрических и репутационных индикаторов, включая показатели публикационной активности, цитируемости, международного сотрудничества, а также результаты глобальных опросов экспертов, что позволяет рассматривать данный рейтинг как инструмент, отражающий преимущественно исследовательский потенциал университетов [9].

Академический рейтинг мировых университетов *ARWU* стал первой глобальной рейтинговой системой — он публикуется с 2003 года первоначально Шанхайским университетом Цзяо Тун, а с 2009 года — независимой ор-

ганизацией *Shanghai Ranking Consultancy*. Принципиальным отличием *ARWU* является использование исключительно объективных количественных показателей, таких как число публикаций в ведущих рецензируемых журналах, индексы научного цитирования, а также присутствие в составе преподавателей и выпускников нобелевских лауреатов и медалистов Филдса. В отличие от *QS* и *THE*, данная рейтинговая система не применяет репутационных опросов и субъективных оценок, что обуславливает ее характеристику как наиболее формализованного инструмента ранжирования, ориентированного на измеримые результаты научно-исследовательской деятельности [10–11].

QS World University Rankings ведет отсчет с 2004 года, когда рейтинг впервые был опубликован совместно с журналом *Times Higher Education*; с 2009 года *QS* функционирует как самостоятельный рейтинговый проект. Методология *QS* базируется на пяти группах критериев и девяти показателях, среди которых ключевое значение имеют академическая репутация (оцениваемая посредством глобальных опросов экспертов). Дополнительно учитываются соотношение численности преподавательского состава и студенческого контингента, доля иностранных студентов и преподавателей, а также уровень цитируемости научных публикаций. В последние годы рейтинговая модель была дополнена индикаторами, отражающими устойчивое развитие университетов и трудоустройство выпускников [11–12].

Times Higher Education (THE) также публикуется с 2004 года, однако после размежевания с *QS* рейтинг выработал собственную методологию, опирающуюся на показатели, сгруппированные в пять укрупненных направлений: качество образовательной среды, объем и репутация исследовательской деятельности, цитируемость научных работ, уровень международной интеграции и доходы от инновационных разработок. Характерной особенностью *THE* является повышенное внимание к публикационной активности университетов и их вовлеченности в глобальные научные коллаборации [13].

Применяемые в рейтингах показатели группируются вокруг пяти основных подходов: ре-

путационные опросы (экспертов, работодателей, студентов), библиометрические индикаторы (публикации и цитирования), ресурсное обеспечение (финансирование, инфраструктура, кадры), интернационализация (доля иностранных участников образовательного процесса) и взаимодействие с индустрией (коммерциализация, патенты, занятость выпускников) (таблица 1).

Наиболее полно международные рейтинги отражают научно-исследовательскую деятельность. Публикации, цитирование, наличие высокоцитируемых исследователей и исследовательская репутация выступают ключевыми показателями в *QS*, *THE* и *ARWU* [4, 6, 10, 13]. Они удобны для международного сравнения благодаря стандартизованности данных, однако характеризуют прежде всего исследовательскую, а не образовательную результативность [1, 4, 6].

Международная деятельность также широко представлена в *QS* и *THE*. Доля иностранных студентов и преподавателей и международное сотрудничество характеризуют привлекательность и интеграцию университета, но не являются прямыми показателями образовательных результатов.

Аналогично финансовые, кадровые и инфраструктурные показатели следует понимать как характеристики условий деятельности, а не как прямые результаты образования. Университет может располагать значительными ресурсами, но эффективность их использования определяется организацией образовательного процесса и профессионализмом преподавателей [8].

Результаты обучения представлены ограниченно. *QS* и *THE* используют показатели, связанные с выпускниками и трудоустройством, но трудоустройство не является прямым измерением навыков и компетенции. В *ARWU* достижения выпускников представлены через Нобелевские и Филдсовские награды и характеризуют исключительные достижения небольшой группы выпускников [10].

Таким образом, различия между рейтингами обусловлены не только числом индикаторов, но и тем, какие стороны деятельности признаются наиболее значимыми. *QS* уделяет больше внимания международной активности, трудоустройству выпускников и устойчивому

развитию, *THE* сочетает исследовательские, образовательные и отраслевые показатели, а *ARWU* и *U. S. NWR* преимущественно отражают академические достижения и библиометрическую результативность [9–10, 12–13].

Таким образом, рейтинги достаточно информативно характеризуют исследовательскую и институциональную результативность, но значительно слабее отражают непосредственный образовательный результат. Различия рейтингов проявляются не только в наборе показателей, но и в их способности отражать разные стороны университетской деятельности. Именно поэтому рейтинговый результат требует содержательной интерпретации, а не простого сравнения порядковых номеров. Даже при использовании одинаковых исходных данных итоговая оценка может различаться из-за структуры индекса и относительной значимости отдельных компонентов [4–5].

3. Проблематика международных рейтингов университетов.

Как было показано выше, рейтинговые системы отражают преимущественно исследовательскую результативность университетов, что порождает закономерные вопросы о границах их применимости и корректности интерпретации получаемых результатов.

Рейтинги объединяют результаты исследований, репутацию, ресурсы и международную активность в единый балл. Выбор показателей и произвольность присвоения весов влияют на итоговый результат, поэтому один и тот же университет может занимать разные позиции в различных рейтингах [1–2, 4–5]. Значительная часть методологий международных рейтингов включает в себя количественную оценку научной результативности и ее сопоставление посредством набора индикаторов. В результате организационно-экономические и управленческие решения начинают зависеть от содержательных научных приоритетов и параметров измерения, заложенных в методологиях, а также от практик достижения целевых значений показателей [14].

Другая проблема — использование репутационных оценок. Они позволяют учитывать трудноизмеримые характеристики, но остаются субъективными и могут зависеть от уже сложившегося престижа университета [4–5].

Таблица 1. Основные группы показателей международных рейтингов университетов (QS, THE, ARWU, U. S. NWR) и степень их влияния на рейтинг, % [10–13]

Группа показателей	QS	THE	ARWU	U.S. NWR
Научно-исследовательская работа	—	30%	—	—
Количество наиболее часто цитируемых сотрудников в определенных отраслях	—	—	20%	17,5 %
Число публикаций за последние 5 лет	—	—	—	10 %
Общее количество цитирований и нормированный уровень цитирования	—	—	—	17,5 %
Доля публикаций, входящих в 10-процентную группу наиболее цитируемых в общем числе публикаций университета	—	—	—	10 %
Соотношение числа часто цитируемых публикаций за 10 лет, вошедших в 1-процентную группу наиболее цитируемых в своей научной области, к общему числу публикаций университета	—	—	—	5 %
Число цитирований одного научно-педагогического работника	20 %	6 %	—	—
Академическая репутация и социальное влияние университета	40 %	33 %	—	25 %
Соотношение преподавателей и студентов	20 %	4,5%	—	—
Доля иностранных студентов и научно-педагогических работников, научное сотрудничество	10 %	5 %	—	—
Международное научное сотрудничество	—	2,5 %	—	10 %
Отношение выпускников со степенью PhD к числу научно-педагогических работников	—	6 %	—	—
Отношение числа выпускников PhD к числу выпускников бакалавриата	—	2,25 %	—	—
Доход на одного научно-педагогического работника	—	2,25 %	—	—
Доход вуза от научной деятельности	—	6 %	—	—
Доля заказов бизнеса в общих доходах вуза	—	2,5 %	—	—
Число книг, изданных за 5 лет	—	2,5 %	—	—
Конференции и публикации	—	2,5 %	—	—
Оценка работодателей и показатели трудоустройства выпускников	10 %	—	—	—
Достижение научно-педагогического состава и выпускников (в виде достижений и наград: лауреаты Нобелевской или Филдсовской премий)	—	—	30 %	—
Число статей, опубликованных в журналах Nature и Science	—	—	20 %	—
Число статей, проиндексированных в Science and Social Science Citation Indexes. Публикации с высоким импакт-фактором	—	—	20 %	—
Сумма баллов по всем критериям, поделенная на численность научно-педагогических работников	—	—	10 %	—

Репутация способна поддерживать существующую иерархию: высокая известность облегчает получение новых репутационных оценок.

Рейтинговый результат зависит не только от фактических научных результатов, но и от того, насколько полно и корректно эти результаты представлены в данных, используемых для расчета. К числу значимых факторов относятся: полнота и достоверность предоставляемых сведений, наличие релевантных публикаций и соответствующих метаданных в конкретных наукометрических базах, правильность аффилиации авторов и идентификаторов, а также согласованность профилей и иных элементов публикационной инфраструктуры [14].

Дополнительная трудность связана с тем, что рейтинговые показатели имеют различную природу: одни основаны на библиометрических показателях (индикаторах), другие — на административной статистике, третьи — на экспертных опросах. Их объединение в одном индексе создает необходимость сопоставлять показатели с различной степенью объективности и разной связью с качеством деятельности [4–5].

Применение библиометрических индикаторов сопряжено с дисциплинарными ограничениями: уровень цитирования существенно варьируется в зависимости от области знаний (например, разница в технических и гуманитарных науках) [1].

Исследовательский университет, многопрофильный вуз и учреждение, ориентированное преимущественно на преподавание, могут выполнять разные функции. Оценивая деятельность университетов, рейтинги фокусируются преимущественно на исследованиях, оставляя за рамками образовательную составляющую [2–3]. Поэтому рейтинг в большей степени показывает место университета в конкретной системе показателей, чем степень качества выполнения всех его функций.

Рейтинги способны влиять на поведение самих университетов. Показатели, от которых зависит положение учреждения, становятся объектом управленческого внимания и могут стимулировать рост публикационной активности, международного найма и других измеряемых характеристик [1–2]. Это может способствовать развитию отдельных направлений, но создает риск подмены более широких обра-

зовательных целей достижением рейтинговых показателей. Политика государства в отношении вузов и доступ к финансированию часто связаны с рейтингами на национальном и региональном уровнях [3].

Важно учитывать и различия в целях самих рейтингов. Они создавались не как единая система сертификации качества образования, а как инструменты сравнительного позиционирования университетов. Большинство проблем, связанных с глобальными университетскими рейтингами, относятся не к самой методологии, а к некорректной интерпретации результатов и неответственному использованию рейтингов в целом [3]. Поэтому расхождение между рейтингом и более широким пониманием качества следует рассматривать не только как недостаток методологии, но и как следствие различия в задачах. Использование рейтинга для целей, для которых он не предназначен, может привести к ошибочным интерпретациям его результатов [1–2].

Несмотря на сохраняющееся доминирование рейтинговых систем в глобальном образовательном пространстве, ряд ведущих университетов мира приняли решение отказаться от участия в «рейтинговой гонке». С 2022 по 2024 гг. о таком решении заявили Народный университет Китая, Нанкинский университет, Ланьчжоуский университет, Утрехтский университет, Цюрихский университет и университет Лотарингии. Йельский, Гарвардский, Стэнфордский и Колумбийский университеты прекратили сотрудничество с рейтингом *U. S. News*. Наиболее распространенная причина — несоответствие предлагаемых рейтинговых метрик внутренним целям и миссии университетов. Отказ от передачи данных ослабляет влияние коммерческих рейтингов и переводит дискуссию в плоскость вопросов легитимности и прозрачности [3].

4. Российский опыт использования международных рейтингов.

В России международные рейтинги начали играть важную роль после запуска проекта «5–100» в 2013 году. Его целью было повышение международной конкурентоспособности российских университетов и входение не менее пяти из них в первую сотню мировых рейтингов [15]. Рейтинговые показатели стали

использоваться не только для внешнего сравнения, но и как ориентир развития университетов. По итогу цель так и не была достигнута.

В отечественном дискурсе рейтинги тесно связывались с понятиями конкурентоспособности, академического превосходства и интеграции в глобальное образовательное пространство [3, 15]. Это отражает более общую тенденцию: рейтинговые показатели начинают восприниматься не только как результаты внешней оценки, но и как показатели, задающие желательные направления развития.

Российский опыт показывает, что ориентация на рейтинги способна стимулировать публикационную активность, международное сотрудничество и академическую репутацию. Однако улучшение этих показателей не позволяет напрямую установить изменение результатов обучения студентов, тем самым проявляется общий разрыв между измеряемой рейтинговой результативностью и комплексным качеством образования [1, 15].

Анализ позиций российских технических университетов в трех ведущих мировых рейтингах выявляет устойчивую тенденцию к ухудшению их показателей. Согласно данным QS, большинство вузов в 2025–2026 гг. потеряли от трех до ста позиций по сравнению с предыдущими периодами. В ТОП-500 мировых университетов по версии QS входят лишь два российских технических вуза (Московский государственный технический университет имени Н. Э. Баумана и Московский физико-технический институт), а в рейтинге *ARWU* только два университета присутствуют в первой тысяче. Аналогичная динамика наблюдается и в рейтинге *THE*, где в ТОП-500 представлены два вуза, а в ТОП-1000 — шесть [10–13].

Основными факторами, обусловившими снижение позиций, можно назвать международные санкционные ограничения, которые привели к сокращению научного сотрудничества и доступа к международным публикационным ресурсам, а также «эффект Матфея», выражающийся в концентрации ресурсов и талантов в ограниченном числе крупных федеральных и столичных университетов в ущерб региональным вузам. Вместе с тем, в предметных рейтингах по инженерным специальностям отдельные университеты (Санкт-Петербургский

политехнический университет Петра Великого, Томский политехнический университет, Уральский федеральный университет, Университет ИТМО, Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ) сохраняют и даже улучшают свои позиции, несмотря на общее падение в комплексных рейтингах [11].

В 2021 году была запущена программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030». В отличие от «5–100», она ориентирована на реализацию стратегических приоритетов университетов и их вклад в социально-экономическое и технологическое развитие страны, а не на достижение конкретного места в глобальном рейтинге. Тем самым эта программа демонстрирует переход к более широкому пониманию университетской эффективности [1, 16]. Изменение подхода показывает, что для стратегического управления университетом рейтинговая информация целесообразна в сочетании с другими показателями, отражающими образовательные результаты и вклад конкретного учреждения в развитие региона, экономики и научной сферы. Тем не менее, многие индикаторы программы повторяют количественные показатели рейтингов [3].

Международные рейтинги являются полезным инструментом сравнительной оценки университетов, однако их результаты не следует отождествлять с комплексной оценкой качества высшего образования. Авторитетные рейтинги наиболее полно отражают исследовательскую результативность, академическую репутацию, международную активность и отдельные институциональные характеристики.

Непосредственные результаты обучения — знания, навыки и компетенции студентов — представлены значительно слабее. Основные ограничения рейтингов связаны с агрегированием разнородных показателей, субъективностью репутационных оценок, различиями миссий университетов и возможным влиянием рейтингов на управленческое поведение.

Следовательно, международные рейтинги целесообразно рассматривать как инструмент сравнительной оценки отдельных аспектов деятельности университетов. Для комплексной оценки их необходимо дополнять показателями результатов обучения, качества преподавания и образовательной среды.

Список источников

1. Kochetkov D. University rankings in the context of research evaluation: A state-of-the-art review // *Quantitative Science Studies*. 2024. Vol. 5, No. 3. P. 533–555. (In Eng.). DOI: 10.1162/qss_a_00317.
2. Teixeira T., Picinin C. T. University Rankings: Proposal for a Future Research Agenda through a Systematic Literature Review // *Sustainability*. 2024. Vol. 16, No. 7. Article 3043. (In Eng.). DOI: 10.3390/su16073043.
3. Кочетков Д. М. Почему нам не нужны рейтинги университетов // *Экономика науки*. 2025. Т. 11, № 3. С. 97–109. EDN: ENKZEG.
4. Moed H. F. A critical comparative analysis of five world university rankings // *Scientometrics*. 2016. Vol. 110, No. 2. P. 967–990. (In Eng.). DOI: 10.1007/s11192-016-2212-y.
5. Johnes J. University rankings: What do they really show? // *Scientometrics*. 2018. Vol. 115, No. 1. P. 585–606. (In Eng.). DOI: 10.1007/s11192-018-2666-1.
6. Vernon M. M., Balas E. A., Momani S. Are university rankings useful to improve research? A systematic review // *PLOS ONE*. 2018. Vol. 13, No. 3. Article e0193762. (In Eng.). DOI: 10.1371/journal.pone.0193762.
7. Schindler L., Puls-Elvidge S., Welzant H., Crawford L. Definitions of quality in higher education: a synthesis of the literature // *Higher Learning Research Communications*. 2015. Vol. 5, No. 3. P. 3–13. (In Eng.). DOI: 10.18870/hlrc.v5i3.244
8. Prakash G. Quality in higher education institutions: Insights from the literature // *The TQM Journal*. 2018. Vol. 30, No. 6. P. 732–748. (In Eng.). DOI: 10.1108/TQM-04-2017-0043.
9. How U.S. News Calculated the 2026 Best Colleges Rankings // 2026 Best National Universities Rankings — Colleges : сайт. (In Eng.). URL: <https://www.usnews.com>.
10. Academic Ranking of World Universities 2025: Methodology // ShanghaiRanking Consultancy : сайт. (In Eng.). URL: <https://www.shanghairanking.com/methodology/arwu/2025>.
11. Лбова Л. В., Решетнева У. Н. Международные рейтинги технических университетов России и Китая 2025 года в контексте модернизации высшей школы // *Россия в глобальном мире*. 2025. Т. 28, № 3. С. 134–154. DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.8.
12. QS World University Rankings 2026: Methodology // QS Top Universities : сайт. (In Eng.). URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings/methodology>.
13. World University Rankings 2026: Methodology // Times Higher Education : сайт. (In Eng.). URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/methodology>.
14. Ковалев В. Е., Соколова Е. В. Рейтинги университетов как фактор институционализации наукометрических услуг в социально-экономической системе высшего образования // *Экономика и управление*. 2026. Т. 32, № 6. С. 688–697. DOI: 10.35854/1998-1627-2026-6-688-697.
15. Kochetkov D. Review of the Russian-language academic literature on university rankings and a global perspective // *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023. Vol. 10. Article 576. (In Eng.). DOI: 10.1057/s41599-023-02082-2.
16. Стратегические академические лидеры «Приоритет 2030» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/>.

References

1. Kochetkov D. University rankings in the context of research evaluation: A state-of-the-art review. *Quantitative Science Studies*. 2024;5(3):533–555. DOI: 10.1162/qss_a_00317.
2. Teixeira T., Picinin C.T. University Rankings: Proposal for a Future Research Agenda through a Systematic Literature Review. *Sustainability*. 2024;16(7):3043. DOI: 10.3390/su16073043.
3. Kochetkov D.M. Why we don't need university rankings. *E`konomika nauki = Economics of Science*. 2025;11(3):97–109. (In Russ.). EDN: ENKZEG.
4. Moed H. F. A critical comparative analysis of five world university rankings. *Scientometrics*. 2016;110(2):967–990. DOI: 10.1007/s11192-016-2212-y.
5. Johnes J. University rankings: What do they really show? *Scientometrics*. 2018;115(1):585–606. DOI: 10.1007/s11192-018-2666-1.
6. Vernon M. M., Balas E.A., Momani S. Are university rankings useful to improve research? A systematic review. *PLOS ONE*. 2018;13(3):e0193762. DOI: 10.1371/journal.pone.0193762.
7. Schindler L., Puls-Elvidge S., Welzant H., Crawford L. Definitions of quality in higher education: A synthesis of the literature. *Higher Learning Research Communications*. 2015;5(3):3–13. DOI: 10.18870/hlrc.v5i3.244.

8. Prakash G. Quality in higher education institutions: Insights from the literature. *The TQM Journal*. 2018;30(6):732–748. DOI: 10.1108/TQM-04-2017-0043.
9. How U. S. News Calculated the 2026 Best Colleges Rankings. 2026 Best National Universities Rankings — Colleges: website. Available from: <https://www.usnews.com>.
10. Academic Ranking of World Universities 2025: Methodology. ShanghaiRanking Consultancy: website. Available from: <https://www.shanghairanking.com/methodology/arwu/2025>.
11. Lbova L. V., Reshetneva U. N. International ranking of chinese and russian universities in the context of modernization of higher education in 2025. *Rossiia v global`nom mire = Russia in the Global World*. 2025;28(3):134–154. (In Russ.). DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.8.
12. QS World University Rankings 2026: Methodology. QS Top Universities: website. Available from: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings/methodology>.
13. World University Rankings 2026: Methodology. Times Higher Education: website. Available from: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/methodology>.
14. Kovalev V. E., Sokolova E. V. University rankings as a factor in the institutionalization of scientometric services in the socio-economic system of higher education. *E`konomika i upravlenie = Economics and Management*. 2026;32(6):688–697. (In Russ.). DOI: 10.35854/1998-1627-2026-6-688-697.
15. Kochetkov D. Review of the Russian-language academic literature on university rankings and a global perspective. *Humanities and Social Sciences Communications*. 2023; 10: 576. DOI: 10.1057/s41599-023-02082-2.
16. Strategic Academic Leaders "Priority-2030". Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation: official website. (In Russ.). Available from: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030/>.

Информация об авторе

М. Б. Ребезов — доктор сельскохозяйственных наук, профессор, главный научный сотрудник.

Information about the author

M. B. Rebezov — Doctor of Sciences (Agricultural), Professor, chief researcher.

Статья поступила в редакцию 01.09.2026; одобрена после рецензирования 18.09.2026; принята к публикации 22.09.2026.

The article was submitted 01.09.2026; approved after reviewing 18.09.2026; accepted for publication 22.09.2026.

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОВЕДЕНИЯ СЕРТИФИКАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ (ТПОО/TVET)

Независимая сертификация экспертным сообществом по рекомендациям UNESCO-UNEVOC дает образовательным учреждениям России и СНГ международное признание, а главное, она вносит вклад в достижение глобальных целей устойчивого развития.

В материале по сертификации образовательных программ профессионально-технического обучения (ТПОО/TVET) по стандартам UNESCO-UNEVOC представлена процедура, которую проводит Центр UNEVOC в Российской Федерации на базе Башкирского института социальных технологий (филиала) Образовательного учреждения профсоюзов высшего образования «Академия труда и социальных отношений» (БИСТ (филиал) ОУП ВО «АТИСО») в Уфе.

Его задача — организация и проведение сертификации образовательных учреждений России и СНГ для продвижения международных инициатив по качественному и современному образованию и обучению. Сертифицируются образовательные программы профессионально-технического образования и обучения (ТПОО/TVET).

Центр UNEVOC в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТИСО» разработал перечень требований (показателей) на соответствие рекомендациям UNESCO-UNEVOC для сертификации, включающий 8 блоков:

1. Инновационность программы — цифровые технологии обучения, актуальность содержания, развитие критического мышления, предпринимательские компетенции.

2. Соответствие требованиям рынка труда — партнерство с работодателями, практическая направленность, компетентный подход, гибкость программ.

3. Устойчивое развитие и социальная ответственность — интеграция экологических тем, «зеленые» профессии, социальная инклюзия, этические стандарты.

4. Качество педагогического состава — повышение квалификации преподавателей, ак-

тивные методы обучения, мониторинг качества.

5. Инфраструктура и ресурсы — техническое оснащение, цифровые ресурсы, экологическая устойчивость.

6. Управление и политика организации — стратегия развития, мониторинг эффективности, вовлечение заинтересованных сторон, прозрачность.

7. Международное сотрудничество — участие в проектах UNEVOC, мобильность, адаптация международных практик.

8. Оценка и сертификация компетенций — компетентный подход, практическая оценка, признание неформального обучения, объективность процедур.

Важно различать два процесса, которые часто объединяют под термином «сертификация UNEVOC»:

1. Членство в Сети UNEVOC — вступление учреждения в глобальную сеть UNESCO-UNEVOC в качестве Центра UNEVOC. Процедура проходит через Секретариат в Бонне.

2. Сертификация образовательных программ по стандартам UNESCO-UNEVOC — экспертиза программ на соответствие рекомендациям UNEVOC, которую проводит Центр UNEVOC в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТИСО».

Процедура сертификации программ для образовательных учреждений России и СНГ иницируется через обращение в Центр UNEVOC в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТИСО», прямой ссылки на онлайн-форму заявки сайте unevoc.ru нет.

На официальном сайте центра UNEVOC в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТИСО» (unevoc.ru) в разделе «Документы» содержатся: перечень требований (показателей) для экспертизы на сертификацию по стандартам UNEVOC-UNESCO, касающейся инновационной, современной и устойчивой подготовки технических и профессиональных специалистов, план работы экспертного совета и другие материалы.

При Центре UNEVOC в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО» создан экспертный совет из ученых, преподавателей вузов России и СНГ, представителей бизнеса, который на основе перечня требований и практики Центра проводит экспертизу. Для подготовки к экспертизе потребуются:

- Официальное письмо-обращение от руководства учреждения в адрес Центра UNEVOC в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО» с просьбой о проведении сертификации.
- Описание образовательной программы — цели, содержание, структура, модульность, используемые технологии.
- Документы, подтверждающие официальное признание — лицензия на образовательную деятельность, свидетельство о государственной аккредитации.
- Материалы по партнерству с работодателями — договоры, совместные проекты, отзывы.
- Сведения о педагогическом составе — квалификация, опыт, повышение квалификации.
- Описание инфраструктуры — лаборатории, оборудование, цифровые ресурсы.
- Стратегия развития учреждения — ориентация на инновации и устойчивое развитие.
- Информация о международном сотрудничестве — участие в проектах, обмены, стажировки.
- Данные по оценке компетенций — методы оценки, стандарты, результаты трудоустройства выпускников.

Порядок прохождения сертификации программ (по данным Центра UNEVOC в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО»):

1. Регистрация обращения о проведении сертификации.
2. Анализ предоставленных материалов по программе и учреждению согласно перечню требований.
3. Экспертиза экспертным советом Центра UNEVOC по 8 блокам показателей.

4. Подготовка структурированного заключения о соответствии программы международным критериям UNESCO-UNEVOC.

5. Принятие решения о сертификации.

Проект письма-обращения в Центр UNEVOC в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО» представлен в приложении 1. Письмо пишется на официальном бланке организации, подписывается руководителем.

Рекомендуемый план действий:

1. Собрать доказательную базу по каждому блоку — документы, договоры, учебные планы, фотографии лабораторий, отзывы работодателей.

2. Устранить пробелы — внедрить недостающие модули (VR/AR, зеленые IT, этика, предпринимательство), заключить 3–5 договоров с IT-компаниями.

3. Документировать систему оценки компетенций — описать процедуры, рубрики, портфолио.

4. Подготовленный пакет документов вместе с официальным письмом-обращением направить в Центр UNEVOC в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО».

5. Дождаться результатов экспертизы экспертного совета Центра UNEVOC в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО».

Выражаем надежду на широкое участие образовательных учреждений России и стран СНГ в независимой сертификации образовательных программ для продвижения целей устойчивого развития, которые отражают общую направленность ключевых международных институтов глобального управления («Группа двадцати» и БРИКС) по обеспечению сильного, устойчивого и сбалансированного экономического роста [7].

Контактное лицо по вопросам, связанным с сертификацией: Наталья Георгиевна Курамшина, председатель экспертного совета Центра UNEVOC в Российской Федерации на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО». Телефон: +7 9875897152. E-mail: n_kuramshina@mail.ru.

Руководитель Центра UNEVOC в Российской Федерации
на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО»

Т. А. Нигматуллина

Председатель экспертного совета Центра UNEVOC в Российской Федерации
на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТиСО»

Н. Г. Курамшина

Исх. № ____ от « ____ » _____ 20__ г.

Руководителю Центра UNEVOC в Российской Федерации
на базе БИСТ (филиала) ОУП ВО «АТИСО»
[должность руководителя]
от [должность руководителя]
[Полное название образовательной организации]
[ФИО руководителя].

Обращение о проведении сертификации образовательной программы
по стандартам UNESCO-UNEVOC

Уважаемый руководитель!

[Полное название учреждения] обращается к Вам с просьбой о проведении сертификации образовательной программы по стандартам UNESCO-UNEVOC.

Наша организация осуществляет образовательную деятельность в области технического и профессионального образования и обучения (ТПОО) с [год начала деятельности].

Организация имеет [лицензию / свидетельство о государственной аккредитации] № [номер] от [дата], выданное [наименование органа, выдавшего документ].

Сведения об организации:

- Тип и вид образовательной организации: [указать]
- Численность обучающихся: [указать]
- Численность педагогического состава: [указать]
- Основные направления подготовки: [перечислить]

Сведения о программе, предлагаемой для сертификации:

- Наименование программы: [указать]
- Уровень образования: [СПО / ДПО / ВПО — указать]
- Срок реализации: [указать]
- Количество обучающихся по программе: [указать]
- Партнеры-работодатели: [перечислить ключевых]

Организация заинтересована в подтверждении соответствия образовательной программы международным критериям качества UNESCO-UNEVOC и готова предоставить полный пакет документов, необходимых для проведения экспертизы, в соответствии с перечнем требований для сертификации.

Просим Вас:

1. Разъяснить порядок и условия проведения сертификации.
2. Направить форму заявки (анкеты) и список документов, необходимых для подачи.
3. Указать сроки рассмотрения и стоимость процедуры (при наличии).

Приложение:

1. Копия лицензии на образовательную деятельность — на ____ л.
2. Копия свидетельства о государственной аккредитации — на ____ л.
(если применимо)
3. Описание образовательной программы — на ____ л.

[Должность руководителя]

[Название организации]

_____ /

[ФИО руководителя] /

М.П.

**ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К СТАТЬЯМ,
НАПРАВЛЯЕМЫМ В ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК БИСТ
(БАШКИРСКОГО ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ)»**

1. Максимальный объем статьи 15 полных страниц, минимальный — 5 страниц, набранных в соответствии с указанными ниже требованиями:

- текстовый редактор Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14 пт, междустрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: левое поле — 3 см, верхнее, нижнее поля — 2 см, правое — 1,5 см;
- абзацный отступ 1,25 см устанавливается автоматически;
- ориентация книжная;
- выравнивание по ширине.

2. Встречающиеся в тексте условные обозначения и сокращения раскрываются при первом упоминании их в тексте.

3. Таблицы в тексте рекомендуется выполнить в редакторе Microsoft Word. Не принимаются в работу отсканированные таблицы и в виде рисунка.

4. Графики, схемы, рисунки, диаграммы, фотографии и другие графические объекты должны быть пронумерованы и дополнительно представлены отдельными файлами в формате *.jpg или *.tif в черно-белом изображении с разрешением не менее 300 dpi. Подписи к объектам указываются в основном тексте в месте, куда должен быть помещен объект. Изображения должны располагаться в пределах рабочего поля, допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров. Линии графиков и рисунков в файле должны быть сгруппированы.

5. Формулы должны быть набраны в стандартном редакторе формул.

6. Файл именуется по фамилии автора (например, «Иванов.doc»); графические файлы именуются по номеру рисунка, таблицы и т. п. (например, «рисунок 1.jpg», «таблица 3.doc»).

7. Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников». Он должен содержать не более 15 источников, в том числе не более 3 ссылок на публикации авторов статьи и их соавторов с целью избежать недобросовестного увеличения библиометрических показателей авторов.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок составляют по ГОСТ Р 7.0.5—2008.

В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.

Отсылки на затекстовые библиографические ссылки в тексте статьи заключаются в квадратные скобки.

Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на английском языке („References”) согласно Vancouver Style.

Пример:

Сорокин Д. Е., Сухарев О. С. Структурно-инвестиционные задачи развития экономики России // Экономика. Налоги. Право. 2013. № 3. С. 4–15.

Sorokin D. E., Sukharev O. S. Structural and investment objectives of the development of the Russian economy. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes. Law*. 2013;(3):4-15. (In Russ.).

8. Заголовок статьи приводят на русском и английском языках.
 9. Основные сведения об авторе(ах) приводятся на русском и английском языках и содержат:
 - имя, отчество, фамилию автора (полностью);
 - наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город, страна);
 - электронный адрес автора (e-mail);
 - открытый идентификатор ученого (Open Researcher and Contributor ID — ORCID) (при наличии).
 10. Аннотацию формируют по ГОСТ Р 7.0.99 на русском и английском языках. Объем аннотации не должен превышать 250 слов.
 11. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Их приводят на русском и английском языках.
 12. Материалы публикуются на безгонорарной основе.
 13. Авторы полностью несут ответственность за достоверность сведений, точность цитирования и ссылок на официальные документы и другие источники, а также отсутствие сведений, не подлежащих опубликованию в открытой печати.
 14. Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания.
 15. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии не публикуются, рукописи не возвращаются.
 16. Автор, ответственный за переписку, должен предоставить в редакцию заполненные регистрационные карты на всех авторов и согласие на обработку персональных данных, разрешенных для распространения, от каждого из них.
- Регистрационную карту можно скачать на сайте *vestnik-bist.ru*.

Вестник БИСТ

(Башкирского института социальных технологий)

Серия «Общественные науки». 2026. № 3 (72)

Компьютерная верстка *Г. Г. Аминевой*
Техническое редактирование: *Т. Е. Бочарова*

Сдано в набор 22.09.2026. Дата выхода в свет 30.09.2026.
Формат 60 x 84/8. Усл. печ. л. 18,6. Уч.-изд. л. 13,25.
Гарнитура «FranklinGothicBookC». Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Тираж 150 экз. Заказ 54

Цена: бесплатно

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-34653 от 2 декабря 2008 г.

Башкирский институт социальных технологий (филиал)
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
Адрес редакции и издателя:
Проспект Октября, д. 74/2, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450054
Тел. +7 (347) 216-41-62
e-mail: vestnikbist@ufabist.ru
www.vestnik-bist.ru

Отпечатано в типографии ИП Абдуллина Ирина Аркадьевна
Проспект Октября, д. 27, корп. 2, оф. 61, г. Уфа, Республика Башкортостан, 450059
www.proprint02.ru